

ISSN 0132-1366

СЛАВЯНО ·
ВЕДЕНИЕ

1999

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

МАЙ •

ИЮНЬ •

СТАТЬИ

К 275-летию Российской Академии наук

Арапов Д.Ю. (Москва). Исследователи "Записки" Ибн Фадлана в России (К 60-летию издания "Путешествия Ибн Фадлана на Волгу") 3

К десятилетию восточноевропейских революций

Новопашин Ю.С. (Москва). Новая региональная идентичность центральноевропейских стран как научная проблема 15

Майорова О.Н. (Москва). Роль и место Польши в современной Европе (дискуссии в польском обществе) 30

Зудинов Ю.Ф. (Москва). Болгария: трудный путь в "большую Европу" 44

К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина

Будагова Л.Н. (Москва). Восприятие творчества А.С. Пушкина чешским поэтическим авангардом 58

Кишкин Л.С. (Москва). А.С. Пушкин и словацкая литература 68

Стыкалин А.С. (Москва). Творчество А.С. Пушкина в контексте восприятия русской литературной классики в Венгрии (XIX – первая половина XX века) 74

* * *

Мочалова В.В. (Москва). Категория "чужого" в культуре романтизма (К 200-летию со дня рождения Адама Мицкевича. 1798–1998) 84

Лаптева Л.П. (Москва). Чешский ученый XIX века Франтишек Палацкий и его связи с русской наукой 92

СООБЩЕНИЯ

<i>Шостакович Б.С.</i> (Иркутск). Дело о неизвестном иркутском корреспонденте "Московских ведомостей"	103
<i>Муртузалиев С.И.</i> (Махачкала). Константин Иречек и Болгария	108
<i>Блюмова Д., Блюмов Й.</i> (Чешски Будеёвицы). "Крестный путь" чехов за Нобелевской премией по литературе	112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Мочалова В.В.</i> Международная научная конференция "Адам Мицкевич – традиция и новаторство"	120
Новые издания Института славяноведения РАН	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И.И. Бизьева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Адельгейм И.Е., Белова О.В., Васильев М.А., Веслова И.Ю., Кошкина Е.А.*

К 275-летию Российской Академии наук

© 1999 г. Д.Ю. АРАПОВ

ИССЛЕДОВАТЕЛИ "ЗАПИСКИ" ИБН ФАДЛАНА В РОССИИ
(К 60-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ
"ПУТЕШЕСТВИЯ ИБН ФАДЛАНА НА ВОЛГУ")

Одним из наиболее выдающихся памятников арабской средневековой географической литературы является "Рисале" ("Записка") путешественника Ахмеда Ибн Фадлана, ездившего вместе с посольством багдадского халифа ал-Муктадира (908–932) к царю волжских булгар в 921–922 гг. Значение этого источника для истории Восточной Европы бесценно: Ибн Фадлан, в отличие от других арабских историков и географов, как известно, был первым арабским исследователем, непосредственно посетившим те места, о которых писал. Выдающиеся арабские ученые ал-Масуди, Ибн Хаукаль, ал-Мукаддаси, несомненно, превосходили Ибн Фадлана по эрудиции и широте охвата материала, но черпали его из вторых или третьих рук, поэтому вынужденно зависели от степени точности и достоверности поступавшей к ним первичной информации.

Судьба трактата Ибн Фадлана сложилась достаточно непросто. Вплоть до 1920-х годов историкам были известны лишь отдельные выдержки из его труда, дошедшие в изложении в знаменитом арабском географическом словаре Абу Абдаллаха Якута ал-Хамави ар-Руми (1179–1229) и в пересказе персидских авторов Наджиба Хамадани (XII в.) и Амина Рази (XVI в.) [1. С. 323–325, 330–342, 531].

Изучению "Записки" Ибн Фадлана были посвящены работы целого ряда выдающихся представителей отечественной науки, чья деятельность неразрывно связана с Академией наук, которая со времени ее основания Петром Великим являлась главным центром российского востоковедения.

Стимулом к возникновению интереса к Ибн Фадлану в России послужила статья 1814 г. датского ориенталиста Я. Расмуссена, основой которой был перевод одного из текстов Ибн Фадлана из словаря Якута [2].

Первым российским исследователем трактата Ибн Фадлана стал основоположник русского востоковедения академик Христиан Мартин (Христиан Данилович) Френ (1782–1851) [3. С. 119–121, 241–254]. Уроженец северо-западной Германии – одного из самых бедных уголков Центральной Европы, – Френ должен был искать источники существования за пределами родины. Многих молодых честолюбивых немцев особенно привлекала далекая богатая Россия. Именно здесь в середине XVIII в. обрела свою

судьбу их знаменитая соотечественница – землячка Френа принцесса Софья-Фредерика-Августа Ангальт-Цербстская (будущая императрица Екатерина Великая). Выпускник университета в Ростове, доктор-философии Френ с 1807 г. стал профессором восточных языков в Казанском университете, где начал изучение мусульманских монет. На основе кропотливого исследования их реалий (определение места чеканки, анализ имен правителей и династий и т.д.) Френ заложил фундамент восточной (прежде всего арабской) нумизматики в России. Получив приглашение вернуться в Ростов и занять кафедру в родном университете, Френ оставил Казань, но по пути домой задержался для работы в Санкт-Петербурге. В 1818 г., оставшись навсегда в России, Френ стал основателем и первым руководителем Азиатского музея – первого востоковедного учреждения в системе Академии наук.

Работа Расмуссена сразу привлекла внимание Френа. Отталкиваясь от нее и от оказавшейся с 1819 г. в Азиатском музее одной из рукописей сочинения Якута, Френ в 1822–1832 гг. издал цикл работ о путешествии Ибн Фадлана – сообщения о хазарах, башкирах, булгарах с привлечением параллельных текстов других авторов (Ибн Хаукаль) на арабском языке и их переводы [4]. Самым знаменитым из них стало капитальное исследование о русах, где Френ опирался как на трактат Ибн Фадлана, так и на сведения ал-Масуди, Ибн Хаукаля и ряда других арабских географов [5]. Последняя работа Френа стала первоосновой для изучения арабских источников по истории Древней Руси. Переводы Френа были выполнены или на латыни, или на немецком языке, снабжены обширными комментариями и указателями.

Значение работ Френа, объединенных общим источником – "Запиской" Ибн Фадлана, сохранялось в полной мере до начала XX в. По отзыву академика В.Р. Розена, обаяние трудов Френа было так велико, "что ориенталисты согласились признать результаты, добытые Френом относительно Ибн Фадлана, окончательными и бесповоротными и, следовательно, не подлежащими пересмотру" [6. С. 40–41]. Действительно, вплоть до конца XIX в. исследователи спорили о толковании тех или иных терминов и мест в источнике, но главный вывод Френа о несомненной достоверности сведений Ибн Фадлана воспринимался как аксиома.

В первой половине XIX в. работа над текстом Ибн Фадлана была продолжена рядом известных отечественных востоковедов. Его первые русские переводы были выполнены исследователем Центральной Азии, первым руководителем кафедры истории Востока Петербургского университета членом-корреспондентом АН В.В. Григорьевым (1816–1881) [3. С. 258–266]. В 1836 г. в статье "Волжские булгары" он выпустил в свет рассказы Ибн Фадлана о булгарах и хазарах на русском языке [7]. Широко использовал в своих работах материалы исследований Френа его ученик – русский востоковед и нумизмат П.С. Савельев (1814–1859) [8].

Среди сведений Ибн Фадлана о Восточной Европе наибольший интерес русских историков вызвал знаменитый рассказ о русах. Он сразу же привлек внимание Н.М. Карамзина [3. С. 407–408]. Вопрос о трактовке этнической принадлежности описываемых арабским путешественником участников похорон знатного руса стал одним из объектов спора норманистов и антинорманистов [9]. Следует отметить, что участники данной дискуссии могли ожесточенно пререкаться друг с другом по поводу толкования тех или иных сведений и терминов, но сходились в том, что Ибн Фадлан был реальным свидетелем большинства описываемых в его трактате событий. Поэтому, например, достоверной полагал его информацию С.М. Соловьев, который опирался на данный источник в "Истории России с древнейших времен" [10. С. 249].

Важным этапом в расширении возможностей изучения сведений Ибн Фадлана стало предпринятое в 1866–1873 гг. немецким ученым Ф. Вюстенфельдом полное критическое издание "Географического словаря" Якута [11]. По справедливому мнению А.П. Ковалевского, "оно дало возможность... ознакомиться с сочинением Якута в целом без пропусков и подчас грубых ошибок, имеющих в (разных. – Д.А.) рукописях и, таким образом, подойти с наиболее глубокой оценкой к тем отрывкам из Ибн Фадлана, которые были в нем сохранены" [12. С. 14].

Именно на этом издании (с использованием комментариев Френа) базировался русский перевод текстов Ибн Фадлана, который был выполнен востоковедом Абрамом Яковлевичем Гаркави (1839–1919). Автор около 400 работ по семитологии, Гаркави больше известен в России как составитель и переводчик наиболее широкого по охвату материалов издания мусульманских источников о раннесредневековой Восточной Европе [13]. Среди переводов выдержек из трудов 26 арабских авторов Гаркави поместил шесть отрывков из трактата Ибн Фадлана: "Башгурд", "Хазар", "Булгар", "Рус", "Итиль", "Хорезм" (пятый из них Френом переводился лишь сокращенно, последний вообще не был им затронут). Последующие историки не раз высказывали ряд критических замечаний по поводу качества переводов Гаркави, но и сейчас ничего более полного по охвату используемого круга авторов в отечественной ориенталистике нет. Его материалами пользовались практически все русские историки конца XIX в. Так, видимо, на перевод Гаркави опирался в своей работе В.О. Ключевский, когда в "Курсе русской истории" упомянул о русах. Ключевский подчеркивал неопределенность этнического их (варяжского или славянского) происхождения, но не сомневался в реальности описываемых Ибн Фадланом событий [14].

Вера в подлинность свидетельств Ибн Фадлана привела к созданию одного из самых известных произведений русской исторической живописи XIX в. В 1884 г. специально по заказу Исторического музея в Москве было написано и помещено в его экспозиции огромное полотно Г.И. Семирадского "Похороны руса". Ярким художественным языком как бы подтверждались правдивость рассказа арабского путешественника, его слова обретали видимую образность и реальность [15].

В самом конце XIX в. в отношении к трактату Ибн Фадлана в России наступил новый этап. Связан он был не с открытием более полных текстов источника, а с появлением сторонников отрицания его подлинности.

В 1899 г. известный русский археолог А.А. Спицын выступил со статьей «О степени достоверности "Записки" Ибн Фадлана» [16]. Спицын был настроен резко критически по отношению к данному источнику, утверждал, что в нем масса несообразностей, искажений и умолчаний. Написан же трактат, по мнению Спицына, был если и на самом деле Ибн Фадланом, то со слов какого-то арабского путешественника, действительно побывавшего в Восточной Европе, причем очевидец этот был плохо понят, рассказ его сильно исказил пересказчик.

По общему мнению последующих исследователей труда Ибн Фадлана, критика Спицына имела мало общего с настоящим научным подходом, в большинстве случаев представляла ряд весьма странных придинок. Однако, на наш взгляд, как это бывает в науке, статья Спицына, пусть и вне субъективного желания ее автора, показала необходимость более глубокого и тщательного изучения данного памятника. Может быть, именно благодаря резкости критики Спицына в начале XX в. Ибн Фадлан стал объектом внимания нескольких выдающихся востоковедов России.

Статья "В защиту Ибн Фадлана" стала одной из последних работ члена-корреспондента АН Владимира Густавовича Тизенгаузена (1825–1902) [17]. Автор ее был известен как блестящий археолог и нумизмат, составитель до сих пор непревзойденного сборника переводов сведений мусульманских авторов о монголах [18]. В своей статье Тизенгаузен резко опровергал подход Спицына и критиковал целый ряд его утверждений (об отсутствии народа Вису (т.е. весь), о шейных украшениях у русов и т.д.). Тизенгаузен счел возможным обратиться и к материалам своих личных наблюдений. Так, он подтвердил справедливость рассказа Ибн Фадлана о змеях, висящих на дереве, заметив, что он сам в 1884 г. в устье Волги, на Ахтубе, был свидетелем того, как целые связки змей висели, правда, не на деревьях, а на камышах [19]. Вместе с тем Тизенгаузен считал необходимым продолжить изучение имеющихся в распоряжении ученых текстов Ибн Фадлана с целью более глубокого видения заложенного в них смысла.

Необходимость анализа труда Ибн Фадлана в соответствии с новыми научными требованиями понимал выдающийся русский востоковед академик Виктор Романович

Розен (1849–1908) [20. С. 157–188]. Розен обратился к изучению истории народов Восточной Европы уже в начале своего научного творчества, подготовив и выпустив в свет, совместно с А.А. Куником, подборку текстов и переводов арабского географа XI в. ал-Бекри о славянах, хазарах, печенегах и болгарях [21]. По мнению члена-корреспондента АН А.Ю. Якубовского, когда в начале XX в. Розен обратился к трактату Ибн Фадлана, в его лице выступал не просто первоклассный арабист, но и один из лучших знатоков методов работы с восточными, прежде всего арабскими, источниками. Действительно, можно констатировать, что небольшая по размеру работа Розена, посвященная труду Ибн Фадлана, вышедшая в 1904 г., отразила огромный исследовательский опыт и Розена, и всех востоковедов его поколения [22]. Главная задача, поставленная Розеном в его статье, звучала так: "...[надо] формулировать некоторые основные положения, которые могут послужить исходной точкой для дальнейшего подробного исследования", в частности: 1) какими источниками пользовался изучаемый автор (в данном случае Розен имел в виду Якута, в передаче которого дошел рассказ Ибн Фадлана; 2) каким образом использовал их [6. С. 42]. Розен показал, что в целом Якут достаточно критически подошел к рассказам Ибн Фадлана о башкирах, хазарах, булгарах, русах и Хорезме. Однако при этом Якут, хотя и полагал недостоверными многие сведения Ибн Фадлана, но не считал для себя возможным (за что Розен его высоко ценил) искажать даже сомнительную с его, Якута, точки зрения информацию. Розен весьма высоко оценил главный принцип Якута – редактора и передатчика чужой информации: "Быть правдивым в отношении к человеку, слова которого ты приводишь, заключается в том, чтобы верно, не искажая смысла, передать их". Ученый подчеркивал то, что ряд сведений Ибн Фадлана, казавшихся Якуту недостоверными, на самом деле полностью подтвердились (например, рассказ о северном сиянии). Розеном был заново произведен полный русский перевод двух отрывков Ибн Фадлана у Якута – "Итиль" и "Хорезм". Розен, в отличие от Тизенгаузена, был более корректен по отношению к критике Ибн Фадлана со стороны Спицына, но считал, что ситуация с изучением и состоянием данного памятника такова, что просто преждевременно делать какие-либо окончательные выводы.

На протяжении ряда лет сведения "Записки" Ибн Фадлана обращался выдающийся русский востоковед академик В.В. Бартольд (1869–1930) [20. С. 249–262]. Он высоко ценил значение ее информации для изучения прошлого Восточной Европы, а также Хорезма, история которого была главной научной темой ученого [23]. Специально к работе над трактатом Ибн Фадлана Бартольд обратился во втором десятилетии XX в. в докладе "К вопросу о записке Ибн Фадлана" (1912) и особенно в известном труде "Арабские известия о русах" (1918) [24; 25. С. 810–858]. В изучении данного памятника проявились характерные черты Бартольда историка, главным для которого при анализе любого источника было стремление критически исследовать весь фонд имеющихся свидетельств и доказательств. Рассматривая в 1918 г. труд Ибн Фадлана в ряду других арабских источников о Восточной Европе, переведя заново ряд текстов, в частности описание похорон знатного руса, Бартольд писал: "Несомненно, что в собранных Ибн Фадланом расспросных сведениях много фантастического, возможно, что он и там, где он говорит как очевидец (т.е. Бартольд не сомневался в реальности путешествия Ибн Фадлана. – Д.А.), он не все сумел правильно понять, запомнить и передать, но все-таки в его рассказе – особенно в рассказе о погребении знатного руса, виден внимательный и добросовестный наблюдатель. Можно только пожалеть, что до нас не дошел полный текст его труда и что многочисленные списки, существовавшие в эпоху Якута, по-видимому, исчезли бесследно" [25. С. 843].

Данный пессимистический вывод Бартольда был сделан всего за пять лет до нахождения наиболее полного текста Ибн Фадлана. Бартольд, конечно, не мог предвидеть, что найдет эту рукопись человек ему, Бартольду, лично известный, а его приведенные слова выйдут в свет в 1940 г. при участии другого ученого, который станет первым русским переводчиком наиболее полного варианта труда замечательного арабского путешественника.

Судьбу двух этих ученых, представителей в общем одного поколения – А.-З. Валидова (1890–1970) и А.П. Ковалевского (1958–1969) – во многом определило огромное потрясение мира, которое принесла с собой Октябрьская революция 1917 г.

До недавнего времени в отечественной историографии имя первого из них – Ахмеда-Заки Валидова (Тогана Заки Валиди) упоминалось прежде всего в связи с событиями политической борьбы 1917–1923 гг. и в крайне негативном свете [26]. Лишь в последнее время вышел ряд статей, посвященных его научной и просветительской деятельности, в 1997 г. в Москве были опубликованы его интереснейшие "Воспоминания" [27, 28]. Новые материалы дали возможность широко и всесторонне представить облик этой незаурядной личности, оставившей достаточно заметный след в самых различных сферах истории отечественной науки и политики XX в.

Валидов родился в 1890 г. в Уфимской губернии в семье башкирского сельского имама. Отец его, по словам сына, был разумным человеком, "для него жизнь была жизнью, религия – религией, и в жизни он следовал не шариату, а традициям". С детства Валидов мечтал получить хорошее образование. Учеба в медресе Оренбурга и Казани дополнялась постоянным самообразованием. Его особенно тянуло к изучению источников по истории тюркских народов, возможности поиска новых рукописных материалов. Уже в молодости Валидов стремился войти в круг наиболее авторитетных для него людей – представителей русской ориенталистики, в то время одной из сильнейших в мире.

В 1913–1914 гг. Валидов дважды побывал в Средней Азии, где им был обнаружен ряд неизвестных и ценных рукописей. Приблизительно в это же время устанавливается вначале через переписку, а затем и личное (видимо, с 1916 г.) знакомство Валидова с Бартольдом. Петербургский ученый, обычно весьма скупой и сдержанный на похвалу и поощрение, высоко оценил способности и трудолюбие молодого провинциала и даже поставил вопрос о создании Валидову условий для зачисления в слушатели факультета восточных языков Петроградского университета. Однако в годы первой мировой войны Валидов был более увлечен политикой, чем наукой. С 1916 г. он сотрудничал с мусульманской фракцией IV Государственной думы, а после Февраля 1917 г. стал участником великой драмы русской революции.

В годы гражданской войны Валидов – активный деятель и один из руководителей башкирского национального движения. Судьба бросала Валидова попеременно в различные враждебные друг другу политические лагеря. Так, в 1918 г. – первой половине 1919 г. он находился в стане врагов большевиков, с лета 1919 г. до мая 1920 г. сотрудничал с Советской властью и занимал ряд видных постов в руководстве Башкирской республики. Валидов постоянно помнил о своих старых знакомых – ученых-востоковедах в городе на Неве. Осенью 1919 г. он поехал вместе с Башкирской бригадой, посланной для борьбы с Юденичем, на север. Валидов привез с собой продукты в голодный Петроград и практически спас от смерти академиков В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского, С.Ф. Ольденбурга, Ф.И. Щербатского. Порвав с большевиками, почти три года – с мая 1920 г. по февраль 1923 г. – Валидов пытался организовать в Туркестане сопротивление Советской власти и Красной Армии.

Разочаровавшись в конечном счете в возможности дальнейшей вооруженной борьбы, Валидов решил эмигрировать. Первым большим заграничным городом на его пути стал главный центр иранской провинции Хорасан – Мешхед, построенный вокруг важнейшей шиитской святыни – гробницы алидского имама Али Ибн Муса ар-Риза [29]. Находясь в состоянии душевного стресса из-за неудач в политической деятельности, Валидов пытался снять напряжение возвратом к научным занятиям. Вот что он писал о научных итогах своего месячного пребывания весной 1923 г. в Мешхеде: «Самым важным делом было внимательнейшее изучение библиотеки Равза (входящей в комплекс святых мест вокруг вышеназванной гробницы. – Д.А.), истинной мешхедской святыни... О важных находках, сделанных здесь, я сообщил через год в Париже, когда приехал на заседание французского азиатского общества. Я нашел труд знаменитого арабского путешественника Ибн ал-Факиха, жившего в IX – первой половине

X в. и приложенные к этому труду книги путешественников Ибн Фадлана и Абу Дулафа. Отрывки из произведений этих двух путешественников привел в своем труде арабский географ Якут Хамави, поэтому они частично были известны в Европе... [но]... считались утерянными... Мне [удалось] получить разрешение директора библиотеки взять книгу, чтобы работать дома. Фотоаппарата при мне не было, и надо было работать день и ночь, чтобы переписать книгу. От этой находки радости моей не было конца... По поводу своих находок я записал в дневник: "Возможно, Ибн ал-Факих и Ибн Фадлан укажут новое направление моей жизни". Так и случилось» [28. С. 379–380]. Действительно, впоследствии главным в жизни Валидова станет научная деятельность, а главной темой ее – изучение труда Ибн Фадлана [30].

Почти сразу после открытия Валидов считал своим долгом оповестить о замечательной находке наставника – академика Бартольда. В 1924 г. статья Валидова об уникальной мешхедской находке по рекомендации Бартольда вышла в свет в только что переименованном в Ленинград городе на Неве [31]. По своим предварительным наблюдениям над попавшим в его руки текстом сочинения Ибн Фадлана Валидов пришел к выводу, что Якут, несомненно, читал весь труд Ибн Фадлана, но включил в свой словарь только то, что ему показалось интересным; то же, что его не заинтересовало, он просто пропустил. Наблюдения Валидова были учтены Бартольдом при дальнейшем уточнении ряда мест в его труде "Арабские известия о русах" в 1926 г. [25. Прим. 13, 19, 45, 48]. Бартольд и Валидов поддерживали контакты и дальше, в частности во время пребывания Бартольда в Стамбуле в 1926 г. [28. С. 495; 32. Ед.хр. 454, 455; 33]. Все это еще раз показывает, что оба ученых ставили интересы науки выше моментов политической конъюнктуры и нетерпимости. Последующие изыскания Валидова, особенно в области тюркологии, встречали в большинстве случаев обоснованное неприятие в среде отечественных исследователей, но они при этом, как правило, подчеркивали широкую эрудированность начавшего некогда в России свою научную деятельность ученого [34. С. 358].

Судьба Андрея Петровича Ковалевского, с именем которого связано появление первого русского перевода наиболее полного текста "Записки" Ибн Фадлана, сложилась по-своему драматично и непросто.

При восстановлении основных этапов жизненного пути этого историка нами были использованы опубликованные материалы о А.П. Ковалевском, а также свидетельства самого ученого, в частности документы его личных дел с 1936 по 1950 гг., хранящиеся в Архиве РАН в Москве [35. С. 258–259; 36. Ф. 407, 411]. В ряде случаев имеющаяся здесь информация носит противоречивый характер и требует дальнейшего уточнения. Это касается прежде всего сведений о месте рождения и социальном происхождении Ковалевского.

Так, в анкетах, заполненных для работы в ИВАН СССР в 1936 и 1948 гг., Ковалевским в качестве места рождения была указана Москва; в "Биобиблиографическом словаре советских востоковедов" в качестве родины ученого названо село Рассохватое Золочевского района Харьковской области [36. Ф. 407. Оп. 6. Ед.хр. 99. Л. 1; Ф. 411. Оп. 37. Ед.хр. 735. Л. 1; 35. С. 258]. В материалах личных дел в 1936 и 1948 гг. Ковалевский дважды писал о том, что он – сын инженера, личного дворянина; авторы биографических очерков о Ковалевском – В.Д. Королюк и С.И. Авербух – подчеркивали старинность дворянской фамилии, к которой принадлежал ученый [36. Ф. 407. Оп. 6. Ед.хр. 99. Л. 1; Ф. 411. Оп. 37. Ед.хр. 735. Л. 1; 37; 38]. По нашему мнению, неточности в анкетные данные 30–40-х годов, возможно, были внесены специально самим Ковалевским, которому, как и многим выходцам из "старого мира", хотелось избежать столь частых в послереволюционное время вопросов, упреков и объяснений.

Ковалевские – старая малороссийская дворянская фамилия, известная с XVII в., исторически тесно связанная с Харьковом и Харьковщиной. Она приняла активное участие в организации Харьковского университета (1805) – ее своеобразного "семейного лица", прославленными выпускниками которого были государственные деятели и

путешественники Евграф и Егор Петровичи Ковалевские, выдающийся историк и социолог академик Максим Максимович Ковалевский. К сожалению, в нашем распоряжении нет генеалогического древа данного рода, поэтому нельзя определить степень родственных связей всех выше перечисленных членов семьи с А.П.Ковалевским [39].

Андрей Петрович Ковалевский родился в 1895 г., после окончания в 1915 г. 3-й Харьковской мужской гимназии в 1915–1916 гг. был студентом физико-математического факультета Харьковского университета; в 1916–1918 гг. он студент Лазаревского института восточных языков в Москве. Событиями гражданской войны Ковалевский был отрезан от Москвы и в 1922 г. окончил романо-германское отделение Харьковского университета [36. Ф. 411. Оп. 37. Ед.хр. 735. Л. 1, 7; 40].

В первой столице Советской Украины Ковалевский с 1924 г. сотрудничал в Институте истории украинской культуры, где опубликовал ряд интересных статей по данной тематике. Одновременно ученый старался работать и в области арабистики – были созданы литературные переводы ряда арабских авторов, написана статья о просвещении в Египте, начато длившееся много лет исследование материалов о славянах и их соседях в труде знаменитого арабского ученого-энциклопедиста X в. ал-Масуди, которое высоко оценено в славистике [41].

С начала 30-х годов Ковалевский установил контакт с главой отечественной арабистики тех лет, академиком И.Ю. Крачковским (1883–1951). Он мечтал попасть в ленинградский Институт востоковедения Академии наук, где, по его мнению, смог бы получить то, чего ему так не хватало в Харькове – "авторитетное руководство и настоящую школу" [42. С. 283]. В середине 30-х годов его желание сбылось, и он начал работать в главном в то время центре отечественного востоковедения [36. Ф. 407. Оп. 6. Ед.хр. 99. Л. 1–2].

В Ленинграде Ковалевский полностью переключился на работу над арабскими источниками по истории Восточной Европы, им был подготовлен к печати неизданный труд академика В.В. Бартольда "Арабские известия о русах" [32. Ед.хр. 164; 43]. Именно здесь началось свершение главного дела жизни Ковалевского.

В 1935 г. правительством Ирана был сделан любезный подарок Институту востоковедения в Ленинграде – прислана фотокопия полного текста Мешхедской рукописи, в которую входил и трактат Ибн Фадлана. С этого момента работа над Ибн Фадланом стала главной задачей деятельности Ковалевского. Всего за три года им были подготовлены русский перевод арабского текста, написано предисловие, составлен комментарий в 1237 примечаний, ряд которых имел самостоятельное значение.

27 апреля 1939 г. (дата подписания книги в печать) "Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу" вышло в свет в издательстве АН СССР. Издание стало настоящим уникалом в книжном мире – на титульном листе значилось лишь имя редактора, академика И.Ю. Крачковского, но не было (!) имени переводчика и комментатора [12].

Секрет подобного книжного раритета был прост и печален: книга была сдана в набор 20 сентября 1938 г., в октябре того же года Ковалевский был арестован, ему было предъявлено стандартное обвинение по 58–1 статье УК РСФСР. Наставник А.П. Ковалевского академик Крачковский обратился к генпрокурору А.Я. Вышинскому с письмом, где высоко отзывался о своем ученике и как о научном работнике, и как о человеке. Большого успеха это послание не имело – в 1939 г. решением Особого совещания Ковалевский был направлен в трудовой лагерь сроком на пять лет "без поражения в правах или каких-нибудь юридических послесловий" [42. С. 283; 36. Ф. 411. Оп. 37. Ед.хр. 735. Л. 1а].

Не сумев сохранить своему ученику свободу, Крачковский сделал почти невероятное – добился издания "Путешествия Ибн-Фадлана" в том уникальном оформлении, о котором было сказано выше. Вот как объяснял сам Крачковский мотивы своего поведения в данном вопросе: «Для меня было важно единственно показать, что работа редактирована мною, но не моя, а что фамилия автора исчезла – это уже не в моих силах. Умное издательство предлагало все личные обороты заменить на безличные

или поставить "мы", но я чувствовал, что тогда грани моей работы в глазах непосвященных могут стереться, и сказал...: "Пусть будет, как есть, или пусть не будет вовсе"» [42. С. 284].

В 1939–1944 гг. блестящий ученый Ковалевский работал нарядчиком на строительстве железной дороги в Коми, затем его по состоянию здоровья активировали и отправили на поселение в Саранск (кстати, ставшим позднее местом пребывания, по аналогичным обстоятельствам, М.М. Бахтина). Лишь после 1945 г. Ковалевский вернулся в Ленинград, где сотрудничал в Институте востоковедения и университете [36. Ф. 411. Оп. 37. Ед.хр. 735. Л. 7–8а]. Но теперь ему здесь было непросто. В годы заключения ученый потерял близких – в военном Харькове скончались его родители, в 1939 г. умерла жена, талантливый переводчик и литератор Александра Константиновна Гаргала [36. Ф. 411. Оп. 37. Ед.хр. 735. Л. 7–8а; 44]. Жизненные неурядицы, видимо, усилившиеся во время "ленинградского дела", внимание со стороны МГБ, кризис в ленинградском востоковедческом мире – все это стимулировало Ковалевского к возвращению в Харьков [42. С. 370–400].

Несмотря на все превратности судьбы, ученый продолжал трудиться над трактатом Ибн Фадлана. В первой половине 50-х годов им были опубликованы большие работы по различным сюжетам, связанным с изучением данного памятника, защищена о нем докторская диссертация [45].

В 1956 г. вышло в свет дополненное А.П. Ковалевским издание перевода "Записки" замечательного арабского путешественника [46]. На книге теперь были поставлены имя переводчика и комментатора, а на титульном листе – слова "Посвящается незабвенной памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского".

В новом издании переводчик использовал, насколько возможно, все варианты арабских текстов и персидских переложений "Записки" Ибн Фадлана, материалы произведенных к этому времени зарубежных публикаций источника. В расширенных статьях и комментариях, обширных указателях и приложениях Ковалевский более тщательно и всесторонне, чем раньше, проанализировал историю отправки и самого путешествия Ибн Фадлана, данные им яркие описания Хорезма, хазар, огузов, башкир, болгар и русов. Конечно, и сейчас историки спорят (и будут спорить) о трактовке этих свидетельств (особенно знаменитого рассказа о русах), но все признают одно – труд 1956 г. стал классикой отечественной исторической науки.

Последние два десятилетия жизни Ковалевского прошли в родном Харькове. Заслуженный профессор университета, блестящий лектор и педагог, в отрыве от главных центров отечественной ориенталистики, к сожалению, не смог до конца реализовать свой потенциал исследователя-арабиста. Прекрасно написал о А.П. Ковалевском его товарищ Т.А. Шумовский: "Наука, где бы не бились преданные ей сердца, навсегда сохранит память о человеке, который бескорыстно и самоотверженно отдал ей все, чем был так щедро наделен сам" [47].

К каким же конечным выводам о сочинении Ибн Фадлана в результате его многолетнего изучения пришел Ковалевский?

После длительного исследования различных текстов ученый отказался от начального убеждения, что Мешхедская рукопись содержала текст первоначального сочинения в том виде, в каком оно вышло из-под пера его автора. В 1956 г. Ковалевский писал о том, что "более глубокий анализ текста Мешхедской рукописи, ремарок ее редактора перед другими статьями этого же сборника и, кажется, в тексте самого сочинения Ибн Фадлана, изучение композиции этого последнего, связи основной канвы рассказа с различными отступлениями и вставками – приводит к определенному выводу, что перед нами редакторская перделка, что здесь налицо и пропуски, а, может быть, даже нарушения первоначального плана" [46. С. 40]. В результате сопоставления арабских текстов и персидских пересказов "Записки" ученый пришел к мнению, что первоначальное сочинение Ибн Фадлана в его Мешхедской редакции подверглось значительным сокращениям. Редактирование и соответствующее урезание текста, по словам Ковалевского, произошло, видимо, в Бухаре, в эпоху Саманидов. Ковалевский

также выражал осторожную надежду на находки новых списков "Записки" Ибн Фадлана, хотя и считал сам ее подлинник безвозвратно утерянным [46. С. 47–49].

Другим, не менее важным обстоятельством, волновавшим Ковалевского, был старый вопрос о степени достоверности сообщений Ибн Фадлана. Ковалевский в связи с этим писал: «Рассказы Ибн Фадлана подкупают своей непосредственностью и правдивостью. Его наблюдательность, интерес к самым разнообразным вопросам, в частности к мелочам, просто изумительны... подготовкой для Ибн Фадлана, очевидно, была тогдашняя географическая литература, в частности описания путешествий. При этом возникает вопрос, насколько эта литература определила содержание его рассказов, нет ли у него "литературщины", не "беллетрист" ли он в самом деле» [46. С. 49].

Ковалевским была проделана тщательнейшая работа по анализу разнообразных сообщений Ибн Фадлана с привлечением для проверки всевозможных русских, восточных и иных источников, критическим учетом мнений предшествующих исследователей.

Значительное место Ковалевский уделял разбору информации Ибн Фадлана об астрономических и природных явлениях. Как известно, главной политической целью посольства 921–922 гг. к волжским булгарам было утверждение на Севере правильного отправления обрядов ислама. Отсюда следовало усиленное внимание Ибн Фадлана к определению точного времени начала и конца дня. Ковалевский справедливо связал это с тем, что при распространении ислама на Север, в Поволжье, Приуралье и в Сибирь, возникла новая для соблюдения одного из пяти "столпов" веры – *салята* – ситуация. Определение начала и конца дня, т.е. времени утренней (первой) и вечерней (пятой по порядку) молитв, в условиях северного сияния по солнцу было практически невозможно [48].

Ковалевский подробно разобрал рассказанную Ибн Фадланом в связи с северным сиянием легенду о борющихся в небе "верных" и "неверных" джингах. Для сравнения ученый использовал материалы арабских сказок "Книги 1001 ночи", адыгейских народных сказаний, эстонского эпоса "Калевипоэг", латышского – "Лачплесис" и убедительно показал, что Ибн Фадлан достаточно точно передал суть местных легенд о северном сиянии [46. С. 53–58].

При анализе описанных Ибн Фадланом различных способов казни у народов Средней Азии и Восточной Европы, Ковалевский обратил особое внимание на употребляемое у волжских булгар разрывание между двумя деревьями преступников – прелюбодеев и воров. По его мнению, это сообщение арабского автора давало возможность понять морально-юридическое обоснование казни киевского князя Игоря: древляне применили к сыну Рюрика указанный способ казни, считая его в традициях обычного права воров и грабителем [46. С. 52; 10. С. 310].

Ковалевский тщательно исследовал характер и значение использования в труде Ибн Фадлана термина "сакалиба". Ученый подчеркивал, что в контексте "Записки" этот термин употреблялся скорее всего в смысле восприятия данным арабским автором всех народов Севера. По твердому убеждению Ковалевского, не было никаких оснований отрицать обычное его применение в средневековой арабской традиции прежде всего по отношению к славянам. Ковалевский подверг резкой критике стремление Валидова отрицать связь термина "сакалиба" со славянским миром и подчеркивал, что в каждом отдельном случае надо специально решать вопрос о смысле значения данного термина. Так, по его словам, употребление Ибн Фадланом выражения "царь славян" по отношению к правителю булгар должно было обозначить могущество владыки северных народов, к которым причислялись и булгары [46. С. 15; 34. С. 368–372].

При освещении знаменитого рассказа о русах Ковалевский, противник норманистского подхода, был весьма осторожен в оценках. Он подчеркивал сложный, неоднозначный характер имеющейся информации, ее недостаточность для какой-либо четкой этнической идентификации русов Ибн Фадлана и считал необходимым дальнейшее тщательное исследование этой проблемы.

Проведенная кропотливейшая работа над текстом "Записки" дала возможность Ковалевскому сделать конечный вывод о том, что, хотя трактат Ибн Фадлана и не дошел до нашего времени в полном виде и не был свободен от известных искажений, в целом Ибн Фадлан весьма добросовестно отнесся "к описанию всего того, что он видел и слышал" [46. С. 71].

За более чем сорок лет после публикации второго издания Ковалевским труда Ибн Фадлана появилось значительное количество работ отечественных исследователей, рассматривающих различные темы и сюжеты, связанные с "Запиской" этого арабского путешественника. В ряде случаев те или иные частные выводы Ковалевского были оспорены или подвергнуты сомнению, но главные его оценки труда Ибн Фадлана к концу XX в. стали такой же аксиомой, как в прошлом веке мнение Френа; его книга об Ибн Фадлане – такой же классикой русского востоковедения, как труд В.К. Шилейко "Эпос о Гильгамеше".

Таким образом, многолетний процесс изучения трактата Ибн Фадлана в России по-своему выразил непростой, особенно в XX в., путь русской ориенталистики. В нем отразились часто драматические судьбы различных представителей отечественного востоковедения, главным для которых, несмотря на все превратности жизненных испытаний, оставалось благородное служение "непрерывному развитию и вечности науки" (С.Ф. Ольденбург).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. 4. С. 323–325, 330–342, 531.
2. Rasmussen J.K. Om Arabernes og Persernes Bekjendtskab og Handel i Middeldalderen med Rusland og Skandinavien. Athene; Kjøbenhavn, 1814. Bd. 2.
3. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.
4. Frachnius C.M. De Chazaris. Excerpta ex scriptoribus Arabicis. Petropoli. 1822. Part. 1; Frachnius C.M. De Baschkiris, quae memorial prodita sunt ab Ibn-Foslanj et Jakut... [SPb, 1822]; Frähn Ch.M. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen, aus Ibn-Foslan's Reiseberichte... [SPb, 1832].
5. Frähn Ch.M. Ibn-Foslan's und anderer Araber Berichte über die Russen alterer Zeit... SPb, 1823.
6. Розен В.В. Прологомена к новому изданию Ибн Фадлана // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1904. Т. 15.
7. Григорьев В.В. Волжские булгары // Библиотека для чтения. 1836. Т. 19. Отд. 3.
8. Савельев П.С. О торговле Волжских Булгар в IX и X веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1846. Ч. 49. Отд. 2. С. 31–50; Савельев П.С. О жизни и трудах Френа. СПб., 1855.
9. Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985; Шаскольский И.П. Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983.
10. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. Т. 1.
11. Jakut's geographisches Wörterbuch... / Herausgegeben von F. Wustenfeld. Leipzig, 1866–1873. Bd. 1–6.
12. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939.
13. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб., 1870.
14. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1987. Ч. 1. С. 133.
15. Гнедич П.П. История искусств. СПб., 1897. Т. 3. С. 544.
16. Спицын А.А. О степени достоверности "Записки" Ибн Фадлана // Записки Русского археологического общества. 1899. Новая серия. Т. II. Вып. 1, 2.
17. Розен В.Р. Памяти барона В.Г. Тизенгаузена // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1906. Т. 16. Вып. 1/2.
18. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I; М.; Л., 1941. Т. II.

19. Тизенгаузен В.Г. В защиту Ибн Фадлана // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1900. Т. 13. С. 30.
20. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997.
21. Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878.
22. Якубовский А.Ю. Виктор Романович Розен как историк // Памяти академика В.Р. Розена. М.; Л., 1947. С. 31.
23. Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века // Бартольд В.В. Соч. М., 1965. Т. 3. С. 44; Бартольд В.В. История изучения Востока и России // Бартольд В.В. Соч. М., 1977. Т. 9. С. 360; Бартольд В.В. Ибн Фадлан // Бартольд В.В. Соч. М., 1973. Т. 8. С. 596.
24. Бартольд В.В. К вопросу о записке Ибн Фадлана // Бартольд В.В. Соч. М., 1973. Т. 8. С. 311–312.
25. Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Бартольд В.В. Соч. М., 1963. Т. 2, ч. 1.
26. Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1986. Кн. 2. С. 276.
27. Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Вып. 1, 2.
28. Заки Валиди Тоган. Воспоминания. М., 1997.
29. Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана // Бартольд В.В. Соч. М., 1971. Т. 7. С. 116–119.
30. Validi Togan Ahmed Zeki. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939 (Wiesbaden, 1966).
31. Валидов А.З. Мешхедская рукопись Ибну-ль-Факиха // Известия Российской Академии наук. 1924. Сер. 6. Т. 18. С. 237–251.
32. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФАРАН). Ф. 68. В.В. Бартольд. Оп. 1.
33. Бартольд В.В. Отчет о командировке в Турцию // Бартольд В.В. Соч. М., 1973. Т. 8. С. 462.
34. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
35. Миллибанд С.Д. Ковалевский Андрей Петрович // Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1977. С. 258–259.
36. Архив РАН. Ф. 407 (Центральная квалификационная комиссия АН СССР); Ф. 411 (Управление кадрами АН СССР).
37. Авербух С.И. Андрей Петрович Ковалевский – исследователь путешествия Ибн Фадлана на Волгу // Страны и народы Востока. СПб., 1994. Вып. 18. С. 163.
38. Королюк В.Д. Андрей Петрович Ковалевский // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 59.
39. Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1895. Т. 15. С. 500; Горячкин Г.В., Арапов Д.Ю. Е.П. и А.П. Ковалевские в истории и культуре славянского мира и Арабского Востока // Славяне и кочевой мир. М., 1998. С. 34–37.
40. Ковалевский А.П. Воспоминания о Риттере // Профессор П.Г. Риттер. Харьков, 1966. С. 40 (на укр. яз.).
41. Ковалевский А.П. Амин Рейхан. Революция (пер. с араб.). Харьков, 1932 (на укр. яз.); Ковалевский А.П. Политика народного образования в современном Египте (в низшей и средней школе) // Записки Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1936. Т. 5. С. 137–182; Ковалевский А.П. Славяне и их соседи в первой половине X века по данным аль-Масуди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 62–79; Ковалевский А.П. Аль-Масуди о славянских языческих храмах // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 80–86.
42. Долинина А.А. Невольник долга. СПб., 1994.
43. Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. М.; Л., 1940. Т. 40. Переиздано в 1963.
44. Антология литератур Востока / Ред., вступит. статья и примечания А.П. Ковалевского. Харьков, 1961. С. 399–400 (на укр. яз.).

45. Ковалевский А.П. О степени достоверности Ибн-Фадлана // Исторические записки. 1950. Т. 35. С. 265–293; Ковалевский А.П. Посольство багдадского халифа к царю волжских булгар в 921–922 гг. // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 189–214; Ковалевский А.П. Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954.
46. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. / Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.
47. Шумовский Т.А. Воспоминания арабиста. Л., 1977. С. 166.
48. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 204.

К десятилетию восточноевропейских революций

© 1999 г. Ю.С. НОВОПАШИН

НОВАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

Обращение к теме, обозначенной в названии статьи, – дело для российских обществоведов сравнительно новое, поскольку в самих центральноевропейских странах научная и политическая общественность стала акцентировать на ней внимание лишь после революционно-демократических изменений 1989–1991 гг. В какой-то мере это продиктовано тем, что жители данного региона сравнивают положение в нем не с Россией или каким-нибудь другим государством восточнее собственных границ, а с благополучной западной частью континента. В интервью от 1 августа 1994 г. польский министр иностранных дел А. Олеховский так сказал об этом: "Никто не говорит, что это приятный регион. Я тоже предпочел бы родиться в Швейцарии. Это регион с очень малыми традициями сотрудничества и дружбы или симпатии друг к другу. Здесь дела вершились путем завоеваний, сражений. Но что поделаешь? Можно только терпеливо строить программы регионального сотрудничества и находить проекты, которые наведут мосты. Только таким путем можно изменить положение" (цит. по: [1. С. 3]). Разработка темы новой региональной идентичности в различных аспектах лежит, разумеется, в русле такого рода намерений.

1. Этнополитический аспект

Если на западе континента Европейский Союз в качестве правового сообщества "надежно обеспечивает, – по словам немецкого дипломата Х.-Ф. фон Плетца, – мирный баланс интересов своих государств-членов, причем как большие, так и малые государства в конечном счете подчиняются решению суда" [2], то Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа подобной этнополитической и международно-правовой устойчивостью не отличается; здесь еще сохраняются опасные межнациональные, межгосударственные противоречия: венгеро-румынские и венгеро-словацкие; румыно-российские и румыно-украинские; польско-российские и польско-чешские, и др. (подробнее об этом см. [3]).

Новопашин Юрий Степанович – д-р философ. наук, профессор, зав. отделом Института славяноведения РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-03-04488).

Весьма разные выдвигаются рецепты разрешения указанных противоречий, разные предпринимаются и практические шаги. Никак, например, нельзя отнести к реалистическим рассуждениям одного из венгерских парламентариев, который в июне 1993 г. заявил с трибуны своего Госсобрания: "Карпатский регион возник во время существования одного государства. Это государство было разделено на части ... поэтому необходимо мирными средствами объединить данный регион в единое целое" [4].

Нетрудно догадаться, что реминисценция об "одном государстве" есть не что иное, как отсылка к модели межнационального общения в рамках Дунайской монархии – центральноевропейских владений австрийских Габсбургов, располагавшихся в основном в Дунайско-Карпатском бассейне; модели, которая, по мнению ряда ученых и государственных деятелей, может быть использована и в условиях современной регионализации этого историко-географического бассейна. "Вчерашний мир погиб, – отметил на международной конференции 1996 г. Чрезвычайный и Полномочный посол Австрийской Республики в РФ В. Зигль, – но потомки будут вспоминать его и смогут построить новое на основе нашей общей истории. И в Центральной Европе мы начинаем работу над общим домом Европы не с нуля. Я убежден в том, что Австро-Венгерская монархия – при всех ее недостатках – явилась этапом на пути к этой Европе" [5].

Другие же в этом совсем не убеждены. Такого рода экскурсы в центрально-европейскую историю и особенно основывающиеся на них предложения по текущей политике соседи Австрии и Венгрии относят, как правило, к разряду утопий, и утопий отнюдь не безвредных. «Это игра с огнем, – откликнулся в словацкой прессе на рассуждения члена парламента ВР известный историк Л. Деак, – причем игра политически безответственная. Она вызывает недоверие и подрывает основы любого сотрудничества – в рамках "Вишеградской четверки" или других региональных группировок" [6]. В том же духе высказался тогдашний министр национальной обороны Румынии Г. Тинка, который назвал вышеупомянутые предложения "возрождением фантастических проектов воссоздания некоей центральноевропейской империи" [7. Р. 29].

Понятно, что становление новой региональной идентичности центральноевропейских стран – это отнюдь не намерение причесать всех под одну гребенку, не установка на продвижение к "единому целому" на манер давно канувшей в Лету Австро-Венгерской империи или более близкого нам по времени "нерушимого объединения" так называемых "братских государств" и их компартий. Кстати, поиски региональной идентичности во многом вырастают из попыток преодолеть наследие "реального социализма", на протяжении 45-летнего послевоенного строительства которого умалывалась самобытность отдельных народов под флагом приобретения более высокой и общей для всех классово-интернационалистской самобытности и возникновения в связи с этим в пределах социалистического содружества новой исторической общности людей, якобы уже функционирующей наряду с общностью "советский народ" [8].

Не секрет, что авторы подобных утверждений имели, как правило, советскую прописку и оперировали ссылками на объективный процесс интернационализации, который будто бы уже привел к такому положению, когда экономическая и политическая жизнь в странах социалистического содружества "лишается какого-либо заметного национального своеобразия" [9]. А если еще учесть, что за всеми этими наукообразными словопрениями прошлых десятилетий просматривалось стремление "старшего брата" к отождествлению с интернационалистской именно своей позиции и утверждению за собой роли "высшей инстанции" в европейской сфере советского влияния, то наверняка становится более понятным нынешнее обращение к проблемам самобытности каждого народа центральноевропейского региона и объединяющих их черт, которые в то же время типологически отличают эти народы в качестве регионального сообщества от всех других, прежде всего соседей на западе континента и на его востоке.

Разумеется, революционно-демократические изменения 1989–1991 гг. не отменили объективный процесс интернационализации экономической и всей общественной

жизни. Но закономерности этого процесса проявляют себя в западной и восточной частях Европы по-разному. Пожалуй, наиболее парадоксальным фактором посткоммунистических перемен сегодня представляется тенденция к дезинтеграции смешанных в этнонациональном плане государственных образований, в то время как на Западе имеет место противоположная тенденция к усилению многонационального сотрудничества и даже к подлинной интеграции. "Эти две диаметрально противоположные тенденции, – считает генеральный секретарь Совета Европы К. Лалюмьер, – являются наследием истории. Можно сказать, что 50 лет стабильности и демократии на Западе дали возможность выйти за рамки модели государства-нации, в то время как на Востоке 50 лет диктатуры, которая была сметена за несколько месяцев, повернули самосознание государств, а в ряде случаев и самосознание общественного мнения, обратно к вопросам этнической и национальной идентичности" [10].

Данный сдвиг в государственном и общественном сознании активизировал усилия по разработке вопросов национальной самобытности или идентичности на теоретико-методологическом и практико-политическом уровнях. Как подчеркивает директор польского Института Запада (Познань) проф. А. Вольф-Повеска, "национальное сознание, особенно в той части посткоммунистической Европы, которая пока не может похвастаться успехами в экономике, становится, собственно, основной опорой легитимности новых демократий" [11. S. 26]. Следовательно, национальная идентичность как научная проблема, ввиду распада прежних связей и кризиса ценностей, сплотивавших общество "реального социализма", – это прежде всего проблема вычленения тех содержательных идей этнонационального ареала, вокруг которых должны объединиться все его составляющие, а также и проблема определения тех политических сил, которые смогут в будущем взять на себя ответственность за интеграцию все более дифференцирующегося в этнонациональном плане общества.

Центрально- и восточноевропейские нации, стремящиеся в Европейский Союз, в большинстве своем не осознают, что если этническая общность в силу места расселения, истории и языка как бы предписана свыше, то общество граждан в демократическом государстве должно быть построено ими самими. Если верно, что демократия требует решений от каждого в отдельности и индивидуальной ответственности, то столь же верно и то, что весьма и весьма многие в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы к таким решениям и такой ответственности не готовы. Чтобы положение изменилось, уйдет, как справедливо считает президент американского Института по изучению проблем безопасности в отношениях между Востоком и Западом Д.Э. Мроз, жизнь целого поколения или больше. "Помимо устранения формальных признаков коммунистического правления, – пишет он, – ликвидация наследия коммунизма означает изменение психологии населения, убеждение его в способности личности действовать в одиночку или небольшими группами в целях перемен. Коммунизм с большим успехом уничтожал горизонтальные связи в обществе. Восстановление этих связей между отдельными личностями требует постоянного внимания на региональном и местном уровнях, особенно для поощрения развития частного добровольного сектора" [12].

О том, что предстоит пройти немалый путь, чтобы добиться в посткоммунистическом пространстве ощутимого успеха демократической идеи, говорит также упоминавшаяся выше А. Вольф-Повеска. "Странам, проводящим преобразования, – подчеркивает она, – потребуется еще много времени для того, чтобы выработать необходимые для этого образ мышления и способ поведения. Тем более теперь, когда глобальное развитие подталкивает нас к выходу из наших прежних рамок, а распад всех связей становится для нас наибольшей опасностью, вынуждающей формировать чувство новой принадлежности: к новому демократическому государству, к новой нации, к новому сообществу граждан и, наконец, к новому европейскому сообществу" [11. S. 26–27].

Проф. Вольф-Повеска назвала почти все важнейшие аспекты проблемы идентичности. Нет упоминания лишь о новой региональной идентичности центральноевропей-

ских стран, которую вслед за нею можно было бы определить как формирование чувства новой принадлежности этих стран к политико-географическому району, протянувшемуся от Балтики до Адриатики и отделившему собою западную часть континента от собственно восточной его части. Здесь необходимо известное отступление в формально-логическую область, чтобы определиться с некоторыми исходными понятиями: Центральная Европа, центральноевропейские страны. Раньше, когда существовали политические режимы, составлявшие на континенте так называемый социалистический лагерь, именно они в геополитическом плане именовались Восточной Европой или восточноевропейскими государствами в противоположность демократической Западной Европе или западноевропейским государствам. Но в 90-е годы отпала необходимость в противопоставлении Востока и Запада континента. Можно согласиться с американским политологом Зб. Бжезинским, который еще в марте 1990 г. подчеркивал в одной публикации, что "в самом сердце Европы рождается новая геополитическая действительность. Сегодня Восточная Европа опять стала Центральной Европой, какой она всегда и была по историческим, культурным и философским причинам" [13].

Несколько позднее Бжезинский отстаивал это мнение в беседе с сотрудниками нью-йоркского Центра стратегических и международных исследований, отчет о которой был напечатан [14], а также в своей статье в британской прессе [15]. В том и другом случае он говорил о северной и южной (балканской) зонах Центральной Европы, т.е. обосновывал применимость к бывшим восточноевропейским странам именно этого понятия. Независимо от Бжезинского подобным же образом центральноевропейский регион определила в отечественной историографии Э.Г. Задорожнюк [16]. Данную точку зрения разделяет и автор этой статьи.

Однако вернемся к перечислению нашей польской коллегой основных аспектов проблемы новой региональной идентичности, среди которых она не упомянула лишь о формировании чувства принадлежности этих стран к их собственному региону как определенной международной общности, отграниченной от других регионов. Но то, что прямо об этом А. Вольф-Повеска не сказала, не значит, конечно, отрицания ею какого-либо смысла в теоретическом и практико-политическом отграничивании данного региона от Западной Европы, с одной стороны, и Восточной – с другой. Напротив, она весьма скептически смотрит на возможности извлечения посткоммунистическими государствами геополитических и экономических выгод от их односторонней прозападной ориентации. "Гордясь вновь обретенным суверенитетом, они ищут признания своей идентичности у международной общественности на Западе, – замечает Вольф-Повеска. – Неофиты страстно стремятся быть принятыми в сплоченную семью демократических государств и теряют на пути туда все то, чего они добились на протяжении столетий за счет взаимного проникновения культур, а также обмена идеями и людьми в этом регионе" [11. S. 25].

Легко усмотреть противоречие между тезисом польской исследовательницы о взаимопроникновении культур, обмене идеями и людьми в пределах центральноевропейского региона и приведенным в начале статьи мнением польского же политика А. Олеховского, характеризовавшего упомянутый регион с точки зрения весьма малых традиций сотрудничества и дружбы между населяющими его нациями или симпатии последних друг к другу. Но если мы рассматриваем подобное противоречие не в качестве одной лишь игры ума, а как существующее в действительности, то ведь тем самым признаем реальность и обеих его противоположных сторон. Правильно, что нередко здесь дела вершились путем завоеваний, сражений. Но верно и другое: не все же время государства региона и их подданные воевали друг с другом, то бишь взаимодействовали с оружием в руках; были – и в немалом количестве – и иные формы этого межгосударственного, межнационального взаимодействия.

2. Социально-экономический аспект

Остановимся в качестве примера на такой форме межгосударственного взаимодействия, как торгово-экономические связи. Они существовали на протяжении столетий между всеми странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, включая Россию. Хотя, конечно, удельный вес этих связей у различных стран был в разное время весьма неодинаков. В послевоенный период партноменклатура, стремившаяся к развитию так называемого социалистического содружества, использовала свое монопольное положение в международно-государственной сфере таким образом, что региональное торгово-экономическое сотрудничество существенно выросло, поднялось по сравнению с межвоенным двадцатилетием на более высокую ступень.

В интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС 11 ноября 1992 г. Б. Кадар, министр международных экономических связей в правоцентристском кабинете Й. Анталла подтвердил, что восточноевропейский рынок придуман не Брежневым, не Хрущевым и не Сталиным, что он имеет многовековую историю и достаточно прочные традиции. «Во времена СЭВ Венгрия и Россия не просто обменивались товарами, но установили и определенные кооперационные связи, приведшие к образованию, если хотите, технологических и структурных "стыковочных узлов" между экономиками двух стран, – заметил министр. – Хоронить это в одночасье – вряд ли разумное и полезное занятие» (цит. по.: [17. С. 7–8]).

Однако одним из революционно-демократических изменений 1989–1991 гг. стало именно обвальное сокращение всего комплекса региональных связей, в том числе торгово-экономических. Говоря о причинах подобного положения, следует указать, во-первых, на постреволюционный "радикализм" новых правителей центральноевропейских стран, сгоряча причисливших названные связи к наследию коммунизма, от которого следует решительно избавиться. Во-вторых, сыграли здесь свою негативную роль и такие коллективные решения участников СЭВ, как отказ с 1991 г. от многостороннего клиринга в народнохозяйственных отношениях, введение мировых цен и расчетов в свободно конвертируемой валюте, за что, напомним, не один год ратовали прежде всего венгерские и чехословацкие представители. Разумеется, с точки зрения перспективы постепенный переход на условия мирового рынка был необходим, но единовременное, разовое решение этой задачи оказалось мерой ошибочной, ущербной и для СССР, и для всех других государств-членов СЭВ, мерой, объективно подтолкнувшей систему взаимного экономического сотрудничества к полному краху. "А развал СЭВ привел к тому, – комментировал ситуацию в начале 1993 г. председатель правительства Чехии В. Клаус, – что бывшие восточноевропейские социалистические страны максимально открылись в западном направлении, но отгородились друг от друга" [18. С. 1]. Б. Кадар подчеркивал в этой связи, что "особенно невосполнима для Венгрии потеря советско-российского рынка в таких отраслях, как автобусо- и машиностроение, виноделие, сельское хозяйство в целом. Надо помнить и о том, что 80% вооружений венгерской армии произведено в бывшем СССР" (цит. по.: [17. С. 8–9]).

Президент Румынии И. Илиеску в беседе с сотрудником венского еженедельника "Der Salto" в январе 1993 г. тоже говорил о пагубных последствиях для страны краха СЭВ: "Вместе с СЭВ исчез источник энергии и сырья. Мы также не нашли замены для огромного советского или российского рынка" [19]. Госсекретарь министерства иностранных дел Словацкой Республики Й. Шестаки, высказываясь в январе 1996 г. о внешнеполитических приоритетах своей страны, прямо квалифицировал в качестве ошибочного торговый курс первой половины 90-х годов. "В прошлом, – заметил он, – мы сделали непродуманные шаги и потеряли украинский, российский и другие рынки стран СНГ. Очень быстро эти рынки заняли западноевропейские, американские и японские фирмы. Поэтому наше стремление вернуться на эти рынки вполне закономерно. Русские нефть и газ имеют для Словакии ключевое значение. Было бы бессмысленно разрушать эти связи в угоду политиканству" [20].

Но политиканства все же хватало, как о том свидетельствуют примеры и по другим центральноевропейским странам: Польша сократила свою ориентацию на импорт из государств, входивших в СЭВ, с 39% в 1988 г. до 13% в 1995-м (в то время как доля Запада возросла с 44 до 75%); болгаро-российский товарооборот уменьшился за первую половину 90-х годов в 8 раз и т.д.

Не отрицая элементов медлительности, невнимания к центральноевропейским странам и в политике РФ, следует еще раз подчеркнуть, что в свертывании в первое посткоммунистическое пятилетие их взаимных связей и сотрудничества с Россией в наименьшей, а даже, наверное, в значительно большей степени виноваты они сами, поспешно и весьма недальновидно расценив весь комплекс этих связей как лишь навязанный прежней системой и потому неперспективный, а то и просто подлежащий ликвидации. К настоящему времени, правда, негативный процесс свертывания в регионе торгово-экономических связей в общем и целом остановлен, и есть понимание необходимости развития регионального сотрудничества. Скажем, В. Клаус после "бархатного развода" ЧСФР на два самостоятельных государства выразил это понимание в следующих словах: "Очевидно, что без непосредственных соседей Чехии не обойтись. Поэтому первые зарубежные визиты чешские руководители нанесли не в Вашингтон, Лондон, Париж или Москву, а в Будапешт, Варшаву, Франкфурт, Дрезден и Вену ... Исполненная смысла центральноевропейская политика, – заключил он, – является для Чехии важной частью европейской интеграции" [18. S. 1, 13].

Исполненная смысла центральноевропейская политика – это стремление к реализации возможностей, заложенных в региональном сотрудничестве. Чтобы подобное стремление обнаружило себя в качестве устойчивой тенденции государственно-международной жизни, потребовалась по меньшей мере половина завершающегося десятилетия, в начале которого Восточная Европа, по словам американского экономиста Р. Фрэнка, "разорвала свои командно-экономические связи, словно разбила статую Сталина, и переключилась на деловые отношения с Западом. Теперь же она заново открывает для себя ценность старых уз. Некоторые компании, чей рывок в Западную Европу был отбит жесткой конкуренцией и вялостью тамошней экономики, рассматривают Восток как надежное и доходное прибежище". В первые послереволюционные годы, конкретизировал он свою мысль, "враждебное отношение к коммунизму, искусственно подогретое либерально-демократической пропагандой, вызвало не менее искусственный сдвиг на Запад: компании жаждали долларов и немецких марок, а потребители – товаров с западными этикетками. Нынешний дрейф снова на Восток – это один из самых убедительных признаков здоровья и стабильности региона в долгосрочной перспективе" [21]. Нельзя не присоединиться к этим словам заокеанского сторонника регионализации Центральной Европы. На его же тезисе о "рывке" в Западную Европу, который был отбит, остановимся подробнее. Ибо это констатируют многие, в том числе и видные деятели самих центральноевропейских стран.

Так, И. Илиеску в упоминавшемся интервью австрийскому журналисту заявил: "Все говорят о нашей интеграции в европейскую экономику, но Европа не очень-то хочет нас интегрировать. ЕС ведет с нами переговоры как закрытый клуб богачей. С самого начала оно выдвинуло условия и установило квоты для нашей продукции, например для сталелитейной и текстильной промышленности, а также для сельского хозяйства. Итак, мы потеряли наши традиционные рынки, а рынки, на которые мы хотим ориентироваться, нас не принимают. Они принимают Румынию только как рынок сбыта. Таким образом, в Европе возник новый феномен: хотя идеологический и военный раскол Европы преодолен, существует угроза дальнейшего увеличения экономической пропасти" [19].

На вступление в Европейский Союз, как известно, подали заявку 10 стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: Венгрия (1.04.1994), Польша (8.04.1994), Румыния (22.10.1995), Словакия (27.06.1995), Латвия (11.12.1995), Эстония (23.11.1995), Литва (11.12.1995), Болгария (14.12.1995), Чехия (23.01.1996) и Словения (10.06.1996). Все они имеют с ЕС соглашения об особом ассоциированном членстве,

что дает формальное право претендовать на полное членство и соответствующие привилегии. Но это возможно лишь при достижении определенных критериев зрелости: во-первых, народнохозяйственное оздоровление после централизованного управления экономикой, которое должно завершиться ежегодным ростом ВВП и, следовательно, устойчивым повышением жизненного уровня населения; во-вторых, внутренняя этнополитическая стабильность и отсутствие претензий к соседям; в-третьих, интегрированность с западными рынками, на которые ориентировалось бы порядка половины внешнеторгового оборота.

Если соотнести эти основные критерии с показателями общественно-политического и социально-экономического развития Румынии, отнюдь не самыми высокими в центральноевропейском регионе, то возлагать всю ответственность за неудовлетворительное положение в сотрудничестве с Европейским Союзом лишь на последний было бы, конечно, неправильно. Хотя, наверное, и можно говорить о некотором прогрессе в утверждении на румынской земле принципов рыночной экономики, предстоит еще провести – теперь уже под руководством не олицетворявшего левые силы И. Илиеску, а нового президента страны от право-либерального лагеря Э. КонстантINESКУ – по существу основополагающие реформы в области охраны окружающей среды, на транспорте, в сфере занятости, социальных вопросах, юстиции и внутренних делах, а также в сельском хозяйстве.

Немало придется потрудиться и во внешнеторговой сфере, поскольку, как отмечал обозреватель одной из бухарестских газет, "споткнувшись о политические догмы и конъюнктурные соображения, румынские предприниматели проявили медлительность и оказались за бортом восточноевропейского рынка, в первую очередь российского" [22]. А ведь после краха СЭВ свыше 85% предприятий страны лишились возможностей сбыта продукции. Последовали, по словам этого обозревателя, "экономические конвульсии", т.е. попытки проникнуть на западный рынок, затем – откат и, наконец, тяжелая, нередко обескураживающая, борьба за утверждение на новых рынках параллельно со стремлением вернуться на восточноевропейские. Результаты в том и другом направлении, хотя и скромные, но имеются. Так, разработана стратегия по завоеванию рынка России, которая предусматривает повышение роли смешанной правительственной румыно-российской комиссии по экономическому сотрудничеству и, естественно, установление прямых связей между румынскими и российскими предпринимателями. Будут создаваться смешанные общества в приоритетных областях: разведка месторождений, добыча, транспортировка, транзит и распределение природного газа; энергетика, модернизация теплоэлектростанций, сооруженных на советском оборудовании. Запланировано также использовать некоторые производственные мощности республики для переработки российского сырья. Определены и другие области возможного сотрудничества – металлургия, химия, нефтехимия, текстильная промышленность, выделка кож, деревообработка. Кстати, в постсоветский период направление российской торговли лесоматериалами резко изменилось. Взамен поставок в Восточную Европу, от которых последняя отказалась, испытывая трудности по их оплате в твердой валюте, половину экспортного объема лесоматериалов РФ покупают сейчас Финляндия и Швеция, остальное – Япония, Южная Корея и Китай. Однако в рамках предполагаемого взаимного сотрудничества в деревообрабатывающей промышленности возможны, разумеется, подвижки, и не только по отношению к Румынии, но также к другим центральноевропейским странам.

Конечно, произошли подвижки и в западном направлении. Центральноевропейский регион в целом значительно более ориентирован на рынки государств-участников Европейского Союза, чем десятилетие назад. Но предпочтительнее для вступления в ЕС шансы Словении, Чехии, Словакии, Венгрии и Польши, свыше 60% торговли которых приходится на страны этого союза (у Словении – даже свыше 70%). По душевому объему ВВП, исчисленному в экю, первая пятерка из десяти вышеназванных стран, которые подали заявки на вступление в ЕС, занимает следующие позиции: Словения – 10100, Чехия – 9100, Словакия – 7100, Венгрия – 6300 и Польша –

5300. Отстают от них Болгария – 4200, Румыния – 4100, Литва – 3900, Эстония – 3900 и Латвия – 3100 (см. [23. 1998. № 10. С. 13–15]).

Именно для первой пятерки характерен в последние годы устойчивый экономический рост – предпосылка повышения жизненного уровня населения. При пересчете объема валового продукта на одного жителя страны, измеряемого паритетом покупательной способности, Словения и Чехия уже приблизились к половине среднего уровня в ЕС (17 300 экю), а Польша, Венгрия и Словакия – в пределах 30–40% от этого уровня. Эксперты ООН пришли недавно даже к выводу, что упомянутые государства имеют уже кое в чем более эффективную экономику, чем Турция, и приближаются к уровню Греции.

Однако до уровня Австрии, Бельгии, Голландии, Великобритании, Франции, ФРГ и других такого же ранга членов ЕС даже этим "продвинутым" центральноевропейским странам еще очень далеко. Если, допустим, средний рабочий на автомобилестроительном чешском заводе "Шкода" в г. Млада-Болеслав получает 400–450 долл. в месяц, то его коллега на головном предприятии концерна "Фольксваген" в г. Вольфсбурге – 4000–4500 долл. ВВП на душу населения в современной Польше составляет лишь половину португальского и менее одной четверти германского. Выйти бы через 10 лет на уровень Греции или Испании – таков сегодня предел польских мечтаний. Но чтобы эти мечтания стали реальностью, необходимы более глубокие реформы, чем те, которые уже проведены, дальнейшая интенсификация труда. Все это требует в свою очередь непрерывных и больших инвестиций. По оценкам экспертов Всемирного банка, скажем, в экономику Польши надо вложить 350 млрд долл., чтобы она сумела приблизиться к высокоразвитым странам. В общем и целом Польше необходимо модернизировать 70% своих производственных мощностей. А чтобы не допустить увеличения разрыва с западными государствами, ей нужно было бы тратить 28–30% валового национального продукта. Такие капиталовложения, согласно расчетам Австрийского института экономических исследований, представляются совершенно нереальными.

Правда, существовали, особенно в первые посткоммунистические годы, и доселе еще существуют надежды, что "Запад нам поможет". По данным того же Австрийского института экономических исследований, чтобы догнать ЕС по уровню жизни, центральноевропейские страны должны в 1995–2005 гг. ежегодно привлекать в форме иностранных прямых инвестиций 169 млрд долл. (см. [24]). Нечего и говорить, что такого уровня зарубежных вливаний никогда не было и не будет. «Для Европейского Союза, – откровенно признает заместитель директора гамбургского Международного института политики и экономики П. Робейзек, – характерно стремление не допустить "слишком быстрого" сближения с восточными претендентами на вступление в организацию. Причина такого поведения очевидна, Логика действий экономической и политической системы Запада тем больше направлена против оказания помощи другим странам, чем больше их экономические и политические системы приближаются к западной. Как только получатель помощи хотя бы приблизится к статусу конкурента, к нему начинают относиться как к таковому. Происходит это необязательно из злого умысла и даже может прямо противоречить (вполне вероятно, искренним) заявлениям некоторых политиков о готовности оказывать помощь» [25].

Скорее всего, абсолютное большинство бывших восточноевропейских стран, а уж тем более Россия, не имеют шансов при сложившихся условиях даже в длительной перспективе достичь западного уровня благосостояния. В этом контексте растет число представителей властных структур центральноевропейских государств, которые начинают высказывать сомнения в какой-либо выгоде для собственных народов от полноправного членства в ЕС, особенно если последнее будет означать, что придется взвалить на себя бремя обязательств союза. Что же касается преимуществ нахождения в Европейском Союзе, то о них говорится все более осторожно. Л. Барбер и Э. Робинсон из "Financial Times" цитируют, например, Я. Трушчинского, представителя Польши при ЕС, отмечающего, что «некоторые из предполагаемых преимуществ членства в

нем, такие, как свобода передвижения людей, выглядят из Восточной Европы обоюдоострыми. Западноевропейцев может беспокоить то, что чехи и поляки наводняют их рынки труда во время рекордной безработицы. Но правительства и предпринимателей в центре Европы тревожит "утечка умов" и ее влияние на экономический рост. Аналогичная ситуация в сельском хозяйстве, где распространение общей сельскохозяйственной политики дестабилизировало бы польскую экономику вследствие инфляционного увеличения фермерских доходов. Это подняло бы цены на землю, отвлекло бы капиталовложения от модернизации промышленности и создало бы новый класс крупных землевладельцев. Тот же прогноз, – заключает Трушчинский, – был бы применим и к Венгрии, и к Чешской Республике, хотя к последней, быть может, в меньшей степени» [26].

Такого рода сомнения подпитывают новый центральноевропейский регионализм, основанный на близости, конкуренции, оживлении экономического роста и использовании возможностей восточного рынка. Так, после нескольких лет прохладных отношений с Россией, сотрудничество с нею проявляется в форме договоров, торговых пактов, слияния корпораций и т.п. "Второе дыхание" открылось, скажем, в торговле между РФ и Чешской Республикой, которая прирастает за последний период (1995–1998) ежегодно на 12–15%, в то время как чешский экспорт в Россию – на 25–30% в год. Внутри северной зоны центральноевропейского региона торговля уже в 1995 г. увеличилась на 40%, а в последующие годы росла еще быстрее. Экономическое сотрудничество между чехами и поляками с 1995 г. более чем удвоилось, чешско-украинский товарооборот возрос на 60%, а экспорт Словении в Словакию – даже на 70%. Подобные примеры можно было бы умножить.

Мировая печать назвала все это "возрождением региона", а автор данной статьи – формированием у центральноевропейских стран чувства новой региональной идентичности. Причем именно новой идентичности, ибо это чувство не носит антизападного оттенка и не проистекает из желания возвратиться к временам "бюрократического абсолютизма". То есть чувство новой региональной идентичности конструктивно по своей природе, нацелено на развитие межгосударственного, международного взаимодействия. Иными словами, осознание центральноевропейцами преимуществ регионального подхода и инициирует процесс научного осмысления проблем новой региональной идентичности и учета их значимости политической элитой, а также бизнесом в повседневной деятельности, прежде всего международной.

3. Идеологическое измерение

Разработка проблем новой региональной идентичности центральноевропейских стран на теоретико-идеологическом уровне представляет весьма неоднозначную картину, характеризуется столкновением взглядов ученых, политиков, журналистов и т.д. Вокруг чего же идет по преимуществу спор?

Во-первых, вокруг вопроса, как понимать новую центральноевропейскую регионализацию: в качестве вспомогательной по отношению к главному направлению внешнеполитических усилий последнего десятилетия – вступление в ЕС и НАТО или все же как имеющую собственное долговременное значение в общем русле паневропейских интегративных тенденций.

Во-вторых, вокруг вопроса о перспективах этой регионализации: или национальные государства и в XXI в. сохраняют роль основных субъектов регионального и всемирного сотрудничества; или они вынуждены будут все больше перераспределять свои суверенные права в пользу международных институций, постепенного формирования своего рода государств-регионов, континентального правительства и т.п.

В-третьих, вокруг вопроса, какие геостратегические цели может преследовать новая регионализация: обеспечить центральноевропейскую безопасность посредством членства в ЕС и НАТО и усиления внутрорегионального сотрудничества, отгородившись за счет этого от нестабильного Востока, в первую очередь от России; или

максимально использовать возможности взаимного сотрудничества для упрочения связей не только с западной частью континента, но также с РФ и другими государствами восточноевропейского региона.

Что касается первого вопроса, то по большей части центральноевропейская регионализация рассматривается в качестве вспомогательной. Особенно широко разделялась подобная позиция в начале 90-х годов, о чем уже говорилось выше. Подтверждают это сложности в деле взаимного снижения таможенных пошлин на сельскохозяйственные и продовольственные товары, которое, подобно отмене ограничений на торговый обмен продукцией промышленности, предшествовало подписанию в Кракове (декабрь 1992 г.) соглашения о создании так называемой Центральноевропейской зоны свободной торговли. Как комментировал тогда это событие обозреватель одной из ведущих польских газет, "зона свободной торговли означает отмену пошлин и других препятствий, ограничивающих товарообмен. Но ее создание отнюдь не свидетельствует, что государства-участники отказываются от защиты своих интересов. А поскольку реальный социализм сформировал наши экономики так, что мы можем предложить друг другу почти одно и то же, переговоры были долгими. Тот факт, что последние ограничения должны исчезнуть только в 2001 г., наглядно демонстрирует масштабы трудностей" [27]. А обозреватель другой газеты вообще усомнился в положительном влиянии создаваемой зоны на общеевропейскую интеграцию. «С одной стороны, – заметил этот публицист, – мозаику легче складывать из крупных кусков, а не из мелких. Однако, с другой стороны, чем прочнее группа связана внутри себя, тем труднее вмонтировать ее в состав другого целого. "Вишеградская группа" – это, конечно, хорошая идея сотрудничества в нашей части Европы, – резюмировал он. – Но из опыта следует, что у каждого из партнеров в центре внимания стоят свои проблемы, а региональное сотрудничество рассматривается в качестве второстепенного занятия» [28].

Встречается и такая аргументация в пользу первостепенности решения проблемы вступления в ЕС и НАТО и второстепенности развития взаимных связей, в том числе в рамках "Вишеградской группы": якобы "более тесное сотрудничество четырех участников этой группы как наиболее развитых центральноевропейских стран является сознательной поддержкой нового разделения Европы, которое отделило бы их от Запада" [29]. Адресность этих рассуждений не требует особых пояснений, они очень даже корреспондируются с позициями западного истеблишмента. "Мы начнем переговоры со странами, которые более подготовлены, – подчеркнул в докладе на сессии Европарламента 22 октября 1997 г. действующий председатель ЕС, премьер-министр Люксембурга Ж.-К. Юнкер. – Речь идет о двусторонних переговорах между ЕС и каждой отдельной страной-кандидатом. Никаких групповых переговоров не будет. Страны Центральной и Восточной Европы – это не группа, а независимые государства... Считать их группой – значит пользоваться советской логикой" (цит. по: [30]).

Обратимся теперь ко второму вопросу, неизбежно возникающему в дискуссиях о новой регионализации центральноевропейских стран, когда начинают размышлять о перспективах этой регионализации, т.е. к вопросу о судьбах национального государства. В научной литературе существует несколько взглядов на понятие "национального государства" и перспективы существования этого политического образования. Г. Тинка считает, что в XIX в. в Европе определились критерии государства – не слишком большого, чтобы быть национальным, и не слишком малого, чтобы быть чисто этническим. Таким государством, несомненно, оказалось национальное государство. Этот критерий стал возможен благодаря политическому согласию большинства и меньшинства. Что касается легитимности современного государства, то она национальна по своей сути. Европа – это континент национальных государств. Их конкуренция оказалась реальным двигателем быстрого развития Европейского континента, равно как и всего мира [7. Р. 30]. Естественно, на вопрос о том, есть ли будущее у национального государства, Г. Тинка отвечает утвердительно, подчеркивая, что "гете-

рогенное государство-нация есть величайшее достижение и нельзя допустить его разрушения" [7. P. 32].

Гетерогенное государство-нация в интерпретации Г. Тинки близко понятию современной демократической нации лондонского ученого-слависта Дж. Шёпфлина, который определяет ее как "совокупность взаимоотношений между государством, гражданским обществом и этносом... Короче говоря, – поясняет он свою мысль, – роль государства состоит в том, чтобы обеспечивать стабильность, предсказуемость и хорошее управление, роль гражданского общества – в том, чтобы выражать конфликты интересов и борьбу за власть в обществе, а роль этноса – в том, чтобы сохранять узы солидарности как выражения наивысшей общности, воспроизводить культуру и улаживать внутренние конфликты, одним словом – сплавивать общество" [31. S. 5].

Останавливаясь на проблеме непростого соотношения этих трех важнейших составляющих любого современного национального государства, Дж. Шёпфлин подчеркивает, что применительно к центральноевропейскому региону "важно учитывать два ключевых фактора: коммунизм с беспрецедентной основательностью разрушил гражданское общество, процесс восстановления которого начиная с 1989 г. протекает медленно и болезненно. Этот процесс осложняется еще и тем обстоятельством, что крах коммунизма принес с собой не только распад идеологии, но и крушение коммунистического государства... Таким образом, – подытоживает автор, – посткоммунистические государства проводят чрезвычайно смелый исторический эксперимент: они пытаются одновременно построить и новое государство и новое гражданское общество. Неудивительно, что в этом процессе на долю этноса выпала огромная по значимости роль, которая, однако, может осложнить осуществление всего проекта, поскольку становится ясно, что этнос, занимающий определенное место в общественном пространстве, сам по себе не в состоянии обеспечить стабильность, открытость власти и демократию" [31. S. 6].

Констатируя в центральноевропейском регионе большую и далеко не всегда позитивную роль этнонационального фактора, Дж. Шёпфлин пишет, что "картина представляется, таким образом, мрачной, но отнюдь не безнадежной" [31. S. 9]. Не безнадежной в том смысле, что существуют шансы на разрешение этнонациональных противоречий, в том числе за счет укрепления демократических государственных структур, с одной стороны, и горизонтальных связей гражданского общества – с другой. Иными словами, сторонники этой позиции считают современное национальное государство еще не исчерпавшим свои возможности, тем более в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, в которых оно, собственно, только десятилетие назад взяло старт развития в демократическом направлении после почти полувекового пребывания в коммуно-тоталитарных тисках.

Предложения о формировании "мирового правительства", концепция становления "региональных государств" и тому подобные проекты наднациональных структур – пока что по большей части не более чем проекты... Во всяком случае, отношение к подобным проектам в странах центральноевропейского региона весьма сдержанное. Подтверждением тому стала, например, встреча глав правительств Венгрии, Польши, Словакии, Словении и Чехии – участниц Центральноевропейского соглашения о свободной торговле (ЦЕФТА), состоявшаяся 13–14 сентября 1996 г. в курортном городке Ясна в Низких Татрах. На этой встрече ставился вопрос о создании координационного центра ЦЕФТА, своего рода мини-штаба, но поддержан не был. Договорились только о том, что, как и прежде, раз в году меняется председательствующий премьер, а координационную роль будут выполнять торговые представители, работающие при посольствах стран-членов ЦЕФТА. Следовательно, недалеко еще ушли соответствующие государственные чины по пути осознания центральноевропейской идентичности и претворения этого осознания в конкретные дела, интеграционное экономическое взаимодействие прежде всего.

И, наконец, остановимся на последнем из трех обозначенных выше направлений идеологических баталий – вопросе о геостратегических целях новой регионализации.

Безусловно, главная из подобных целей – обеспечение национальной и общеевропейской безопасности в нынешней обстановке краха bipolarной системы времен "холодной войны".

В подобной ситуации, по мнению многих государственных деятелей и научных работников центральноевропейских стран, "потенциальную угрозу для европейской безопасности представляют все нынешние европейские политические субъекты, но первое место в этом ряду принадлежит России" [32. S. 99]. Чешский ученый П. Робейзек (живущий и работающий в настоящее время в Германии), слова которого приведены как характерные для умонастроений немалой части центральноевропейской элиты, полагает, что внешнеполитические цели России продолжают формироваться в контексте таких понятий, как "господство" и "влияние". Поэтому он считает неоспоримым, что бывшие восточноевропейские социалистические государства представляют собой "зону риска" и что страховочным механизмом для них может быть только членство в ЕС и НАТО. "Всякое ослабление влияния в регионе западноевропейской ориентации, – заключает Робейзек, – было бы усилением влияния России и прямым уроном для общеевропейской безопасности" [32. S. 104].

Легко заметить, что при таком подходе разводятся по разным сторонам понятия общеевропейской безопасности и влияния России. Последнюю больше не намерены "пускать в Европу" для создания там каких-либо геополитических зацепок. "Безоговорочный уход России со своего создававшегося на протяжении столетий форпоста в Центральной Европе, – пишет бывший заместитель министра обороны Польши П. Грудзинский, – равнозначен разрушению российской геополитической позиции в Европе. Моя страна, – горделиво уточняет он, – по праву считается одним из активнейших внешних факторов, способствовавших устранению зоны российского влияния в Центральной Европе" [33].

Одним словом, в полном ходу и в центральноевропейских странах, и во многих других "изобретенный" для России и других стран СНГ термин "Евразия", который противопоставляется Европе с восточными границами по Нарве, Бугу и Пруту. Так, глава правительства земли Саксония К. Биденкопф на вопрос, где следует провести внешнюю границу Европейского Союза, без запинки ответил: "Несомненно, по реке Буг, по восточной границе Польши. Там заканчивается западная, латинская Европа, весьма отличающаяся, при всей своей многоликости, от Европы византийской" [34]. Известна и позиция бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, считающего, что "современная Европа должна строиться к западу от границ бывшего СССР, а уже потом можно развивать плодотворные отношения с тем новым образованием, которое его заменит" [35]. Разъясняя в одной из газетных публикаций политический смысл этой своей позиции, Киссинджер подчеркнул, что "Россия находится в Европе, но не принадлежит к ней; она граничит с Азией, Центральной Азией и Ближним Востоком и проводит на этих границах политику, которую трудно согласовать с целями НАТО" [36. 17 I].

Выходит, что истинно европейские страны – это только те, которые участвуют в ЕС и НАТО или по крайней мере разделяют цели этих альянсов, стремясь стать их членом. Это, конечно, весьма своеобразное определение современной Европы, если не сказать более, но именно оно широко поддерживается в центральноевропейских странах, поставивших главной задачей ближайших лет присоединение к евро- и атлантическим международным структурам.

Сквозь призму решения этой главной задачи рассматривает истеблишмент центральноевропейских государств и проблему новой регионализации. Например, Я. Шедивы, назначенный министром иностранных дел ЧР в ноябре 1997 г., в одном из первых своих интервью назвал сугубо приоритетным внимание МИД к структурам НАТО и ЕС. Затем добавил: "Особое значение для Праги также приобретает ныне зона между Россией и линией будущей границы НАТО. Мы не должны упускать из вида находящиеся там страны. Этого требуют наши национальные интересы. А экономические интересы республики, в свою очередь, требуют усилить внимание к

региональным объединениям государств. Прежде всего это касается стран Центральной Европы и создаваемой ими зоны свободной торговли. Здесь Прага рассчитывает на максимальную интенсификацию сотрудничества с Польшей, Словакией, Венгрией, Австрией и Словенией. Эта задача в чешском МИД воспринимается как один из факторов объединения Старого континента" [37].

Не случайно в этой министерской ранжировке задач чешского МИД о России упоминается только вскользь, никакая перспектива отношений с нею не прочерчивается. С помощью членства в НАТО и развития связей со странами зоны между РФ и линией будущей границы этого блока, а также за счет интенсификации взаимного сотрудничества Чехия, как и другие государства центральноевропейского региона, думает завершить процесс десятилетнего стремления геополитически отгородиться от России, оставив проходы, образно говоря, лишь для официальной дипломатии да необходимого торгово-экономического обмена.

В более широком теоретико-идеологическом контексте подобный подход – отражение такого, по словам Д. Мойзи, "болезненного вопроса для европейского самосознания, как кризис самоидентификации. Что такое Европа, какие у нее границы, что включает в себя понятие европеец? Восточная Европа – это современная Европа или нет? А как сопрягается с понятием Европа Россия? Является ли она европейской составной частью, или это, хотя и родственный, но все же отдельный континент?" (цит. по: [38]).

В посткоммунистическом пространстве на озвученные французским политологом вопросы даются нередко именно те европоцентристского плана ответы, о которых уже шла речь. Их обобщенная суть могла бы быть выражена словами польского политика Я. Оньшкевича (ныне – министра обороны РП), который на одном из международных "круглых столов" заявил, что "Польша, другие страны Центральной и Восточной Европы, государства Балтии сознают себя частью Запада и намеренно подчеркивают раздельительную линию между собой и Россией. Поэтому в европейских кругах различают географическое и политическое понимание Европы" (цит. по: [39]).

Однако существует, конечно, и другая позиция. Профессор международных отношений Джорджтаунского университета Ч. Капчен, разбирая в одной из публикаций концепцию строительства новой Европы, заметил, что это строительство "без России с точки зрения стратегии бессмысленно. Стабильность Европы в предстоящие десятилетия будет зависеть от того, как Россия употребит свою мощь" [36. 8 IX]. Видные западные политологи Дж. Спиро и Ф. Умбах подчеркнули в совместной монографии, что "истинная европейская безопасность и стабильность могут быть созданы только вместе с Россией, но не против нее" [40].

Разумеется, и в центральноевропейских странах эта вторая позиция имеет своих приверженцев. Скажем, А. Силади, научный сотрудник университета им. Этвеша (Будапешт), весьма критически отзываясь о тех, кто постоянно трубит о российской нестабильности и ее угрозе для Центральной Европы. "Новая Россия, – пишет он, – не претендует на Центральную Европу как на свое военное пространство, не включает ее в сферу своих интересов, не претендует на нее как на сферу своего влияния" [41. С. 467]. Прагматизм новой России – большого европейского государства и прагматизм суверенной Венгрии – "малого государства", отмечает Силади, прекрасно уживаются друг с другом, венгры и русские быстро и легко договариваются на "языке интересов". Россияне, заключает он, вполне удовлетворятся, если Центральная Европа в качестве самостоятельного региона "останется на своем месте", а все ее национально-государственные субъекты составят "зону добрососедства", т.е. окажутся и во взаимных связях, и по отношению к РФ "предсказуемыми, стабильными и практичными партнерами" [41. С. 468–469].

С таким пониманием нашим венгерским коллегой существа европейской политики РФ можно вполне согласиться. Но, к сожалению, эта позиция имеет в центрально-европейских странах значительно меньше сторонников, чем та, которая условно названа выше европоцентристской. Объяснение такому положению надо, видимо, искать

прежде всего в специфике переходного периода от коммунистической системы к демократии, занявшего практически все 90-е годы. "Расчет с коммунизмом", привнесенным в регион, что называется, на штыках Красной армии, не мог не обернуться повсеместным ростом антисоветских, русофобских настроений. Эти настроения деформируют в настоящее время сознание и психологию всех слоев населения центрально-европейских стран, затрагивая, следовательно, властные структуры, сказываясь на проведении внутри- и внешнеполитического курса (подробнее см.: [42]).

И если "посткоммунистический период – это только открытие ворот, из которых можно пойти многими путями" [43], то не исключен, естественно, и националистический путь, хотя бы в качестве реакции на инициировавшиеся долгие годы из-за рубежа процессы советизации и сателлитизации. Переосмысление не оправдавших себя ценностей социалистического содружества и поиски новой региональной идентичности тесно связаны с проблемой национализма, хотя нельзя без оговорок солидаризироваться с позицией, что "идет освобождение от диктаторского политического и экономического господства реального социализма в основном в форме национализма, т.е. путем возвращения к национальному государству – и, по-видимому, так и должно было произойти" [44].

Одно дело – притязания всех народов Центральной и Восточной Европы на право самоопределения, их решительный отпор великодержавному диктату. В этом смысле крушение федерализма в регионе и возвращение к националистической, если угодно, идее в форме прежде всего национального государства – суть непреложный факт, против которого было бы неуместно возражать. Но совсем другое дело – национализм, могущий превратить в политико-идеологическую доминанту шовинистические настроения и затормозить демократическую эмансипацию центрально-европейских народов. Сюда же следует подверстать в заключение противоречие между необходимостью интернационального подхода к решению многих вопросов современности и очевидными сомнениями граждан, озабоченных сохранением своей национальной или региональной самобытности. Именно это противоречие Ф. Миттеран в последнем предсмертном интервью назвал самым острым для ближайших десятилетий, указав тем самым, кстати, на одно из актуальных направлений дальнейшего научного поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проблемы новой региональной идентичности центрально-европейских стран // Славяноведение. 1997. № 3.
2. Плетц фон Х.-Ф. Перспективы безопасности Европы // Компас. 1998. № 12. С. 30.
3. Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994.
4. Бескромный В. К отношениям с Венгрией // Вести Европы. 1993. 30 VI. С. 22.
5. Зигль В. Обращение к участникам конференции // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 8.
6. Prací (Bratislava). 1993. 29 VI.
7. Tinca G. Building the New Europe: A Romanian point of view on the Minority-Majority issue // The Romanian journal of international affairs. Bucharest. 1995. Vol. 1/2.
8. Лаврова Л.Ф. Сотрудничество стран социализма и развитие духовной культуры социалистического общества. Киев, 1984. С. 153.
9. Еремича В.М. Закономерности развития мировой социалистической системы как выражение единства национального и интернационального. М., 1981. С. 77.
10. Lalumiere C. The Council of Europe's place in the new European architecture // NATO Review (Brussels). 1992. Vol. 40. № 5. P. 8.
11. Wolff-Poweska A. Die Zugehörigkeiten von Minderheiten // Internationale Politik (Bonn). 1997. Jg. 52. № 10.
12. Mroz J.E. Russia and Eastern Europe: Will the West let them tail? // Foreign Affairs (New York). 1992/93. Vol. 72. № 1. P. 51.
13. Brzezinski Zb. For Eastern Europe, a \$ 25 Billion Aid Package // The New York Times. 1990. 7 III. P. A 25.

14. The Newsday (New York). 1990. 25 V.
15. *Brzezinski Zb.* Europe's cold dawn of reality // The Guardian (London; Manchester). 1990. 7 VI. P. 19.
16. *Задорожнюк Э.Г.* Любовью или железом достигается единение общества // Вестник Российской Академии наук. 1993. № 12. С. 1104–1105.
17. *Жирнихин С.* Интервью Б. Кадара // Вести Европы. 1992. 12 XI.
18. *Klaus V.* Poznámky k střeoevropske politicé // Cesky denik (Praha). 1993. 29 I.
19. Интервью президента И. Илиеску // Вести Европы. 1993. 29 I. С. 17.
20. Slovenská Republika (Bratislava). 1996. 10 I.
21. The Wall Street Journal (New York). 1997. 1 XII.
22. Cronica română (București). 1995. 16 VI.
23. Компас.
24. Les investissements directs étrangers en Europe de l'Est // Economie et statistique (Paris). 1994. № 279/280. P. 138.
25. *Робейзек П.* Опасность нового раскола Европы // Компас. 1997. № 17. С. 21.
26. The Financial Times (London). 1997. 17 IV.
27. Życie Warszawy. 1992. 27 XII.
28. Sztandar młodych (Warszawa). 1992. 27 XII.
29. Lidové noviny (Praha). 1994. 23 IX.
30. *Минеев А.* Европейский союз смотрит на Восток // Компас. 1997. № 46. С. 4.
31. *Schöppflin G.* Das Verhältnis von Staat, Zivilgesellschaft und Ethnie // Internationale Politik. 1997. Jg. 52. № 10.
32. *Robejsek P.* Soucasny stav evropske bezpecnosti // Mezinárodní vztahy (Praha). 1995.
33. *Grudzinski P.* Polen und Rußland. Polnische Befürchtungen und Erwartungen // Internationale Politik. 1997. Jg. 52. № 1. S. 47.
34. *Кеворков В.* Место России в европейском доме – взгляд из Бонна // Вести Европы. 1995. 12 I. С. 5.
35. *Kissinger H.* Réflexions sur un nouvel ordre mondial // Politique internationale (Paris). 1991/92. № 54. P. 137.
36. The Washington Post. 1997.
37. Lidové noviny. 1997. 21 XI.
38. *Гурвич В.* Национальная идея – идея общечеловеческая // Проблемы национализма в Европе. М., 1996. С. 66–67.
39. *Минеев А.* На западе дискутируется вопрос, где проходит восточная граница Европы // Пульс планеты. 1997. 7 X. С. 5.
40. *Spero J., Umbach F.* NATO' security challenge to the East and the American-German geostrategic partnership in Europe. Koln. 1994. P. 13.
41. *Силади А.* Венгрия – глазами Восточной Европы // Баланс. Правительство Венгерской Республики. 1990–1994. Будапешт. 1994. С. 467.
42. *Новопашин Ю.С.* Об антисоветизме и русофобии в послевоенной Восточной Европе: к постановке проблемы // Славяноведение. 1998. № 1. С. 3–10.
43. *Richard A.* Stare i nowe instytucje życia politycznego // Polacy 90: Konflikty i zmiana. Warszawa, 1991. S. 60.
44. *Тирзе В.* Размышления о будущем левых в Германии // Социал-демократия в Европе на пороге XXI века. Проблемно-тематический сборник. М., 1998. Вып. 1. С. 126.

© 1999 г. О.Н. МАЙОРОВА

РОЛЬ И МЕСТО ПОЛЬШИ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ (ДИСКУССИИ В ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ)

В течение многих десятилетий в Польше не прекращались дискуссии о роли и месте страны на континенте. Участниками полемики стали географы, историки, политологи, писатели и публицисты. В начале XX в. географ З. Савицкий утверждал, что Польша находится "на границе Западной и Восточной Европы" и именно это определяет ее особую роль в международных отношениях. Основными оппонентами концепции переходности, творцом которой являлся известный географ В. Налковский, в том числе и самого понятия "Центральная Европа", были в межвоенный период географы Е. Ромер и С. Павловский. Польша, писал последний, "лежит на восточном краю Западной Европы" (цит. по: [1. S. 123]).

После второй мировой войны польская граница была передвинута на 197 км на запад. Повторялась формулировка В. Налковского о том, что Польша расположена в центре Европы. Исследовательница М. Келчевская также высказывалась за понятие "Центральная Европа", хотя относилась к нему уже к арсеналу не географической науки, а геополитики. Правда, по ее мнению, Польша в новых границах все же больше тяготеет не к центральноевропейским странам типа Венгрии, а к Западной Европе [2]. В последующем понятие "Центральная Европа" вообще исчезло. В 60-е годы один из географов еще определял место Польши в Центральной Европе, но позднее это понятие на страницах научной и политико-пропагандистской литературы уже не встречалось.

Но идеи польской "переходности", "моста", западного менталитета поляков сохранялись в общественном сознании. После второй мировой войны сложилось новое геополитическое деление континента на традиционный Запад и попавшие в советскую сферу влияния страны, определявшиеся термином "Восточная Европа". Это деление присутствовало в мышлении поляков в течение десятилетий. С новой силой дискуссии разгорелись во второй половине 80-х годов, с началом "перестройки" в СССР. Окрепло убеждение, что концепция объединенной Европы на этот раз действительно получила реальный шанс для своего претворения в жизнь.

После краха коммунизма в конце 80-х – начале 90-х годов Центральная Европа вступила в период важных структурных преобразований. Активизировались как интеграционные, так и дезинтеграционные процессы, открытым остался вопрос будущего отдельных посткоммунистических государств, а также всеобщей системы безопасности. В новой исторической обстановке перед польским обществом, его политическими силами встал ряд актуальных вопросов, касающихся отношения к соседним государ-

Майорова Ольга Николаевна – канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-03-04488).

ствам и происходящим в них переменам, выбора возможных союзников, определения своей позиции в деле развития регионального сотрудничества и сближения с евроатлантическими структурами. Ответ на эти вопросы затрудняла и затрудняет не только динамика происходящих перемен, но и далекая от ясности идейная ориентация и отсутствие организационной упорядоченности у различных политических сил. На общественное мнение поляков воздействуют как международная ситуация, так и внутреннее положение, позитивы и негативы процесса политической и экономической трансформации.

Польша неизменно, начиная с первого правительства "Солидарности", декларирует желание вступить в западные институты – ЕС и НАТО. Этот курс проводится энергично, упорно, подчиняя себе большинство других действий в сфере внешней политики. В программной речи премьера левого коалиционного правительства В. Павляка в ноябре 1993 г. отмечалась необходимость достижения целей, определенных в документе "Принципы политики безопасности" президентом Л. Валенсой. В их числе: интеграция с ЕС; упрочение сотрудничества с НАТО, а затем вступление в этот альянс; активное расширение двустороннего и регионального сотрудничества Польши с другими странами.

О тех же первоочередных внешнеполитических задачах говорил и А. Квасьневский, будучи еще кандидатом на пост президента. Осенью 1995 г. он высказался в своей предвыборной программе следующим образом: во-первых, после вступления в западные структуры Польша вернется в свое естественное окружение; во-вторых, в рамках интегрированного европейского организма будет легче пройти период экономической трансформации и приблизиться к ведущим странам мира; в-третьих, польское государство стремится к участию в Североатлантическом союзе с целью укрепления внешней безопасности; в-четвертых, это будет способствовать поддержке демократических преобразований, так как добываясь места в ЕС и НАТО, страна должна будет соответствовать их высоким демократическим стандартам [3.1995. 18 XI]. А. Квасьневский подчеркивал, что его доктрина проста: необходимо показать Европе и США, что включение Польши и других центральноевропейских государств в евроатлантические структуры создаст для них меньше, а не больше хлопот [4. 1996. № 39. S. 20–22]. Д. Росати, министр иностранных дел (март 1995 г. – сентябрь 1997 г.) также отмечал, что впервые за многие годы появился реальный шанс коренным образом изменить стратегическую ориентацию Польши в пользу последовательной европейской концепции, которая обеспечивает лучшие условия государственной безопасности и более выгодные перспективы экономического развития [4.1995. № 21.S. 22–23].

Надо сказать, что в польском обществе осмыслению места и роли страны в современном мире с учетом происходящих в Центральной Европе глубинных изменений и последствий объединения Германии уделяется большое внимание. Различные мнения находят отражение и в позициях политических партий, и в публикациях периодических изданий. В начале 90-х годов появилась интересная работа историка Т. Киселевского, знатока концепции Центральноевропейской федерации времен второй мировой войны. Автор утверждает, что Центральная Европа существует и представляет собой "переходное пространство между латинской и византийской цивилизацией, будучи, однако, интегральной частью первой". И здесь налицо ссылка на концепцию переходности В. Налковского. Выступая с прогнозами будущего развития Центральной Европы, Т. Киселевский связывает его с факторами "распада СССР и объединения Германии" и добавляет, что если центральноевропейским странам удастся войти в западноевропейские структуры, то "идея Центральной Европы не станет массовой политической идеей, а, очевидно, даже утратит свою привлекательность для интеллектуалов". Если же такое вхождение не состоится, то "идея Центральной Европы может даже продвинуться до роли официальной доктрины, поддерживаемой политическими элитами... Такое развитие событий привело бы к большому и неконтролируемому росту немецкого влияния в центральноевропейском пространстве, что, в свою очередь, нарушило бы систему коллективного (в рамках европейских структур) политического равновесия

и отношений в Европе" (цит. по: [1. S. 126]). Известный философ Б. Лаговский обращает внимание на источники общественного беспоконья в Польше. "Наш путь к объединенной Европе, – отмечает он, – невозможен до тех пор, пока мы не поднимемся до западного цивилизованного уровня. Для этого необходимы не только время, но и усилия, чтобы приспособиться к нему. Иначе мы дождемся сначала антипольских настроений на Западе, а потом в Польше возникнет партия, рассчитывающая на Россию и втягивающая ее в польские дела" (цит. по: [1. S. 126]).

О существе интересующих нас вопросов размышляет познанский историк Е. Красуский. Он занимает взвешенную, реалистическую позицию, считая, что Польша является "транзитной" страной с преобладанием направления Восток – Запад. "Если политический вакуум на Востоке сохранится слишком долго, – заявляет Красуский, – то Польша как крепостная стена и граница Европейского сообщества попадет в такую зависимость от Германии, что ее существование станет de facto фикцией". Его прогноз относится и к Чехии, Словакии и Венгрии, не говоря уже об Австрии. "Следовательно, – подытоживает он, – Центральная Европа вновь станет сферой немецкого влияния, даже более успешного, чем когда-либо до этого". Обращает также на себя внимание поиск противовеса Германии именно на востоке. Для Польши Красуский видит шанс "сохранить свою самобытность только в том случае, если ось Париж – Берлин – Варшава протянется до Москвы" [4. 1992. № 52. S. 14].

С точки зрения последнего "коммунистического" премьера, М. Раковского, самое главное, чтобы Польша на пороге третьего тысячелетия стала полноправным членом ЕС. Он считает, что вхождение в НАТО не имеет такого значения, как присутствие страны в Евросоюзе. Здесь уместно отметить, что подобные мысли высказывались участниками "круглого стола" по проблеме региональной идентичности центрально-европейских стран, проведенного в Институте славяноведения РАН [5]. Несомненно, по мнению М. Раковского, что связь с Североатлантическим пактом усилит чувство национальной безопасности, но армия, даже вооруженная самым современным оружием, имеет малое влияние на формирование экономических и социальных отношений. На его взгляд, политики и журналисты уклоняются от своей важнейшей обязанности – просветительской деятельности, а ведь она необходима, если вхождение в Европу понимать как приспособление к нормам сожительства народов западной части континента. Подобное приспособление идет через перестройку национального сознания, а это – задача значительно более сложная, чем создание правовой базы, применимой к законам входящих в состав ЕС государств [4. 1997. № 9. S. 28–30].

Е. Урбан, бывший пресс-секретарь правительства М. Раковского, призывает с большей долей скептицизма относиться к данным социологических исследований, по которым 90% поляков – за вступление в НАТО, 88% – за экономическую и политическую интеграцию с ЕС. Он, подчеркивая, что почти всеобщая любовь поляков к проблеме членства их страны в НАТО питается прежде всего русофобией, делает акцент на одном из аспектов этой проблемы, не поднимаемом в польской прессе: членство РП в НАТО будет составлять некоторый противовес возможному участию во власти крайне правых. Такой противовес желателен, ибо при возникновении конфликтных ситуаций за восточной границей страны правые экстремисты могли бы "под шумок" выдвинуть требования в отношении Львова и Вильнюса или деформировать польскую восточную политику какими-либо другими авантюриными предложениями [4. 1997. № 9. S. 33–34].

По мнению публициста А. Щипёрского, западную ориентацию польской внешней политики наверняка определяет стремление к материальному процветанию. Это хотя и очень существенный, но не единственный фактор. Участие в НАТО еще не обеспечивает полякам благосостояния, наоборот: в ближайшие годы оно накладывает на общество значительное финансовое бремя. Однако желание вступить в НАТО – сильнейший аргумент для подтверждения тезиса о том, что огромное большинство народа не хочет возврата к прежней политической, экономической и социальной ситуации. Щипёрский полагает, что нет такой страны, которая проиграла бы от участия в

континентальном содружестве. Даже при разделах сохранилась национальная самобытность, и смешно бояться, заключает он, что 40-миллионный народ в собственном суверенном государстве потеряет эту самобытность в рамках интегрированной Европы [4. 1997. № 9. С. 32–33; 1995. № 38. С. 3].

Большой резонанс в польском обществе вызвали высказывания известного политолога проф. Адама Шаффа. Он отмечает обманчивое впечатление, которое сложилось у поляков в отношении ЕС. Вступление в него, утверждает Шафф, угрожает будущему сельского хозяйства Польши и потерей суверенитета западных земель. "Вхождение Польши в ЕС может привести к новому разделу страны, – предостерегает он. – Для немцев наши западные земли – это их потерянные восточные земли, которые играли большую роль в истории и экономике Германии. Упрекать за это немцев глупо. На их месте поляки поступали бы точно так же, имей они силу для подобной политики". По его мнению, немцы получают свои земли обратно экономическим путем, скупая землю и предприятия. Уже сейчас они выкупили многие польские газеты, издаваемые на западе и севере Польши [6. 7 VII].

В ряде публикаций отмечается, что в то время как абсолютное большинство польского общества выступает за вхождение в ЕС и НАТО, "антиевропейское" мнение меньшинства имеет тем не менее довольно влиятельных сторонников. И не только в так называемых посткоммунистических кругах. Эти тенденции находят также приверженцев в польском костеле, Польской крестьянской партии (ПКП) и правых националистических кругах. Если кардинал Ю. Глемп видит на Западе истоки морального распада и указывает на его опасность для традиционного польского католицизма, то ПКП заявляет об угрозе сельскохозяйственной политики ЕС для польского села, а правые политические группировки толкуют о негативных последствиях общеевропейской унификации национальной самобытности поляков [4. 1995. № 37. С. 3].

Некоторые материалы польской периодики содержат резкую критику восточного направления внешней политики страны. Известный в Польше ведущий специалист по "русским делам" проф. А. Дравич (ныне уже, к сожалению, покойный) оценивал в декабре 1993 г. политику в отношении РФ как "огромную политическую глупость". Объясняя "разбухающий на глазах", подобно атомному грибу, чудовищный синдром отчуждения от России в польском обществе обидами за прошлое, страхом перед будущим и польской гордыней, он подчеркивал, что "дозволенное общественному мнению не пристало тем, кто властвует в Речи Посполитой. Ибо их дело – не поддаваться эмоциям толпы... Создается впечатление, что они задались целью изменить географическое положение Польши – отчалить от берегов Буга и пришвартоваться где-нибудь между Норвегией и Исландией". И далее: "Определенные надежды во мне пробудила смена власти в стране (в сентябре 1993 г. – *О.М.*). Однако я быстро понял, что это – иллюзии, ибо левые силы в Польше превыше всего жаждут психологической легитимности и панически боятся обвинений даже в самом малом русофильстве" [7].

Не согласен с русофобским журналистским большинством и публицист Ст. Киселевский, утверждающий, что Ялта была для Польши "не только вступлением в политическую неволю, но также и обретением разумного географического положения", что следует сохранять союз с Россией, но не на базе единства мировоззрения и строя, а на основе добровольной, свободно определенной общности жизненных интересов [8]. Эти идеи, кстати, разделяются такими известными политическими деятелями как А. Михник, который утверждает, что "постоянный диалог с Россией должен быть каноном польской геополитики. С любой Россией. Даже и с той, которая использует имперский язык. Таков непреложный закон польской геополитики" [9].

О том, что польские власти и средства массовой информации "односторонне и поверхностно" информируют общественность страны о подлинных проблемах европейской безопасности, особенно об условиях, а также политических, военно-стратегических и финансовых последствиях вступления Республики Польша (РП) в Североатлантический альянс заявляли участники состоявшейся в Варшаве в марте 1996 г. конференции "НАТО и безопасность Польши и Европы". Ее провели Обще-

ство "Польша – Восток" и "Клуб польских государственных интересов" – организация, объединяющая независимых политологов и общественных деятелей. Удивителен тот факт, подчеркнул политолог М. Добросельский, что многие польские политики и военные не отдают себе отчета в том, что любые попытки строить систему европейской безопасности без России или в ущерб ее интересам "представляют собой опасные и очень дорогостоящие иллюзии" [10. 1996. 2 Ш. С. 17].

Взвешенную позицию высказывал также Е. Урбан, обращая внимание на то, что НАТО не обезопасит Польшу от Востока, если она не будет поддерживать с Россией добрососедские отношения. Так же как ЕС не заменит Россию в качестве источника сырья и энергии для Польши и рынка сбыта для многочисленных польских товаров [4. 1997. № 9. С. 33–34]. О желании осуществить стратегическую цель – вступить в НАТО, не ухудшая отношений с Россией, заявлял Д. Росати. Он выразил убежденность, что это удастся, даже если в переходный период появится определенное напряжение в польско-российских отношениях [4. 1997. № 9. С. 10].

И все же, несмотря на существование в Польше реалистических, продуманных позиций, подобных приведенным выше, явно преобладающими являются антироссийские настроения. Вопрос: "Что важнее – быстрое вступление в НАТО или выгоды от возможных экономических уступок России?" ввел в оборот министр иностранных дел левого коалиционного правительства А. Олеховский. Он объяснял свою отставку в феврале 1995 г. "принципиальными разногласиями" со всем кабинетом по проблемам сотрудничества с Россией, которое, по его утверждению, мешает стране на ее пути к Западу. Некоторые ведущие политики коалиции указывали на необходимость усилий по развитию региональной интеграции, функционирующей независимо от европейского сообщества [11]. После визита министра иностранных дел РФ Е. Примакова в Варшаву в марте 1996 г. в стране развернулась политическая кампания с целью "нейтрализовать" возможное улучшение двусторонних отношений. Так, представители "Движения за возрождение Польши" (ДВП), в котором после поражения на парламентских выборах 1993 г. объединился ряд правых группировок (сторонников Л. Валенсы и Я. Ольшевского), заявляли, что до вступления Польши в НАТО подписание договоров с Россией вообще должно быть приостановлено.

Итак, польская восточная политика, прежде всего политика в отношении России, представляется лишь функцией западной политики страны. Кроме этого следует подчеркнуть, что в последнее время поляки активно разыгрывают украинскую карту, рассматривая Киев как главный противовес влиянию Москвы в центральноевропейском регионе. Конечно, существуют в этом вопросе различные оттенки, как немало их и во взглядах на другие традиционные польские геополитические дилеммы. Однако поляки единодушны в том, что страна получила реальный шанс решить свои исторические проблемы. Многое в этой нелегкой работе зависит и от соседей, но более всего от самих поляков, от того, смогут ли они преодолеть, с одной стороны, иллюзии об априорной выгодности сотрудничества с Западом, а с другой – неприязнь и предубеждения по отношению к своим многолетним и потенциальным партнерам с Востока.

Интересно посмотреть, как, согласно исследованиям Центра по изучению общественного мнения (ЦИОМ), польское общество определяло свое понимание безопасности в заново формирующейся Европе. Уменьшались опасения угрозы независимости Польши, но одновременно с этим оставалось беспокойство, касающееся действий соседей. Только 13% опрошенных поляков не боялось в 1992 г. никого из них. Остальным наиболее опасными казались: Германия (60%), Украина (53%), Россия (47%). При этом антипатии и опасения не влияют на заинтересованность в интенсивном сотрудничестве [1. С. 189].

По результатам опроса, проведенного ЦИОМ в августе 1995 г., 78% поляков видели решение проблемы безопасности своей страны за счет ее вступления в НАТО. При этом 64% считали, что в данном вопросе не следует обращать внимание на позицию России. Когда вступать? "Сейчас же!", – отвечали 43% опрошенных. "Через

пять лет", – полагали 28% [12.1996.18 VII]. В печати неоднократно отмечалось, что по вопросу вступления Польши в НАТО, как ни по какому другому, в стране господствует полное "морально-политическое единство". И действительно, из социологических опросов 1996 г. следовало, что 83% поляков хотели бы этого (рекорд в Центральной Европе) [4.1996. № 40. S. 20–21]. Наиболее представительный опрос в январе 1997 г. показал, что за вступление в Североатлантический союз ратовали 79% поляков. Социологи отметили, что "поддержка идеи интеграции Польши с НАТО снижается еще больше, когда до сознания респондентов доводится факт, что принадлежность к пакту влечет за собой конкретные обязательства". К примеру, более трех четвертей поляков решительно отвергали возможность размещения на территории своей страны ядерного оружия альянса, и лишь десятая часть граждан была согласна на это [10. 1997. 5 III. С. 3–4].

По данным исследования, проведенного по поручению канцелярии премьер-министра и МИД в июне 1997 г., 58% респондентов положительно оценивали польскую внешнюю политику. Свое негативное отношение выразили всего 7% опрошенных, а каждый третий воздержался от ответа. За вступление в НАТО высказались 79%, против – 4%; идею членства в Европейском Союзе поддержали 77%, против были 7% опрошенных. Ровно 50% заявили, что Польше необходимо тесно сотрудничать с Россией, тогда как 21% имели противоположное мнение. За тесные связи с Германией и США высказались соответственно 73% и 79%, против – 7% и 3%. Несмотря на широкую поддержку идеи кооперации с западными государствами и организациями, нынешние отношения в этой области оцениваются поляками достаточно критически: 35% считают, что Запад использует Польшу в своих интересах в большей степени, чем она получает от этого выгоду. В то же время 24% заявили, что сотрудничество между Польшей и западными соседями приносит пользу первой [10. 1997. 15 VII. С. 3].

Теперь попробуем проследить позиции основных политических партий в отношении приоритетов внешней политики страны. Социал-демократия Республики Польша (СДРП) неизменно была сторонником включения в европейские процессы и структуры, и со временем эта позиция укреплялась. Однако уже в первых программных декларациях этой партии имелось предостережение, что "вхождение в Европу" будет не только трудным, но и рискованным с учетом огромных экономических диспропорций [13.1991.12 VI. S. 2; 14. S. 227].

Несколько в меньшей степени, чем социал-демократы, связывает будущее Польши с Западной Европой ПКП, составлявшая с социал-демократами правительственную коалицию в 1993–1997 гг. В ее заявлениях можно было встретить сомнения, имеющие главным образом экономическое основание, опасения высокой цены связей с ЕС, а также подчеркивание значения сотрудничества с ближайшими странами [14. S. 160–161]. Во время парламентских выборов осенью 1997 г. ПКП по-прежнему ратовала за вступление Польши в НАТО, но одновременно считала, что это должно сопровождаться хорошими отношениями с соседями, прежде всего с Россией. С присоединением к ЕС спешить не стоит, заявляла она, подготовительный этап должен продолжаться несколько лет. Необходимо также оговорить соответствующие условия, иначе это фатально повлияет на польское сельское хозяйство [15.11 VI. S. 3].

Союз труда (СТ), входящий в Союз демократических левых сил (СДЛС), отмечал, что внешняя безопасность Польши требует прежде всего вступления в НАТО, а также поддержания дружеских контактов с соседями и большего различия в направлениях экономического сотрудничества, сегодня слишком односторонне сконцентрированного на Западной Европе. СТ опасается, что в условиях свободной конкуренции с ЕС некоторые отрасли польской экономики могут понести значительный ущерб [14. S. 296].

Безоглядное стремление к полной интеграции с Западной Европой – плохая характеристика дальновидности и патриотизма правящих кругов, отмечалось в идейно-программной декларации (1994) Союза польских коммунистов "Пролетариат" [14. S. 330].

Правые политические группировки Польши также высказываются за участие в процессе европейской интеграции, который, однако, как подчеркивает, например, Христианско-национальное объединение (ХНО), не должен ограничивать суверенности государства и национальной самобытности [14. S. 316; 16. 1996 8. III. S. 10]. В какой-то мере аналогичны взгляды консерваторов, хотя основания для протеста против слишком далеко идущей интеграции у них иные. Считая вхождение в НАТО "полезным", консервативно-либеральная партия Союз реальной политики (СРП) тем не менее возражает против устремления Польши в этот альянс "любой ценой" и опасается "слишком больших жертв с польской стороны". Специфическую позицию занимает Консервативная партия, полагающая, что внешняя политика страны "должна базироваться на принципе национального интереса", а формирование европейского единства – осуществляться на основе "уважения идентичности и суверенитета наций". Она выступает "против концепций искусственной унификации Европы", "за многообразие национальных культур". Партия польской демократии декларирует необходимость "расширения участия Польши в процессах формирования нового облика Европы". В то же время, как явствует из программных документов, она поддерживает "постепенную интеграцию польской экономики с высоко развитыми государствами Запада на принципах взаимовыгодного сотрудничества" [14. S. 57, 85, 23].

В предвыборной программе ДВП осенью 1997 г. отмечалось, что участие РП в НАТО, усиление балтийских государств, Украины и Белоруссии создают "шанс для сдерживания российского империализма", а членство Польши в ЕС "требует времени и денег" и подготовки по крайней мере нескольких стратегических отраслей польской экономики к конкуренции с Западом [17. 1997. 18 IX. S. 18]. АВС (блок из трех с половиной десятков партий и организаций, ведущей силой которого является профсоюз "Солидарность"), выступая за быстрое вхождение страны в НАТО, подчеркивала в 1997 г., что Польша должна при этом сохранить собственную самобытность и иметь "непосредственное влияние на формирование нового порядка в Европе". Отмечая, что вступление страны в НАТО и ЕС динамизирует ее экономический рост, АВС предлагала все же продумать план взаимодействия с Европейским Союзом в том, что касается, например, промышленной политики [16. 1997. 16 V. S. 6–7].

Таким образом, правые группировки, поддерживая в целом стремление РП в НАТО и ЕС, не согласны, в частности, со свободным передвижением капиталов: они выступают за протекционные таможенные барьеры (так как следует спасти польское сельское хозяйство от побеждающей внешней конкуренции), не хотят приспособления польских законов к международным стандартам (считая по меньшей мере спорными запрет смертной казни, гарантии для национальных и сексуальных меньшинств, равноправие верований и т.д.)

Польские партии центристской ориентации также выступают за полное членство страны в НАТО. Приоритетом внешней политики, по мнению Соглашения центристских сил (СЦС), должно быть вступление в эту и другие европейские структуры, понимаемое как альтернатива зависимости от России. "Польша может и должна переломить довлеющий на ее судьбах геополитический фатализм путем участия в евроатлантических оборонных организациях и в Европейском Союзе", – отмечалось в программных декларациях СЦС [14. S. 180].

Сходную позицию в начале своей деятельности занимал в этих вопросах и Либерально-демократический конгресс (ЛДК). Основным содержанием современных польских государственных интересов признавался "проевропеизм", понимаемый как приспособление и готовность к сотрудничеству с целым комплексом континентальных институтов. В начале 90-х годов в программных документах Демократического союза (ДС) этот сюжет всегда считался первостепенным в международной проблематике. Подчеркивались позитивная с любой точки зрения роль западноевропейских структур и естественная в этой ситуации необходимость польской принадлежности к ним [14. S. 34–35]. Союз свободы, образовавшийся в результате слияния в 1994 г. ЛДК и ДС, по-прежнему ратует за скорейшее вступление Польши в ЕС и НАТО, но его про-

грамма содержит вместе с тем и положение о создании "мирных отношений между НАТО и Россией" [14. S. 312].

Против политического курса на вхождение в НАТО и ЕС категорически выступает национальная партия "Щербец". Она назвала этот курс "национальным самоубийством" в своем майском (1995) заявлении: "Вхождение в НАТО подвергает страну смертельной опасности, а вожаемая многими Европа превратит нас в дешевый рынок сбыта иностранных изделий и в колонию" [14. S. 265].

Что касается Европейского Союза, то только Союз свободы безоговорочно за быстрое в него вступление; остальные партии в принципе "за", но высказывают различные оговорки: СДПС боится слишком сильной зависимости от Брюсселя; АВС и СТ говорят о необходимости выторговывания выгодных кредитно-финансовых условий; ПКП озабочена защитой польского сельского хозяйства; ДВП предостерегает от излишней спешки [4. 1997. № 38. S. 6].

Мнения поляков относительно внешнеполитических приоритетов зависят от уровня образования и политических симпатий. Так, по данным опроса в июне 1997 г., 81% представителей интеллигенции и руководящих кадров одобряли международный курс страны. Наибольшее количество одобрительных оценок было дано сторонниками центристского Союза свободы (87%), 4% его электората высказали отрицательное отношение к этому курсу, а 9% воздержались. Меньше были удовлетворены результатами внешней политики сторонники правого ДВП: 42% оценили их позитивно, 11% – негативно, а 47% не высказали определенного мнения. Сторонники ПКП также оказались не в восторге от международных польских дел (53%, 10% и 37% соответственно) [10.1997.15 VII. С. 3].

В последнее время в Польше все сильнее становятся споры о "цене входного билета в НАТО". При этом цифры очень разнятся, – по-видимому, "зависят от того, кто и для кого считает", – от 18 до 72 млрд долл. [4. 1996. № 20. S. 31]. Затраты на интеграцию Польши в НАТО "соответствуют возможностям государственного бюджета" страны – делался вывод в опубликованном в январе 1997 г. докладе так называемого Евroatлантического общества (ЕО), которое объединяет многих польских политиков и общественных деятелей, ратующих за скорейшее вступление Польши в западные структуры. По словам председателя ЕО, бывшего министра национальной обороны Я. Оньшкевича, "непосредственные затраты" на включение страны в структуру пакта будут составлять около 2–3% бюджета оборонного ведомства страны – примерно несколько десятков миллионов долларов в год. При этом вопрос о стоимости модернизации польских вооруженных сил, как полагает Оньшкевич, следует исключить из дискуссии о затратах на вступление в альянс, ибо "польскую армию и так надо модернизировать". Однако попавшие в печать данные специалистов самого Минобороны далеко не столь оптимистичны, как утверждения сторонников интеграции из ЕО. Для достижения уровня технической оснащенности западных армий, считают они, в Войско Польское надо "вкладывать" ежегодно по 2 млрд долл. в течение примерно двух десятилетий. А это – почти весь годовой оборонный бюджет страны [10. 1997, 24 I. С. 2].

Как же реагировали на эту финансово-расходную сторону дела поляки? По данным на лето 1996 г., когда стало известно, что затраты новых членов и кандидатов на вступление в НАТО составят до 61 млрд долл. в течение ближайших после мая 1999 г. пятнадцати лет, 58% опрошенных граждан полагали, что присоединение к НАТО следует отложить до "улучшения экономической ситуации", до того времени, "когда страна сможет позволить себе подобные расходы"; 23% выступали за вхождение в НАТО "любой ценой". Опрос в сентябре 1997 г. показал, что 44% респондентов одобряли связанные с этим расходы, 25% были противоположного мнения, 30% затруднились ответить [12. 1996. 18 VII; 17.1997.16 XII. S. 2].

Со своей стороны НАТО, особенно американцы, убеждают поляков в том, что им не следует бояться непосильных расходов в связи с вступлением в альянс. Так, выступая в январе 1998 г. в польском Сейме, Х. Солана заявлял, что режим "притирки"

будет щадящим, а затраты на модернизацию польской армии не могут представлять угрозы экономическим реформам Польши. "Мы не требуем от вас чрезвычайных расходов и самопожертвования", – сказал он [18.29 I]. С точки зрения интересов США, играющих, несомненно, первую скрипку в НАТО, Польша является ценным приобретением для альянса. В этой стране настолько сильны проамериканские настроения, что в том числе и с их помощью Вашингтон рассчитывает сохранить надежные позиции в Североатлантическом союзе. К "американской концепции" Польша склоняется и в ОБСЕ, видя роль последней "наряду, а не вместо НАТО". Уже несколько лет Варшава пользуется благосклонностью Пентагона, который считает ее "своим важнейшим союзником в Центральной Европе". В 1997 г. Польша получила 12,587 млн долл., а в 1998 г. США предоставят 15,7 млн долл. в качестве безвозмездной военной помощи. Еще 1,6 млн долл. Пентагон затратит на обучение и переподготовку польских военнослужащих в армейских центрах на территории США [6.19 IV].

В сентябре 1997 г., как уже упоминалось, в Польше состоялись парламентские выборы, на которых победу одержал блок АВС – Союз свободы. Было сформировано правительство во главе с депутатом от АВС Е. Бузекком, который подтвердил курс прежнего правительства на быстрые темпы вхождения Польши в НАТО. Этому же направлению продолжает придерживаться и президент. Так, знакомя с внутривнутриполитической и экономической жизнью страны главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе У. Кларка, находившегося в Варшаве с визитом в феврале 1998 г., А. Квасневский заявил, что первостепенными он видит задачи укрепления демократии, ликвидации экономических диспропорций, отделяющих Польшу от высокоразвитых промышленных стран Запада, интеграции с ЕС и НАТО. "Расширение НАТО выходит за оперативные, стратегические или политические рамки – это исторический процесс. Закрывается не только раздел истории, начиная от Ялты, но и рождается концепция строительства на базе общих ценностей новой Европы", – подчеркнул польский президент [10.1998.23 II. С. 3]. Излагая свое видение будущего "европейского дома" на встрече с президентом Украины в Харькове в июне 1998 г., А. Квасневский отметил, что в XXI в. Европу ожидает резкое ужесточение условий конкуренции с другими быстро развивающимися регионами мира, и ни одна из европейских стран не в состоянии самостоятельно справиться с глобальными требованиями этой конкуренции. "Расширение Североатлантического блока и более интегрированный Европейский Союз, – подчеркнул он, – самый лучший ответ нашей древней евроатлантической цивилизации на вызов будущего" (цит. по: [19.1998. 1 VII]).

В декабре 1997 г. на конференции в Варшаве, посвященной вопросу о роли НАТО уже в расширенном составе, был отмечен еще один аспект последствий присоединения к Североатлантическому альянсу трех центральноевропейских государств, а именно: Германия окажется в окружении исключительно натовских стран, что обусловит ее поведение в отношении Польши скорее как "лояльного гражданина", нежели соседа, создающего угрозу. Тем самым расширением НАТО на восток будет сдерживаться колоссальная мощь объединенной Германии. А страх перед нею – западным соседом и Россией – соседом восточным существовал в Польше на протяжении веков. После объединения Германии в 1990 г. канцлер Г. Коль принял ряд мер для примирения двух стран, начиная с официального признания польско-германской границы по Одеру-Нейсе. Укрепление доверия и активизация сотрудничества, в том числе быстрое наращивание торговых связей и рост инвестиций в последнее десятилетие удивляют многих. Министр иностранных дел Б. Геремек назвал данный процесс "историческим изменением" [10.1997. 9 XII. С. 3].

31 марта 1998 г. начались переговоры Польши с ЕС о вступлении в этот союз. Им предшествовало обсуждение в Сейме, явившееся, по словам Б. Геремека, "началом широкой национальной дискуссии на тему подготовки республики к европейской интеграции". Глава Комитета по европейской интеграции Р. Чарнецкий, представляя

главные положения принятого правительством специального мандата, подчеркнул, что сегодня в Польше нет вопроса, должна ли страна стать членом ЕС. Вопрос в другом: как она должна интегрироваться, на каких условиях? Он также отметил, что финансовая помощь ЕС могла бы способствовать более быстрому достижению требуемых стандартов в таких областях, как защита окружающей среды, транспортная инфраструктура, сельское хозяйство. Чарнецкий считает, что подключение Польши к европейской интеграции – это взаимовыгодный процесс: польская экономика, динамика роста которой в два раза выше средней в ЕС, 40-миллионный рынок потребителей с быстро растущей покупательной способностью, хорошие торговые контакты на восточных рынках, несомненно, придадут экономике союза ценный импульс развития. Польша также обогатит ЕС собственной культурой, опытом борьбы за суверенность, демократию и права человека.

Все фракции в парламенте поддержали начинающиеся переговоры, высказывая при этом опасения, о которых уже говорилось выше.

Оппозиция представила критические замечания к ходу переговоров. Ю. Олекс (СДЛС) требовал, чтобы основные документы, связанные с этим длительным процессом, проходили широкие политические консультации. Он подчеркивал, что чем активнее идут переговоры, тем сильнее слышны голоса сомневающихся, и их нельзя игнорировать. В числе особо важных на переговорах назывались социальные вопросы: рынок труда, защита окружающей среды, борьба с организованной преступностью и коррупцией. Для среднего поляка главное – сможет ли ЕС гарантировать работу [17. 1998. 31 II. S. 3]: Я. Калиновский (ПКП), делая акцент на том, что общее одобрение ПКП не равнозначно согласию на интеграцию на любых условиях, добивался конкретизации вопросов обещанной правительством защиты отдельных отраслей, высказывал беспокойство, что интеграция в значительной степени увеличит безработицу. Я. Ольшевский (ДВП) заострял внимание на необходимости обеспечения хороших условий сельскому хозяйству, развития малых и средних предприятий, банковской системы. Остро критиковал стремление Польши к интеграции с ЕС Я. Лопушанский (АВС-ХНО), который предложил отозвать решение по вопросу переговоров. По мнению последнего, вступление Польши в ЕС в его настоящем виде было бы для страны убийственно: в союзе доминируют антихристианские силы, он преобразуется в наднациональное европейское государство, главным предназначением которого будет выражение интересов крупного международного капитала [17. 1998. 20 III. S. 2, 25].

По мере приближения даты основного обсуждения членами ЕС вопроса о возможности присоединения Польши к этой организации – 31 марта 1998 г. – отношение поляков к вступлению их страны в Евросоюз становилось все более скептическим. Если еще в 1997 г. в случае проведения всенародного референдума за безусловное вступление в ЕС готовы были отдать свой голос 72% польских граждан, то к марту 1998 г. доля сторонников этого шага сократилась до 64%. Комментируя эту тенденцию, президент РП отметил, что существует беспокойство, вытекающее из необходимых действий по реструктуризации в сельском хозяйстве, тяжелой, металлургической, сталелитейной промышленности и т.д., но он убежден, что одобрение в обществе процесса интеграции с ЕС не уменьшится катастрофически, так как степень "проевропейскости" в Польше очень высока [17. 1998. 14 V. S. 2].

По мнению социологов, сейчас, когда пришло время говорить о совершенно конкретных вещах, связанных со вступлением в Евросоюз, общественное мнение Польши оказалось на перепутье. Подавляющее большинство польских граждан имеет весьма приблизительное представление о том, что требуется для членства в ЕС, и всегда изъясняло лишь общее желание войти в состав Евросоюза, не задумываясь над тем, какие обязанности это накладывает на страну. По мере приближения реальных сроков вступления, поляки все чаще стали размышлять о том, как интеграция непосредственно повлияет на их повседневную жизнь. Явно опасаются интеграции крестьяне, ощутившие на себе неоднозначное влияние Евросоюза, а так называемые руководящие кадры, напротив, связывают с ЕС все свои надежды. Как можно более скорого

вступления в ЕС, согласно опросам общественного мнения, желают молодые люди в возрасте 18–24 лет, а также безработные, которые, вероятно, надеются найти заработок на западе Европы. Большинство же отдает себе отчет в том, что реально Польша сможет присоединиться к Евросоюзу не раньше 2003 г. Больше половины населения страны полагает, что польские граждане станут в ЕС людьми "второго сорта", и почти столько же поляков считают, что вступление их страны в ЕС принесет пользу скорее этому союзу, чем самой Польше. Более 40% респондентов уверено, что на переговорах с ЕС польское правительство идет на уступки, и только каждый десятый убежден, что оно твердо стоит на страже интересов польского народа в этом вопросе. Подавляющее большинство хотело бы, чтобы польское общество было гораздо более информировано о ходе и результатах переговоров с ЕС [10. 1998. 18 Ш. С. 2].

Неожиданны итоги первых исследований в среде польского духовенства, проведенных ЦИОМ в декабре 1997 г. – январе 1998 г. Почти 84% духовенства, на 20% больше, чем в среднем среди поляков, готовы проголосовать на референдуме за вступление Польши в ЕС. Правда, многие из них склонны усматривать угрозу активности костела, вытекающую из интеграции с ЕС, однако видят ее скорее в контексте неизбежных процессов, которым общество будет подвержено в будущем независимо от того, войдет ли Польша в ЕС или нет. На позитивное отношение большинства духовенства к интеграции влияет, по мнению авторов опроса, положительная позиция по этому вопросу папы Иоанна Павла II, Епископата Польши, а также тот факт, что священники составляют в стране, даже на местах, определенную элиту [17. 1998. 24 Ш. S. 1, 2; 7 IV. S. 1, 2].

Практически все политические партии РП считают в числе важнейших проблем международной политики страны развитие регионального сотрудничества. Значительный интерес в этом плане представляет их видение его возможностей и перспектив. Так, правая Консервативная партия еще в 1992 г. подчеркивала важность связей Польши с центральноевропейскими государствами, а также с государствами Восточной Европы, которые "имеют огромное значение для стабилизации положения в нашем регионе" [14. S. 85].

Правоцентристская Конфедерация независимой Польши (КНП) ориентировалась на тесное сотрудничество в рамках так называемого "Междуморья" – пояса стран между Балтикой и Средиземноморьем: Польша, Украина, Чехия, Словакия; Венгрия, Белоруссия, Латвия, Литва, Эстония, балканские государства. "Огромный шанс, – подчеркивалось в ее программных документах, – который открывается перед странами нашей части Европы, это формирование центральноевропейского сообщества, объединяющего связанные узами общих интересов независимые государства". Идеологический подтекст подобных мотиваций очевиден: каждая из стран региона слишком-де слаба, чтобы стать партнером мощной западноевропейской экономики или же по-прежнему сильной России. Вместе с тем очевидна мотивация прагматическая: страны региона имеют огромный потребительский рынок, а также обладают немалым экономическим, интеллектуальным и сырьевым потенциалом. "Призванием истории" назвала КНП необходимость формирования в центральноевропейском регионе общего рынка, создания интеграционной системы политического и государственно-правового сотрудничества, а также системы взаимной безопасности. Строительство "Междуморья" должно сделать из Польши и ее союзников реальных партнеров Запада. Особо следует отметить, что региональное сотрудничество рассматривается этой партией как важнейший фактор ускорения процессов общеевропейской интеграции. Но в то же время перспектива внутри- и межрегионального сотрудничества просматривается недостаточно определенно [14. S. 54, 164].

Важность регионального сотрудничества отмечается и другими партиями правого и правоцентристского спектра. В программе Национально-демократической партии, например, региональное сотрудничество определяется как производное геополитики, а партия "Щербец" призывает Польшу "ориентироваться на Восток и Юг, на сла-

вянские страны, а не на деморализованный, псевдохристианский Запад, который стремится превратить нас в колонию". Национальная партия тоже полагает, что необходимо идти по пути сотрудничества именно с теми государствами, с которыми "вырисовывались бы возможности новых совместных интересов; особенно это касается так называемых естественных союзников Польши, ибо их с нами объединяют общие страницы истории" [14. S. 253, 262–273].

Крупнейшая центристская партия Союз свободы заявляет, что "взаимодействие со странами Центральной и Восточной Европы должно быть основано на общности интересов региона и способствовать упрочению в нем экономической стабильности" [14. S. 312]. За развитие региональных связей, в том числе в рамках Вишеградской группы и Совета государств Балтийского моря, выступает ПКП. В январе 1995 г. она подтвердила свое убеждение в том, что эти связи могут и должны быть фактором стабилизации во всем регионе Центральной и Восточной Европы, но вместе с тем – и эффективной поддержкой общеевропейского интеграционного процесса [14. S. 160–161].

СДРП наряду с устремленностью в западноевропейские структуры подчеркивает актуальность восстановления и расширения необходимого для Польши присутствия на восточных рынках. Актуальным для нее является "создание условий для регулярного сотрудничества стран Центральной Европы, которое должно заполнить собой вакуум, возникший вследствие распада СЭВ, и воссоздать экономические, политические и культурные связи в этом регионе" [14. S. 228]. После парламентских выборов (сентябрь 1993 г.) левая правительственная коалиция, подтвердив стратегическую тенденцию ориентации на Запад, заявила о необходимости уделять больше внимания политике на Востоке, в том числе региональным формам интеграции – вишеградской, центральноевропейской, балтийской.

На встрече лидеров центрально- и восточноевропейских стран в Вильнюсе в сентябре 1997 г. А. Квасьневский заявил, что с начала своего президентства стремится "доказывать мировому мнению, что Центральная и Восточная Европа являются для мира зоной безопасности, сотрудничества, а не хлопот, беспокойства и непредвиденности" [20. 1997. № 32. С. 36–37]. Следует отметить, что в таком составе (Белоруссия, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Молдавия, Польша, Румыния, Украина, Финляндия, Эстония и Россия) лидеры региона не встречались со времен распада в 1991 г. Совета Экономической Взаимопомощи.

Первые шаги к новому сближению Польши с Украиной были сделаны еще в мае 1997 г., когда президенты А. Квасьневский и Л. Кучма подписали в Киеве документ, подводящий черту под историческими претензиями и обидами. Затем в Вильнюсе состоялась встреча в расширенном составе: Польша, Украина и три балтийские страны. В конце ноября 1997 г. в Бухаресте Л. Кучма и А. Квасьневский заложили еще один центральноевропейский треугольник – с Румынией. Стратегическое значение всех этих соглашений польский лидер видит в укреплении безопасности и стабильности в регионе от "Балтики до Черного моря".

Радикально-левый Союз польских коммунистов "Пролетариат" заявлял о необходимости объединения усилий в регионе всех государств-должников, поэтому польской внешней политике следует "ориентироваться на более широкое сотрудничество со странами, имеющими подобные проблемы и общие интересы" [14. S. 330]. За сотрудничество с посткоммунистическими государствами, обремененными такими же, как Польша, социально-экономическими проблемами, при одновременном постепенном открытии всех их для европейской интеграции выступает Польская социалистическая партия (ППС) [14. S. 132].

Наибольшие различия в позициях политических партий видны в определении имиджа восточной политики, особенно по отношению к России. Первые программные декларации СДРП подчеркивали трудности процесса "вхождения в Европу": поляки не должны забывать, что их силой является сохранение рынков и свободы в политике на Востоке [13. 1991. 12 VI. S. 2]. Партия "Отчизна" призывала к более гибкому курсу в

сфере экономических отношений с Россией, Белоруссией и Украиной. Национальная партия заявляла: политика государства в отношении России должна руководствоваться стремлением достичь с ней партнерских, добрососедских отношений, а "хорошие отношения с Россией могут быть решающими в поисках возможностей усилить позицию Польши на международной арене в критической для нас ситуации". Партия "Щербец" требовала усиления в польской внешней политике пророссийской ориентации, учитывая схожесть интересов "братских славянских народов" [14. S. 118, 253, 265].

В предвыборной программе осенью 1997 г. ПКП заявляла, что вхождение Польши в западные структуры "будет идти параллельно с созданием стратегического союза НАТО с Россией" и высказывалась за расширение с последней политического, экономического и культурного сотрудничества. Всепольское соглашение пенсионеров также придает большое значение "недооцененным восточным рынкам". "Россия – это наш ближайший высокоразвитый партнер на Востоке, к тому же обладающий всей таблицей Менделеева", – отмечал глава избирательного штаба пенсионеров [17. 1997. 18 IX. S. 18]. В СДЛС возникали концепции расширения Веймарского треугольника (Франция–Германия–Польша) за счет России или даже создания оси Бонн (Берлин)–Варшава–Москва. "Если бы Россия успешно продвигалась к явно демократической системе, мы бы ничего не имели против; мы должны были бы играть активную роль в ее привлечении к решению европейских проблем. Изолированная Россия очень опасна", – подчеркивал пресс-секретарь СДЛС А. Урбаньчик [17. 1997. 18 IX. S. 18].

Полярные позиции в этом вопросе занимает ДВП, придавая особое значение необходимости дистанцироваться от сотрудничества с Россией и активизировать усилия по вхождению в НАТО и ЕС, намереваясь, в частности, пересмотреть соглашение с РФ об отмене виз. АВС настаивает на полностью партнерских отношениях с Россией, подчеркивая, что польские власти не должны выступать в роли просителя. Вообще, антироссийских и русофобских настроений в современной Польше хватает, вряд ли есть хоть одна партия или политическое объединение, не подверженная этому хвосту в какой-то степени. Часто говорится, имея в виду восточную политику, о программе минимум и программе максимум. В качестве минимума Польша рассчитывает геополитически отгородиться от России за счет создания "пояса привилегированного добрососедства" из постсоветских государств. Как сказано, например, в предвыборной программе АВС, "принципиальный спор с Россией касается не вопроса членства Польши в НАТО и ЕС, а различия интересов в отношении государств, находящихся между Республикой Польша и Российской Федерацией, т.е. в отношении стран Балтии, Белоруссии, Украины и Молдовы" [18. 9 П].

Что же касается программы максимум, то отмечается, что Польша чувствовала бы себя комфортно, если сдвинулись бы на восток границы евроатлантических институтов – и НАТО, и ЕС. Однако, декларируя это, польские политики тут же стремятся "подсластить пилюлю". Так, А. Квасьневский в интервью газете "Rzeczpospolita" не забывает отметить, что "расширяя НАТО, надо все время поддерживать самые хорошие отношения с Россией" [17. 1998 14.V. S. 2].

Таким образом, у польского политического истеблишмента существует понимание известной значимости центральноевропейского регионализма и межрегионального сотрудничества с Восточной Европой, включая Россию. Но именно известной, определенной, т.е. не очень важной значимости. Новая региональная идентичность центральноевропейских стран отнюдь не находится в числе первоочередных задач для страны, которая борется за свое место и достойную роль в Европе и главные внешнеполитические пути достижения этого видит во вступлении в НАТО и ЕС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Postzimmowojeńna Europa. Ku jedności czy nowym podziałom? Wrocław, 1995.
2. Kełczewska M. O podstawy geograficzne Polski. Poznań, 1946. S. 44–45.
3. Запад не будет "умирать за Гданьск" // Правда. 1995. 18 XI.

4. Polityka.
5. Проблемы региональной идентичности центральноевропейских стран // Славяноведение. 1997. № 3. С. 3–27.
6. Prawo i gospodarka. 1998.
7. Wprost. 1993. 7 XII.
8. Kisielewski St. Komu jest potrzebna Polska? // Tygodnik powszechny. 1990. 4 III.
9. Gazeta wyborcza. 1995. 13 V.
10. Пульс планеты (ИТАР–ТАСС).
11. Olechowski A. Europejska opcja polskiej polityki zagranicznej // Rocznik polskiej polityki zagranicznej. Warszawa, 1995. S. 29.
12. Финансовые известия. 1996. 18 VII.
13. Trybuna Ludu.
14. Polskie partie polityczne. Charakterystyki, dokumenty. Wrocław, 1996.
15. Trybuna. 1997.
16. Tygodnik Solidarność.
17. Rzeczpospolita.
18. Известия. 1998.
19. Независимая газета.
20. Коммерсантъ.

© 1999 г. Ю.Ф. ЗУДИНОВ

БОЛГАРИЯ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ В "БОЛЬШУЮ ЕВРОПУ"

В последнее десятилетие в Болгарии, как и в других бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы, произошла трансформация внешне-политических ориентиров. С конца 80-х годов был провозглашен курс на включение в политическое и экономическое пространство Запада. Этот "цивилизационный выбор" в целом был поддержан (безусловно или с определенными оговорками) большинством влиятельных общественно-политических сил. Его реализация расценивается как надежная гарантия полного разрыва с тоталитарным прошлым, обеспечения необратимости демократических перемен. Важнейшее значение придается здесь достижению полноправного членства в основных европейских и евроатлантических структурах. Как заявил болгарский президент П. Стоянов, "успех Болгарии могут обеспечить два столпа, на которых зиждется наша внешняя политика, – вступление в ЕС и НАТО. Признавая эти приоритеты, развивая партнерство с этими организациями, мы стимулируем устойчивый процесс создания демократических институтов и рыночных механизмов" [1. № 34. С. 7].

Известно, что претенденты на вступление в ЕС и НАТО должны соответствовать довольно жестким критериям, которые распространяются на политическую, экономическую, правовую и военную сферы. К числу основных требований к кандидатам на полное членство относятся: обеспечение в данной стране верховенства закона, соблюдение прав и свобод человека, гарантия прав национальных меньшинств, урегулирование на базе международных правовых норм территориальных, этнических и иных противоречий и споров с другими государствами; включение в единое правовое поле Евросоюза, что, помимо прочего, предполагает передачу последнему части прав, связанных с национальным суверенитетом; наличие рыночной экономики, способной выдержать конкуренцию, в том числе и внутри ЕС; установление гражданского контроля над военными ведомствами; реорганизация и приведение в соответствие со стандартами и потребностями НАТО вооруженных сил и вооружений, военной инфраструктуры и военного бюджета и др.

Реальная политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в отдельных странах Центральной и Восточной Европы, позволяет говорить, что выполнение указанных выше требований для многих "евроабитуриентов" является весьма непростым делом. У этих стран существуют далеко не одинаковые внутренние и внешние предпосылки, различная степень приближенности к евроатлантическим параметрам. Именно этим в решающей мере объясняется то обстоятельство, что претенденты на

Зудинов Юрий Федорович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-03-04488).

вступление в "большую Европу" движутся к желаемой цели не единой шеренгой, а в порядке определенной очередности, которую, к удовлетворению одних и разочарованию других, выстраивает "принимающая" сторона. Внутри последней нет полного единства мнений по вопросам строгой ранжировки данной очередности. Тем не менее в середине 90-х годов иерархический ряд претендентов на вступление в НАТО и ЕС стал принимать определенные (но не окончательные) очертания, появились "фавориты", "середняки" и "аутсайдеры".

Болгарские исследователи А. Георгиев и И. Иванов, используя в качестве главного критерия успехи в политических и экономических преобразованиях, предложили свою версию степени готовности постсоциалистических государств к вступлению в названные организации. Эти страны были разделены на пять групп: 1. Словения, Чехия, Польша, Венгрия и, возможно, Словакия (несмотря на ее проблемы с политической репутацией); 2. Эстония, Литва и Латвия, вопреки некоторым различиям в результативности экономических реформ, а также проблемам в области прав человека; 3. Болгария и Румыния – государства с сопоставимыми экономическими трудностями, вызванными замедленным осуществлением структурной реформы собственности; 4. Хорватия, Македония и Албания – страны, которые объединяют некоторые "постюгославские" проблемы; 5. Украина и Белоруссия, которые в европейском контексте воспринимаются с различными оговорками и дифференцированно [2. С. 3]. Все перечисленные государства кроме Украины и Белоруссии, уже заявили о своем желании стать полноправными членами НАТО.

Таким образом, между странами Центральной и Восточной Европы существуют различия, которые обусловлены не только историческими, географическими, но и современными политическими, экономическими и иными факторами, связанными прежде всего с глубиной и последовательностью демократических и рыночных реформ. Эти различия не позволяют указанным странам одновременно "финишировать" в НАТО и ЕС и вместе с тем дают возможность четче очертить во многом умозрительную, не бесспорную границу между Центральной и Восточной Европой.

На Мадридском саммите стран НАТО (июль 1997 г.) Венгрия, Польша и Чехия получили статус "приглашенных" в альянс с перспективой стать полноправными его членами весной 1999 г. В 1998 г. ЕС начал переговоры с некоторыми государствами относительно их вступления в эту организацию. Из центральноевропейских стран на переговоры были приглашены Венгрия, Польша и Чехия, к которым добавилась Словения. Среди претендентов из "второго эшелона" называются Болгария, Словакия и Румыния, переговоры с которыми могут предположительно начаться через три-четыре года. Можно добавить, что свою принадлежность именно к центральноевропейскому региону активно подчеркивают Словения и Хорватия.

Представляется, что вопрос о региональной идентичности приобрел сегодня для стран Центральной и Восточной Европы, учитывая избранный ими вектор развития, весьма принципиальное значение. Принадлежность к Центральной Европе выглядит явно престижнее, служит своего рода "знаком качества", свидетельством большей близости к вождьенному Западу. И, напротив, находиться в Восточной Европе означает как бы "отдаленность" от западного мира. Все это порождает ревность и соперничество, которые проявляются в соответствующих высказываниях официальных лиц, в настроениях отдельных слоев общества и т.д.

Выступая в апреле 1997 г. перед Парламентской ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ), президент Болгарии П. Стоянов признал, что его страна по сравнению с другими центральноевропейскими государствами отстает в уровне готовности для присоединения к НАТО. Однако он подтвердил неоднократно выражавшуюся ранее приверженность Болгарии принципу равных стартовых возможностей. Переговоры о вступлении в Североатлантический союз должны начаться со всеми кандидатами одновременно, ибо в противном случае болгарский народ потеряет уверенность в своем стремлении к атлантической интеграции [3. 1996. 1 X; 1997. 24 IV; 4. 24 IV].

Социологические исследования показывают, что болгарская общественность при всей многовариантности мнений равнодушна к тому, что расширение НАТО начнется с центрально-европейского региона, что подчеркивает важность и значимость для Запада бывших социалистических стран из этого политико-географического района, исключая другие из интеграционных процессов. Существует также точка зрения, согласно которой в результате возможных договоренностей, взаимных уступок между Западом и Россией процесс расширения Североатлантического союза ограничится именно упомянутым районом, а Балканы, как и Прибалтика, останутся в так называемой "серой зоне". Одним из последствий подобного варианта может стать определенная изоляция Болгарии, что в цивилизационном плане нанесет ущерб и приверженцам европейской идентичности, и сторонникам евразийской идеи (традиционные славянско-православные связи и их современная проекция) [2. С. 30].

В упомянутом выступлении президента П. Стоянова на сессии ПАСЕ были обозначены преимущества, которыми, по его мнению, обладает Болгария перед другими кандидатами в члены НАТО: геополитическое положение страны, ее прекрасные отношения с соседними государствами, безупречное поведение во время действия международного "югоэмбарго", высокая технологическая и общая культура болгар [3. 1997. 24 IV]. С. Тафров, болгарский посол по специальным поручениям при НАТО, во время встречи с представителями госдепартамента и Пентагона указал на отличные отношения Болгарии с ее соседями, отсутствие у нее территориальных претензий. Особо отмечалось, что страна имеет одинаково хорошие отношения с членами НАТО – Грецией и Турцией. При этом была использована довольно оригинальная историческая аналогия: примирение Болгарии с Грецией и Турцией сравнивалось с примирением между Францией и Германией после второй мировой войны. Болгария, считает С. Тафров, вносит в НАТО надежность [3. 1997. 24 IV]. Но этих "козырей" оказалось явно недостаточно, а принцип равных стартовых возможностей не приемлем. То же самое следует сказать и про начавшуюся процедуру приема новых членов в ЕС, хотя болгарское требование "равенства" выглядит в данном случае несколько чрезмерным. Учитывая нынешнее состояние и возможности экономики страны, сомнительно, что она в близком будущем сможет адаптироваться к жестким евростандартам, стать полноценным участником функционирования евроатлантического экономического пространства. Следует, впрочем, заметить, что даже для стран, приглашенных к переговорам, превращение в полноправных членов ЕС – дело отнюдь не завтрашнего дня. Например, переговоры с Испанией и Португалией продолжались более семи лет. Не одно десятилетие (с 1963 г.) добивается, будучи членом НАТО, приема в ЕС Турция, переговоры с которой по существу и не начинались¹.

Известно, что и внутри "социалистического содружества" Болгария по своему экономическому развитию не лидировала. В политическом же плане за ней закрепилось звание самого верного "московского сателлита". Однако ее отставание от центрально-европейских государств по уровню соответствия западным стандартам, наконец, по степени доверия к ней со стороны Запада формировалось в значительной мере уже в процессе перехода от тоталитаризма к демократии, от централизованного планового хозяйства к рынку. П. Стоянов, еще будучи кандидатом в президенты, на встрече с дипломатическим корпусом в Софии (апрель 1996 г.) заявил, что Болгария не смогла принять участие в строительстве основ новой, объединенной Европы, поскольку находилась под советским господством. Но с окончанием холодной войны у страны появился уникальный шанс стать неразрывной, полноправной частью единой Европы. После ноября 1989 г., отметил Стоянов, вопреки некоторым колебаниям, главным образом относительно темпов и способов включения в европейские и евроатланти-

¹ К Турции предъявляются претензии в связи с несоблюдением в стране общепринятых в Европе демократических норм, нарушением прав человека и национальных меньшинств ("курдская проблема"). Указывалось, например, что нельзя принимать в ЕС государство, где применяются пытки; высказывалось также соображение, что Турция не может быть членом Евросоюза как страна, принадлежащая не к европейской, а иной, мусульманской цивилизации (см.: [5. 1997. № 50; 6. 1997. 17 VII; 7. 1997. 17 XII]).

ческие структуры, все болгарские правительства работали для участия страны в евроинтеграции [8. 1996. 16 X]. Нечто подобное утверждал и предшественник П. Стоянова на посту президента Ж. Желев, говоря о сохранении преемственности парламентом и правительством (в их различных составах) в проведении болгарской европейской политики. Он подчеркивал также тесное переплетение, взаимозависимость между интеграцией в европейское сообщество и политическими, социальными и экономическими реформами.

Почему же эта работа, преемственность политики не вели к тем результатам, каких удалось достичь за переходный период в центральноевропейском регионе? Уместно привести высказывание уже упоминавшегося С. Тафрова, отметившего, что в январе-феврале 1997 г. (дата ухода в отставку правительства социалистов) в Болгарии завершилась "нежная революция". Парламентские выборы в апреле 1997 г., на которых внушительную победу одержал блок Объединенных демократических сил (ОДС), просто "узаконили" этот факт [3. 1997. 24 IV].

Вряд ли можно полностью согласиться с тем, что финиш "нежной революции" напрямую увязывается с отстранением от власти Болгарской социалистической партии. Интереснее, однако, другое: в приведенном высказывании содержится признание, что "нежная революция" в Болгарии затянулась более чем на семь лет, т.е. на сроки, не сравнимые по своей продолжительности с аналогичными событиями в центральноевропейских государствах. Очевидно, это во многом предопределило потерю Болгарией темпов создания условий для ее более активного включения в европейские интеграционные процессы. Реформы в Болгарии, особенно в социально-экономической сфере, которые и должны были, главным образом, формировать эти условия, зачастую становились заложниками (жертвами) конъюнктурной, не отвечающей интересам большинства общества политики.

В посттоталитарный период в политическом ландшафте Болгарии сложилась биполярная конфигурация. На одном полюсе расположилась Болгарская социалистическая партия (бывшие коммунисты), другой возглавил антикоммунистический Союз демократических сил (СДС). Отношения между этими главными действующими лицами политической сцены чаще характеризуются не диалогом, совместным поиском решений общественно значимых, актуальных задач, а острой конфронтацией.

За указанный период в Болгарии четырежды проходили парламентские выборы, столько же – президентские. Весной 1997 г. к власти пришло восьмое по счету за эти годы правительство. Сменяющие друг друга кабинеты имели различную партийно-политическую окраску и, естественно, имели неодинаковые позиции относительно темпов, методов, конкретных подходов к реформированию страны и общества. Вместе с тем, судя по высказываниям отдельных болгарских авторов, у некоторых из правительственных "команд", несмотря на различия в идейно-политической принадлежности, просматривалось и нечто общее, отнюдь не положительное.

Так, во время, когда главную роль в руководстве страной играл СДС, старейший болгарский социал-демократ А. Москов писал: "Стремление к мгновенному введению частнокапиталистической рыночной системы выдвинуло на первый план личности, жадные к власти и обогащению. К управлению пришли неподготовленные, некомпетентные люди, проявившие себя лишь в ожесточенных антикоммунистических криках, но быстро усвоившие искусство и менталитет коммунистической бюрократии" [8. 1994. № 48. С. 2]. В том же духе высказался по поводу правления социалистов в 1995–1996 гг. проф. М. Семов, заметивший, что ставшие у руля БСП "30–35-летние бывшие напористые комсомольцы, за плечами у которых ничего, кроме комсомольского напора, не было, оказались и достаточно агрессивными, и достаточно алчными...". Председателем правительства стал "твердолобый комсомолец, не имеющий ни дня трудового стажа, кроме как в комсомольских органах, и ему было поручено руководство партий и государством" [9].

Конечно, можно не разделять эти не вполне "академические" суждения, но, очевидно, основания для них были. Немало времени и сил правящие верхи тратили на

борьбу за власть, ее удержание, преследовали не общенациональные, а групповые интересы. К слову, при проведении в феврале 1998 г. социологического исследования 35% опрошенных заявили, что нынешнее болгарское правительство действует в интересах всего общества, 40% – в интересах отдельных социальных групп, 25% – в интересах самого себя и близких к нему кругов [3. 1998. 23 П].

На содержание и темпы реформ в Болгарии оказали влияние и некоторые особенности общественно-политической и экономической жизни страны в период "реального социализма" и его заката. В Болгарии не сложились традиции массового противостояния тоталитаризму, которые имелись в Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии; болгарское общество не выдвинуло из своих рядов демократических лидеров, духовных вождей. Как отметил П. Стоянов, его поколение не знало своего В. Гавела или Л. Валенсу, не говоря о таких масштабных фигурах, как А. Сахаров или А. Солженицын [7. 1998. 27 VIII].

Возникшие в Болгарии в 80-е годы неформальные организации диссидентского толка во многом разделяли идеи горбачевской перестройки ("больше демократии – больше социализма"), т.е. стремились к реформированию, улучшению существующего строя. По-настоящему влиятельной антикоммунистической организацией стал СДС, образованный в декабре 1989 г. Но в начальный период своего существования он, по выражению одного болгарского автора, представлял собой нечто вроде "паноптикума": в него входили люди, искренне верящие в коммунизм, но оппозиционно настроенные к режиму Живкова, диссиденты из среды интеллигенции, представители запрещенных в 1947 г. традиционных партий, активисты возникших студенческого и экологического движений. [10].

Относительная слабость оппозиции и переоценка ею собственных возможностей, не всегда верно избираемая тактика, бескомпромиссный антикоммунизм СДС, грубо отвергавший достаточно распространённый в народе левый менталитет привели к тому, что получило название "болгарского феномена" и не имело аналогов в других центральноевропейских государствах. Болгарская компартия, переименованная вскоре в социалистическую, и после отстранения Т. Живкова еще довольно долго (около двух лет) сохраняла положение главной политической силы страны. Она, в частности, выиграла проведенные на многопартийной основе в июне 1990 г. парламентские выборы, получив около 53% голосов избирателей. Естественно, подобный "социалистический рецидив" не мог не вызвать настороженности со стороны некоторых западных кругов².

Следует также отметить, что у Болгарии не было опыта реальной трансформации экономики в условиях строительства "развитого социализма" в направлении ее либерализации, умножения рыночных элементов, что имело место, например, в Венгрии.

Страны северной зоны центральноевропейского региона опередили Болгарию, Румынию и другие государства южной (балканской) зоны в попытках заполнить своеобразный вакуум, образовавшийся после распада Варшавского договора и упразднения СЭВа. Лишь в июле 1998 г. Болгария стала полноправным членом ЦЕФТА. Упущенное время в деле углубления региональных межгосударственных отношений Болгарии предстоит наверстывать.

При отсутствии принципиальных разногласий относительно приоритета европейского направления во внешней политике Болгарии, позиции основных политических сил различаются, когда речь заходит о путях обеспечения национальной безопасности страны, прежде всего о ее вступлении в НАТО (см. подробнее [2. С. 15–19]).

² БСП сохранила значительное влияние в обществе, возможность воздействовать на ситуацию в стране и после проигрыша выборов в октябре 1991 г., в результате которых она получила 106 депутатских мандатов из 240 (у СДС – 110 мандатов). На следующих выборах (декабрь 1994 г.) БСП с союзниками вновь одержала победу, завоевав 125 депутатских мест. Однако на выборах в апреле 1997 г. она потерпела весьма серьезную неудачу, получив всего 58 депутатских мандатов, а возглавляемый СДС правоцентристский блок ОДС – 137. Кроме того, кандидат от ОДС П. Стоянов в конце 1996 г. был избран президентом Болгарии.

Последовательными сторонниками присоединения Болгарии к альянсу являются радикал-демократы, правоцентристы, прежде всего СДС. Как заявил Ж. Желев, первый болгарский президент, избранный всенародным голосованием, в стране все парламентские и внепарламентские демократические силы – "пронатовские". Лишь БСП занимает неясную и двусмысленную позицию [2. С. 17]. В СДС по данному вопросу не было и нет серьезных дискуссий. Он неизменно демонстрирует свою атлантическую ориентацию, "западную идентичность".

Подчеркивая отсутствие альтернативы членству страны в НАТО, болгарские правые не могут при этом не считаться с известной российской позицией по вопросу о расширении альянса, указывая, что с Россией нужно развивать дружественные отношения и ее нельзя оставлять вне системы европейской коллективной безопасности. "Я не раз подчеркивал, – говорил П. Стоянов, – что наше желание вступить в НАТО ни в коем случае не следует толковать как вызов или, не дай Бог, враждебный акт по отношению к России..." [1. № 34. С. 7]. Вместе с тем отмечалось, что Болгария проводит самостоятельную внешнюю политику. Как заявила, например, глава болгарского МИД Н. Михайлова, недопустимо, чтобы "третьи страны" накладывали вето и контролировали процесс расширения НАТО [11. 1998. 22 П]. Не трудно предположить, что в термине "третьи страны" содержится намек на Россию.

На позиции БСП по вопросу о вступлении Болгарии в НАТО сказывается наличие в партии различных течений – от "ортодоксов" до "реформаторов", которые по-своему подходят к отдельным аспектам данного вопроса (правда, многие реформаторы в последние годы покинули БСП, примкнув к уже существующим или создав новые организации социал-демократического, "западного" уклона). У руководства БСП возобладала точка зрения, что для Болгарии важнее интегрироваться в ЕС и другие чисто европейские структуры; НАТО не является единственной организацией, способной помочь обеспечению безопасности в Европе; никакая формула европейской безопасности не возможна без участия России. В программных документах БСП середины 90-х годов записано: "самым благоприятным было бы, чтобы взаимодействие и возможное приобщение Болгарии к НАТО сопровождалось трансформацией этой организации в универсальную систему, общеевропейской и глобальной безопасности, что даст возможность участвовать в ней всем европейским государствам, включая и Россию" [2. С. 16–17].

Отношение к "натовской теме" других партий и блоков, представленных в болгарском парламенте, определяется их социальной базой, программными целями, политической конъюнктурой, собственными расчетами тех плюсов и минусов, которые может принести членство страны в НАТО. Для Движения за права и свободы (ДПС), электорат которого в основном составляют болгарские этнические турки и мусульмане, данное членство важно, скорее всего, с точки зрения превращения Болгарии в союзника Турции. Это, видимо, помогло бы ДПС больше влиять на политику по упорядочению положения турецкого меньшинства, дало бы какие-то возможности оживить (может быть в некоей новой формулировке) сравнительно давнюю, но вряд ли полностью забытую и довольно оригинальную идею относительно европеизации Болгарии. Еще в 1990 г. лидер ДПС А. Доган заявил, что путь Болгарии в Европу лежит "через Босфор и исламский мир" [12].

Болгарский бизнес-блок (БББ) – партия мелких и средних предпринимателей считает, что с вступлением страны в НАТО торопиться не следует, ибо это очень дорогостоящее дело и, к тому же, не предоставляющее полной гарантии безопасности. По мнению БББ, в области национальной безопасности Болгария должна опираться прежде всего на собственные ресурсы, укрепляя свою обороноспособность и активизируя внешнюю политику [2. С. 18].

В начале 1997 г. на политической арене Болгарии появилась новая партия – "Европейские левые" (ЕЛ), инициаторами создания которой стали главным образом выходцы из реформаторского крыла БСП. Несмотря на свою молодость, на выборах в апреле того же года ЕЛ сумела провести своих представителей в Народное собрание

(парламент), получив 14 депутатских мандатов. Евroleвые подчеркивают, что в географическом, историческом, политическом, экономическом, культурном и цивилизационном аспектах Болгария принадлежит Европе. Стабильное и безопасное будущее страны может быть достигнуто только в рамках объединенной Европы. Поэтому одной из первостепенных своих задач ЕЛ считает работу во имя ускоренного интегрирования Болгарии в европейские политические, экономические и военные организации. Для партии это "не вопрос прихоти или моды, а глубоко осознанная необходимость, цивилизационный выбор" [13].

Таковы, вкратце, позиции влиятельных политических сил (точнее, их руководства) по вопросу о вступлении Болгарии в европейские и евроатлантические структуры как магистральном пути возвращения в Европу. Здесь практически нет разногласий по поводу целесообразности присоединения к ЕС (что сделать, кстати, гораздо сложнее), но они проявляются, когда речь заходит о членстве в НАТО. Естественно, если по данному вопросу высказываются рядовые граждане, то палитра мнений, выглядит намного богаче, ибо основной способ получения подобной информации – анонимные социологические исследования.

В ходе социологического исследования в декабре 1996 г. на вопрос, следует ли Болгарии в ближайшее время стать членом НАТО, респонденты дали такие ответы: "да" – 39%, "нет" – 29%, не имели окончательного мнения – 32% [14. 1996. 25 XII. С. 3–4]. Согласно результатам других исследований, в середине 1996 г. свыше двух третей опрошенных граждан высказались за полную интеграцию Болгарии в Евро-союз, а около 52% – за полноправное членство страны в НАТО (последний показатель был в то время самым низким среди других постсоциалистических государств) [2. С. 26].

Необходимо добавить, что среди опрошенных болгарских граждан оказалось немало (по различным данным – не менее 25%) сторонников нейтралитета страны. Главный аргумент в пользу такого выбора: "Ни разу членство Болгарии в каком-либо союзе не принесло в конечном счете добра отечеству". При этом высказывалось пожелание превратить Болгарию в "балканскую Швейцарию" [11. 1995. 29 IX; 14. 1996. 7 П. С. 2].

Приведенные выше данные позволяют делать различные выводы. И все же они не дают оснований выдавать стремление к быстрейшему и безусловному вступлению в НАТО за выражение "воли народа". То же можно сказать и об утверждении, что большинство болгарского народа не приемлет НАТО [15. 1997. 15 III].

БСП предложила вынести вопрос о вступлении Болгарии в НАТО на всенародный референдум. Против этого выступили правящие в настоящее время в стране силы, в том числе и президент П. Стоянов. Суть аргументации противников референдума состоит в том, что в сегодняшней тяжелой ситуации народ, задавленный социально-экономическими трудностями, не сможет принять правильное решение. Возникает некоторое недоумение. Почему тот же народ, обремененный теми же проблемами и приведший на последних выборах к власти и нынешнего президента, и СДС удостоился со стороны последних похвалы за мудрость, зрелость, верность выбора и т.д. И еще. П. Стоянов заявил, что в случае соответствующего решения Народного собрания он "с удовлетворением и незамедлительно" назначит референдум по вопросу о сохранении в стране республики, или же о восстановлении монархии [5. 1997. 17 IV]. Судя по всему, вопрос о присоединении к НАТО по-прежнему будет решаться властными структурами.

В течение всего посттоталитарного периода Болгария не только декларировала, но и принимала официальные документы, оформляющие ее намерения присоединиться к организациям, олицетворяющим собой "большую Европу". В этом направлении были достигнуты и определенные практические результаты.

В 1992 г. Болгария была принята в Совет Европы, а в мае 1994 г. первой среди посткоммунистических государств заняла председательский пост в этой организации. В том же году страна получила статус ассоциированного члена Западноевропейского

союза (ЗЕС), а с 1 февраля 1995 г. обладает аналогичным статусом в Европейском союзе. В декабре 1995 г. она направила официальное заявление о полноправном членстве в ЕС. В марте 1997 г. сделана заявка о приеме в НАТО (Болгария участвует в натовской программе "Партнерство ради мира").

Для реализации своих евроатлантических устремлений Болгария не прекращает усилий, чтобы обрести и утвердить такой собственный облик, который устроил бы тех, от кого зависит удовлетворение поданных ею заявок. Пока наиболее заметных успехов удалось добиться в политической сфере.

Ж. Желев заявил в 1995 г., что Болгария превратилась в страну, свободную по всем европейским и мировым стандартам [15. 1995. 3 III]. Столь же лестные характеристики в адрес Болгарии и ее народа особенно щедро раздавались, в том числе и зарубежными общественными и политическими деятелями, после победы правоцентристов (соответственно, поражения социалистов) в последних избирательных кампаниях. Так, бывший посол Франции в Болгарии Ф. Дайе оценил результаты парламентских выборов в апреле 1997 г. как доказательство принадлежности Болгарии к странам с европейским уровнем демократии.

Звучали и иные мотивы. Известно, что выборы 1997 г. проводились, как уже не раз бывало, до истечения конституционного срока полномочий парламента. Это диктовалось главным образом массовым недовольством со стороны населения ухудшением своего и без того нелегкого социально-экономического положения. С конца 1996 г. в стране начались демонстрации и митинги, основным требованием которых было проведение досрочных выборов в Народное собрание, где большинство в то время принадлежало социалистам и их союзникам. В январе 1997 г. участники одного из митингов предприняли попытку захвата здания парламента. Оценивая это событие, газета "Дума" (орган БСП) писала, что оно "поставило крест на почти семилетних робких попытках европеизировать нашу балканскую психику" [15. 1997. 18 IV].

В целом нужно отдать должное демократизации общественной жизни в Болгарии, хотя здесь и не обходится без издержек. Однако главные проблемы Болгарии сосредоточены в экономической области, положение в которой в решающей степени определяет общую ситуацию в стране, ее возможности реального участия в интеграционных процессах.

Общие направления и цели хозяйственных реформ в Болгарии существенно не отличаются от реформ центральноевропейских государств. Такие понятия и ориентиры, как "приватизация", "структурная перестройка" и т.п. обильно пропитывают экономические программы всех болгарских правительств посттоталитарного периода. Задача состоит в наполнении этих программ практическим содержанием. Пока же из-за непоследовательности, нехватки решимости, чрезмерной занятости политической борьбой, недостаточной разработанности нормативной базы и других причин попытки хозяйственных реформ в Болгарии давали чаще, мягко выражаясь, неутешительные результаты. Появились даже имеющие негативный смысл термины "болгаризация", "болгарский вариант" развития экономики и финансовой системы.

Одна из самых болезненных проблем социально-экономической сферы Болгарии – острая нехватка капиталовложений, потребность в зарубежных кредитах. Средства можно получить на Западе, но он вначале не проявил к Болгарии особой благосклонности. Так, размеры зарубежных капиталовложений в страны Центральной и Восточной Европы в 1990–1997 гг. составили (в расчете на душу населения): Венгрия – 1470 долл., Словения – 800, Чехия – 699, Польша – 362, Болгария – 95 долл. (для сравнения: Эстония – 400, Россия – 44 долл.) [6. 1997. 26 XII].

Незавидное место, отводимое Западом Болгарии, мотивировалось прежде всего отсутствием у нее глубоких рыночных преобразований. Получался замкнутый круг: чтобы строить рыночное хозяйство, нужны средства, а чтобы получить их, необходимо наличие "рыночных" достижений. Западу требовались убедительные доказательства, что предоставленные им средства будут целенаправленно использоваться именно на развитие рынка, а не просто проедаться, уходить в те или иные "черные дыры".

Действительно, в годы правления социалистов на долю частного сектора в Болгарии приходилось лишь 45% ВВП, продолжалось субсидирование убыточных государственных предприятий.

Однако возлагать вину за недостаточную "рыночность" только на социалистов было бы неверным. Предшествующее правительство ("надпартийное") возглавлял профессор Л. Беров, бывший до своего премьерства экономическим советником президента Ж. Желева. И именно этот кабинет президент в начале 1994 г. публично лишил своего доверия, обвинив его в провале приватизации и аграрной реформы, в неумении привлечь в страну иностранные инвестиции. Позднее Ж. Желев упрекал Запад в содействии победе болгарских социалистов на парламентских выборах в декабре 1994 г. По его мнению, Запад должен был предложить нечто вроде нового "плана Маршалла", чтобы уберечь народ Болгарии и других постсоциалистических стран от огромных трудностей переходного периода и тем самым помешать их полевению [15. 1996. 1 III].

Вполне очевидно, что в подходах Запада к бывшим социалистическим странам просматривается определенный политический подтекст. Возвращение в конце 1994 г. к власти БСП, являющейся, по мнению многих, одной из наиболее слабо реформируемых среди посткоммунистических партий, существенно охладило отношения Запада и его финансовых институтов к Болгарии. Это объясняется не только экономической политикой социалистов, но и их, по сравнению с другими политическими силами, большей "прорусскостью" и, напротив, меньшей "прозападностью". Во многом благодаря этому Международный валютный фонд исключил Болгарию из списков получателей помощи [3. 1996. 1 X; 5. 1997. 21 VIII; 6. 1997. 6 II]. Положение изменилось, когда у власти в стране вновь оказались правые. В Болгарию пошли западные кредиты. По рекомендации МВФ и Всемирного банка ее финансовая система была взята под строгий "монетаристский" контроль специального валютного совета, членами которого стали и представители этих организаций. Национальная валюта была "привязана" к германской марке. Эти и некоторые другие меры способствовали началу улучшения макроэкономической ситуации, но для преодоления социально-экономического кризиса еще потребуется немало времени.

Запад внимательно наблюдает за состоянием социальной сферы в странах Центральной и Восточной Европы, оценивая ее соответствие средним западноевропейским показателям. И в этом отношении Болгария выглядит не особо привлекательно. За первые семь лет болгарских реформ (1990–1996 гг.) в среднем болгары стали беднее почти в 4 раза [4. 31 III; 5. 1997. 14 I]. Проведенное в апреле 1997 г. социологическое исследование показало, что свыше 75% опрошенных отнюдь не спокойны за свое будущее, причем более 40% думают, что их нелегкое положение и далее станет ухудшаться, а 23% считают, что сохранится их нынешнее нищенское существование. 56% заявили, что они не могут купить даже самые необходимые для жизни вещи, и лишь 2% не испытывали никаких финансовых проблем. Наиболее незащищенными чувствовали себя люди активного возраста (30–50 лет), а также женщины, лица с недостаточным образованием и национальные меньшинства. Примечательно, что эти люди примерно поровну подразделяются на приверженцев социалистов и сторонников демократов. Социологи отметили и рост оптимистических настроений (их доля составила 19%), носителями которых являются преимущественно лица в возрасте менее 30-ти лет, имеющие высшее образование, проживающие в столице или в других крупных городах, болгары по национальности, симпатизирующие демократам. Их оптимизм во многом основывался на убеждении, что страна уже достигла "дна" и дальше падать некуда [16].

Многие граждане Болгарии надежды на улучшение своей жизни связывают с эмиграцией. После 1989 г. страну покинули свыше 500 тыс. чел., большинство из которых – молодые и квалифицированные люди. Согласно опросам общественного мнения, готовность при первой же возможности эмигрировать выразил каждый третий болгарин [4. 1996. 1 X].

Основной поток реальных и потенциальных эмигрантов устремлен на Запад, который, в свою очередь, вводит определенные ограничения на доступ граждан из стран Центральной и Восточной Европы. Вице-канцлер и глава МИД Австрии В. Шюссель (с 1 июля 1998 г. Австрия на полугодичный срок заняла пост председательствующего в ЕС) предупредил, что граждане государств, которые станут новыми полноправными членами Евросоюза, не смогут в течение 5–10 лет свободно перемещаться и получать постоянную работу в 15 странах-основателях союза. Это заявление вызвало весьма негативную реакцию в болгарской печати. Западная Европа, отмечал публицист С. Терзиев, ведет себя "как городская дама, которая, увидев на пороге своего деревенского родственника, с отвращением отворачивается". ЕС превращается в крепость, внешняя стена которой очерчивается Шенгенскими соглашениями; эта стена призвана "удерживать на дистанции государства, не представляющие интереса для богатой части континента. В их число входит и Болгария" [17. 2 VII]. По мнению политолога О. Минчева, Европа превратилась в "гнездо расизма и ксенофобии". ЕС посредством утвержденного в Шенгене особого визового режима возводит новую берлинскую стену. Запад не готов и, вероятно, не желает "осуществлять объединение континента теми темпами, которые были заданы крушением коммунистической системы" [17. 6 VII].

Таким образом, эйфорические прозападные настроения, охватившие значительную часть болгарского общества и усиленно подогреваемые многими СМИ на фоне победы правых на выборах, довольно быстро пошли на убыль, столкнувшись с повседневными реалиями. Это подтверждается и изменившейся тональностью официальных заявлений. У болгарского руководства стало отчетливо просматриваться беспокойство в связи с отсутствием со стороны Запада положительных сигналов относительно вступления республики в НАТО и ЕС, выражаться неудовлетворенность продолжительностью процедур приема в эти организации.

Премьер-министр И. Костов, выступая на посвященном проблемам стран Центральной и Восточной Европы международном экономическом форуме (Зальцбург, июнь 1998 г.), обратил внимание на появление признаков того, что благополучные европейские страны готовят сценарий "проволочек и изоляций", следствием которого может стать появление на континенте "новых разделительных линий". Лишь ускорение процесса приема бывших социалистических стран в ЕС остановит, как он подчеркнул, "рост бедности и конфликтов на межнациональной, этнической и религиозной почве". (Если следовать подобной логике, то в ЕС надо в первую очередь принять Албанию, Боснию, Македонию, Сербию, т.е. государства, где такие конфликты или уже имеют место, или в любой момент возможны: – Ю.З.). И. Костов отметил также, что Болгарию не устраивает ее прием в полноправные члены ЕС лишь через 10 лет, поскольку такие сроки не могут "мотивировать наше поколение". Не утруждая себя особым дипломатическим этикетом, он заявил, что единственной альтернативой интеграции Болгарии в европейские и евроатлантические структуры является приход к власти в стране "режимов в духе Милошевича и Лукашенко" [1. 1998. № 27. С. 47–48].

Какова будет реакция Запада на подобные претензии и аргументы, изменится ли его позиция в более благоприятную для Болгарии сторону? Представляется все же, что в его глазах весомее выглядят факты, свидетельствующие о наличии в Болгарии серьезных экономических, социальных и других проблем. В этой связи трудно предположить, что в ближайшем будущем процесс ее присоединения к НАТО и ЕС существенно ускорится.

Важным критерием интеграционной совместимости того или иного государства с основными военно-политическими и экономическими организациями Европейского континента является, как отмечалось, отсутствие у этого государства серьезных противоречий, споров с соседними странами. Для Болгарии данный критерий имеет особое значение хотя бы в силу ее географического положения – в центре Балканского полуострова, за которым издавна закрепилась недобрая "слава" порохового погреба Европы.

Исторически Балканы представляют собой крупный невралгический узел, где традиционно сталкиваются или, скажем осторожнее, не всегда совпадают интересы великих (и не только) держав. Здесь проходит наиболее беспокойная и, пожалуй, самая неустойчивая, размытая часть границы между существующими цивилизациями, расположены болевые точки соприкосновения различных этносов, конфессий, конфликты между которыми не утихают многие годы, принимая порой открытые, острые или же латентные формы. Эти конфликты зачастую не признают государственных рубежей, втягивают в себя другие, небалканские страны и международные организации. Можно вспомнить принадлежащую директору Института стратегических исследований при Гарвардском университете С. Хантингтону концепцию современного мира, стоящего на пороге разлома цивилизаций, конфликтам между которыми суждено в дальнейшем преобладать в сфере международных отношений. Эта концепция подвергнута разно-сторонней критике, и вполне вероятно, что С. Хантингтон неправ, экстраполируя имеющиеся сегодня место межнациональные и религиозные конфликты на будущее всего человечества [6. 1998. 3 VII; 18]. Но применительно к текущему моменту, к конкретному региону (имея в виду и нынешнюю ситуацию на Балканах) его взгляды находят определенное подтверждение. Болгарии предоставлено широкое поле деятельности для активного участия в урегулировании внутрибалканских противоречий, набирая тем самым "проходные баллы" для вступления в евроструктуры.

Существует также точка зрения, что в наше время возобладала тенденция к дезинтеграции, усилению сепаратизма. В подтверждение этому приводятся такие цифры: в 1920 г. в Европе насчитывалось 23 государства и 18 тыс. км государственных границ, а в 1994 г. эти показатели увеличились соответственно до 50 и 45 тыс.; свидетельствами дезинтеграции служат бывшие СССР, СФРЮ и ЧСФР. Опираясь на эти и другие данные, французский ученый П. Бонифас пришел к мысли, что мы живем в век распада, который угрожает всему миру [19].

Цифры и факты, приведенные П. Бонифасом, бесспорны, но согласиться с его выводом нельзя. Ведь большинство новых государств, возникших на месте названных федераций, так или иначе проявляют стремление к сближению, к объединению усилий в той или иной сфере, создавая для этого или новые интеграционные формы, или используя уже сложившиеся. Конечно, процесс этот не прямолинеен. Он осложняется и напластовавшимися ранее чувствами обиды, недоверия в отношениях между отдельными странами и народами, новыми проблемами, связанными с отставанием собственных и по-своему понимаемых национальных интересов. Не секрет, например, что различные государства Центральной и Восточной Европы соперничают между собой в деле завоевания расположения со стороны международных организаций Запада.

Болгария, как уже говорилось выше, заявила о своих "отличных", "прекрасных" отношениях с сопредельными странами. Отвлекаясь от "возвышенности" таких определений, можно признать их справедливыми, если иметь в виду отсутствие официально предъявляемых территориальных и иных серьезных претензий. Но комплекс этих отношений далеко не исчерпывается соблюдением принципа нерушимости границ, других норм международного права. Существуют и такие сильно действующие, особенно на Балканах, факторы, как историческая память, удовлетворенное или ущемленное национальное достоинство. На массовое сознание болгарского народа по сей день влияет ощущение исторической несправедливости, проявившейся в разделении нации, урезании территории страны. Эти настроения вольно или невольно подпитываются официальными и академическими кругами, средствами массовой информации. Нечто подобное происходит и в некоторых граничащих с Болгарией государствах. Все это не позволяет говорить о "безоблачности" ее отношений с соседями или, используя модный российский термин, с "ближним зарубежьем".

Определенные отрицательные моменты, связанные с прошлым и настоящим, присутствуют, например, во взаимоотношениях Болгарии и Румынии. Болезненным и застарелым является вопрос о Южной Добрудже – болгарской северо-восточной области, которая в результате второй балканской (межсоюзнической) войны отошла в

1913 г. к Румынии, а в 1940 г. при содействии Германии была возвращена Болгарии. Но, отмечает болгарский исследователь Л. Петров, и в 1941–1944 гг., и в годы "социалистического интернационализма" Румыния не оставляла планов вновь включить эту область в состав своей территории. Более того, уже при демократическом режиме глава румынского МИД говорил о болгарской оккупации Южной Добруджи. Правда, затем последовало официальное заявление румынской стороны об отсутствии у нее территориальных претензий к Болгарии. Возвращение Южной Добруджи, добавляет автор, получило после второй мировой войны международное признание. Область была оставлена в составе Болгарии, в отличие от таких болгарских земель, как Западная Фракия, Вардарская Македония, некоторые другие западные районы [3. 1991. 3 VII].

Добруджанский вопрос обсуждается и в Румынии, причем обычно с негативным уклоном в адрес Болгарии. В прессе отмечается, что Добруджа – важный объект заботы болгарских историков и политиков, предупреждается о возможном притязании Болгарии на Северную Добруджу, принадлежащую Румынии. Указывается, допустим, что в Интернете можно обнаружить статью о "Великой Болгарии", включающей в себя и названную область, автор которой утверждает, что Добруджа – "колыбель болгарской нации", является регионом, отторгнутым от Болгарии. Эти утверждения квалифицируются в румынской печати как "ревизионистские", основывающиеся на исторических мифах, либо отражающие различные политические тенденции [14. 1998. 13 VIII. С. 13].

Отнюдь не "парадно-официальную" оценку дает одна бухарестская газета современным румыно-болгарским отношениям: "Под маской взаимопонимания и регионального сотрудничества между Румынией и Болгарией ведется открытое соперничество за интеграцию в НАТО и Европейский союз. Под зеленым сукном стола переговоров не прекращаются удары ногами ниже пояса" [14. 1998. 13 VIII. С. 13].

Большую озабоченность вызывают у Болгарии процессы, происходящие в государствах, возникших на месте бывшей СФРЮ. Отношение Болгарии к нынешнему сербскому режиму видно из цитированного выше высказывания И. Костова на экономическом форуме в Зальцбурге. Сербия обвиняется также в ущемлении прав этнических болгар, проживающих на ее территории.

Главными очагами напряженности на Балканах, в Европе в целом стали в 90-е годы Босния и Косово. Умиротворение Боснии потребовало вмешательства многих государств, международных организаций, включая НАТО, и проходило при активном использовании силовых, военных и полицейских методов. Последнее позволяет говорить, что в данном случае имели место не только европеизация Балкан, но и балканизация Европы. Во время боснийского кризиса Болгария разделяла позиции международного сообщества, добросовестно подключилась к выполнению требований эмбарго в отношении СРЮ, понесла при этом большие убытки и безуспешно ставя вопрос об их компенсировании.

Болгария, будучи сторонником мирных политических решений старается не оставаться пассивным наблюдателем событий в Косово, ибо любой итог косовского кризиса не будет для Болгарии полностью благоприятным.

В целом для Балкан худшим вариантом представляется фактическое, тем более юридическое отделение Косово от СРЮ. Это создаст условия для реализации идеи "Великой Албании", облегчит осуществление плана формирования балканской "мусульманской дуги" от Албании через Косово, западную Македонию, Боснию, юго-восточную Болгарию до Турции. План этот отнюдь не иллюзорен, поскольку сегодня Запад, нередко прибегая к двойному стандарту, поддерживает на Балканах мусульман, которые получают также разностороннюю помощь от исламских государств.

В свою очередь в Болгарии и ряде других балканских стран среди значительной части общества распространена идея создания, в противовес названной "дуге", некоего православного "щита", состоящего из Болгарии, Греции, Сербии и др. Однако для

официальной Софии с ее прозападными устремлениями проявление положительного интереса к подобным "щитам", "осям", к идее панславизма (противостоящего пантюркизму, панисламизму) означает нанесение ущерба своему "европейскому реноме".

В настоящее время у Болгарии сложились в чем-то специфические, но в целом нормальные отношения на межгосударственном уровне с Грецией и Турцией. Однако в общественном сознании восприятие этих государств далеко не одинаково. По данным социологического исследования, Греция расценивается как соседнее государство, менее всего угрожающее национальной безопасности Болгарии. Контрастным, свидетельствующим о наличии в массовом сознании стойкого негативного стереотипа, является отношение к Турции. Она, вопреки заявлениям официального руководства, воспринимается общественностью в качестве самого опасного соседа, источника внешней угрозы Болгарии, в том числе и ее европейской идентичности. Турция как бы исключается из европейской цивилизации, болгарско-турецкая граница считается рубежом между двумя различными и конфликтно сосуществующими мирами [2. С. 29].

Сказанное выше подтверждает, что Болгария объективно не может остаться в стороне от внутрибалканских проблем и что в ее отношениях с соседями присутствуют определенные негативные моменты. Очевидной является необходимость наращивания совместных усилий не только для постепенного разрешения существующих проблем, освобождения от наслоений прошлого, но и для развития двустороннего и многостороннего сотрудничества, поиска его организационных форм. В этом направлении уже сделаны немалые шаги и предпринимаются новые. Так, осенью 1997 г. на Крите состоялась встреча лидеров стран Юго-Восточной Европы. Положительным является сам факт, что за одним столом собрались руководители Албании, Болгарии, Греции, Македонии, Турции, Румынии и Югославии. На встрече было выдвинуто предложение о создании новой постоянной региональной структуры по балканскому сотрудничеству. Предложение не прошло, но участники встречи согласились вести работу по унификации национальных законодательств и приведению их в соответствие с международной практикой, снизить торговые барьеры, усилить борьбу с организованной преступностью и др.

Комментируя критскую встречу, немецкая "Франкфуртер Рундschau" отметила изложенное греческим премьер-министром видение будущего Балкан: превращение этого самого взрывоопасного субрегиона в Европе в обитель экономического сотрудничества, политического взаимопонимания и мирного сожительства. На фоне тлеющего югославского кризиса, этнических конфликтов и исторической вражды, писала газета, эта мечта выглядит утопией. Но только на первый взгляд. Ибо, если балканские государства не одумаются и не придут к взаимопониманию, они будут исключены из новой европейской архитектуры и в экономическом отношении будут плестись позади других европейских стран (цит. по: [11. 1997. 6 XI]).

История распорядилась таким образом, что нынешний путь Болгарии в большую Европу лежит через Балканы, точнее, через активное и плодотворное участие в решении субрегиональных проблем, устранение внутренних слабостей. Путь этот нелегок, но, достойно проходя "балканское чистилище", можно укрепить доверие к себе Запада, приобрести опыт, закалку, которые пригодятся на общеевропейском и евроатлантическом политическом и экономическом пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Компас (ИТАР – ТАСС). 1998
2. България и НАТО: Недовършеният дебат. София, 1997.
3. Демокрация. 1996. 11 X; 1997. 24 IV.
4. Пари. 1997.
5. Финансовы известия.
6. Известия.

7. Независимая газета.
8. Свободен народ.
9. Новое время. 1997, № 3. С. 29.
10. *Кръстев И.* Полупарламентарният режим. Структура и перспективи на партийната система в България (декември 1989 – октомври 1994 г.) // Политически изследвания. 1995. № 4. С. 393.
11. 24 часа.
12. Отечествен вестник. 1990. 11 VII.
13. Труд (София). 1997. 16 IV.
14. Пулс планеты.
15. Дума.
16. Стандарт.
17. Сега. 1998.
18. *Кандель П.* Россия перед соблазном "конфликта цивилизаций" // Власть. 1995. № 12. С. 61–66.
19. Правда. 1998. 1 VII.

К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина

© 1999 г. Л.Н. БУДАГОВА

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА
ЧЕШСКИМ ПОЭТИЧЕСКИМ АВАНГАРДОМ

Кумиром чешского авангарда (как и авангарда вообще) Пушкин не был. Представители новейших литературных течений поклонялись другим богам: у поэтистов (20-е годы) и чешских сюрреалистов (30-е) на устах были имена французских поэтов – от Бодлера, Лотреамона до Рембо и Аполлинера. Из русских литераторов в начале XX в. наибольшим авторитетом пользовались футуристы, особенно Хлебников и Маяковский. Привлекал внимание и Блок, но не столько как русский символист, сколько как автор "Двенадцати", как певец русской революции, с которой большинство молодых чешских поэтов того времени связывали романтические надежды на лучшее будущее человечества.

Имя Пушкина упоминается в программных статьях чешского поэтизма (разновидность европейского художественного авангарда), громко заявившего о себе в начале 1920-х годов, очень редко. А если и упоминается, то символизируя старую отжившую культуру. Поэт остается в поле зрения чешских авангардистов, но лишь как музейный экспонат, а не как действующее лицо культуры XX в., чей опыт мог бы пригодиться современности.

Так, в статье режиссера и теоретика авангардного искусства И. Гонзла "Не стройте театров" (1922), где автор доказывает, что время крупных академических театров, не интересующих ни фабрикантов, ни рабочих, прошло, и настала пора камерных сцен и студий, насмешливо упоминаются "два последних посетителя" старого театра: "истерический юноша", декламирующий: "дорогу гвардейцам-гасконцам" (т.е. строки из роستانовского "Сирано де Бержерака". – Л.Б.) и "анемичная барышня", провозгласившая, что «ее душа переродилась под влиянием "Евгения Онегина"» [1. Sv. 1. S. 424]. Очевидно, что пейоративные эпитеты "истерический" и "анемичная" призваны бросить тень не только на зрителей, но и на старый театральный репертуар, куда был включен и Пушкин. К. Тейге, один из лидеров и теоретиков чешского поэтизма, видит великое значение русского футуризма, "представленного Маяковским, Асеевым, Пастернаком, Мариенгофом, Шершеневичем и другими" в том, что он "восстал против романтического словаря Пушкина". В его статье "Слова, слова, слова" (1927) [1. Sv. 2. S. 331] Пушкин ассоциируется с теми эстетическими началами и качествами, которые требуют не продолжения, а преодоления.

Будагова Людмила Норайровна – д-р филол. наук, руководитель Научного центра Института славяноведения РАН.

Причина подобного отношения к Пушкину коренилась прежде всего в авангардном антитрадиционализме. Правда, в Чехии, как и в других славянских странах, он был довольно умеренным. Возражая стремлению русских кубофутуристов сбросить классиков, Пушкина, Лермонтова, "с парохода современности", эгофутурист Игорь Северянин писал в "Поэзе истребления" 1914 г.: «Да, Пушкин стар для современья, но Пушкин пушкински велик... Не Лермонтова "с парохода", а бурлюков – на Сахалин!». Но все же – при своем величии – "Пушкин стар для современья"... Именно эти ощущения преобладали и в чешской авангардной среде. Но они не оставались неизменными. Отношение чешских поэтистов и чешских сюрреалистов к Пушкину претерпевало эволюцию. Суть ее можно определить как преодоление предубеждений против русского классика, как рост интереса к его творчеству, открытие в нем качеств, импонирующих авангарду, превращавших его из поэта прошлого в поэта на все времена. В результате в чешской поэзии 20–30-х годов создавалась благоприятная почва для восприятия пушкинских влияний. Из антипода авангардного искусства Пушкин постепенно превращался в его предтечу и союзника. "Евгений Онегин" перестал символизировать консервативные театральные вкусы, вошел в репертуар авангардного театра Э.Ф. Буриана "Д-37". Поддержав мысль Северянина, что – "Пушкин пушкински велик", представители чешского авангарда пошли дальше, показали, что он совсем не "стар для современья" и может многое дать ему.

Большую роль здесь сыграли и внутренние, и внешние причины: сама эволюция авангардного искусства, все более смягчавшего антитрадиционалистский запал, а также особая пропушкинская атмосфера в межвоенной Чехословакии. Ее создавали и русские филологи-эмигранты, перенесшие на чужую почву "любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам", особо острую вдали от дома, и скорбный юбилей 1937 г., всколыхнувший интерес к гению русской словесности. Нельзя забывать и традиционное русофильство деятелей чешской культуры, то замиравшее, то оживавшее под воздействием обстоятельств, но поистине неискоренимое вплоть до августа 1968 г. Оно не было чуждо и президенту Масарику, хорошо знавшему и любившему русскую классику.

Масариковская Чехословакия открыла границы перед русскими эмигрантами. Никогда в Чехии еще не было такого скопления русской интеллигенции, такого средоточия знатоков русского языка и культуры, как в годы межвоенного двадцатилетия. Среди них – известные русисты А.Л. Бем и Е.А. Ляцкий. В 1922–1925-е годы в предместьях Праги жила обожавшая Пушкина Марина Цветаева. Все это создавало свои противовесы авангардным отношениям к поэту.

С начала 1920-х годов день рождения А.С. Пушкина – 6 июня – стал ежегодно отмечаться в Праге как День русской культуры¹. Он проводился при активном участии чешской общественности. Одним из инициаторов его проведения был профессор Санкт-Петербургского университета А.Л. Бем, работавший с 1922 г. в Карловом университете². Он считал святой обязанностью русской эмиграции "приобщение Запада к постижению гениальности Пушкина", доказывая, что вся русская литература вышла из Пушкина, что весьма популярный в Чехии Достоевский "со всей его проблематикой был дан в Пушкине" и что "утверждение Пушкина есть торжество не только русское, но и всеславянское". Бем старался затронуть патриотические чувства чехов, чувства гордости за славянскую культуру: "Разве может подлежать сомнению, что славянство имеет своего, столь же бесспорного гения, как и немецкая литература в лице Гете? Но в отличие от немцев, славянству не хватает внутренней спайки и сознания огромной значимости этого факта. В привитии этого сознания нужна воля и настойчивость" [3. С. 53–54]. И русская эмиграция проявляла их.

¹ По мнению Л.С. Кишкина он стал отмечаться с 1924 г. (см.: [2]).

² Заслугой чешских русисток М. Бубениковой и Л. Вахаловской этот ученый вышел из небытия, а его работы по русской литературе стали доступными и чешскому, и русскому читателю [3].

Однако эпоха национального возрождения, когда славянофильские аргументы в пользу Пушкина могли бы найти горячий отклик в чешской литературной среде, осталась позади. Эти аргументы вряд ли могли приблизить к Пушкину чешский авангард, занимавшийся интенсивной переоценкой ценностей отнюдь не с традиционных патриотических позиций. Бем доказывал, что "Пушкин пушкински велик", давал отповедь "раскачивающим треножник", но, удерживая Пушкина на пьедестале, оставлял его в благоговейной тишине сокровищниц культуры, не выводил в современность, не приобщал к поискам неведомых дорог в творчестве, которые искал авангард. В этом приобщении гораздо более эффективную роль сыграло левое крыло русской эмиграции, и в первую очередь Р. Якобсон.

Строго говоря, он стал эмигрантом в самом конце 30-х годов, уехав в начале оккупации Чехословакии в Данию, потом в Норвегию, Швецию, и наконец, весной 1941 г. в США, спасаясь там от фашизма и сталинизма. В Праге 20-х годов он был "совслужащим", пресс-атташе советского торгового представительства, человеком, не бежавшим от революции, а принявшим ее. Этим во многом объясняется его дружба с членами "Революционного союза Деветсил", центра чешского авангардного искусства – В. Незвалом, К. Тейге, Я. Сейфертом и др. Они исповедовали в 20-е годы поэтистскую программу обновления искусства через его деидеологизацию, редукцию служебных и развитие эстетических функций, отвергали принципы пролеткульта, позже – соцреализма, но занимали левые политические позиции. Кто-то из них всю жизнь (В. Незвал, кто-то вплоть до сталинских репрессий 30-х годов (К. Тейге, Я. Сейферт) сочувствовали Советской России. Поэтому их больше привлекали не эмигранты, спасавшиеся от революции, а лояльные граждане новой страны (Р. Якобсон, П. Богатырев и др.). К ним ходили на русские блины, от них получали информацию о советской поэзии – В. Маяковском, С. Есенине, Б. Пастернаке, с ними засиживались в пражских пивных и порой попадали в полицейские участки за нарушение общественного порядка.

В отличие от А.Л. Бема, который пропагандировал Пушкина как бы извне, оставаясь и в Чехии деятелем русской культуры, представителем академической филологии, Р.О. Якобсон, ставший членом Деветсила, одним из основателей Пражского лингвистического кружка, активным участником авангардного движения, показывал Пушкина с близких своим соратникам позиций, руководствуясь их же взыскательными критериями ценностей. Он не пропагандировал творчество Пушкина, прибегая к приемам публицистики, а включал его в свои рассуждения, в систему анализа поэтического языка, специфики искусства, что весьма интересовало авангардистов. Глубоко проникая в мир пушкинской поэтики, раскрывая с ее помощью некие общие закономерности развития искусства, он приобщал к нему носителей "нового поэтического сознания". Проигрывая во власти над их умами французским проклятым поэтам, а также Г. Аполлинеру, А. Бретону, Пушкин все больше начинал занимать и их умы.

Р. Якобсон разрушал сложившиеся о Пушкине канонические представления, акцентируя не романтизм и реализм, а "авангардизм" писателя. Проникая в его творческую лабораторию, он показывал черты мироощущения и творчества, превращавшие русского классика в провозвестника новых тенденций в современном искусстве, которым, как оказывается, он пробивал дорогу еще в 20–30-е годы XIX в.

Пушкин входил в сознание литературного авангарда через публикации Якобсона на разные темы. Прежде всего, через исследования "Основ чешского стиха", начатых в работе "О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским" [4]. Они пользовались большим вниманием деятелей чешского авангарда. К. Тейге подчеркивал их роль в становлении новой поэзии: «Активное сотрудничество современных чешских поэтов с научными исследованиями Романа Якобсона (см. его книгу "Основы чешского стиха") существенно обогатит чешский поэтический язык» [1. Sv. 2. S. 345]. В этих работах оригиналы и переводы пушкинских произведений оттеняли особенности чешского стиха, служили материалом для сопоставительного анализа. В сходной функции они выступали и в более поздних статьях Я. Мукаржовского, в частности, в энцикло-

педической статье "О поэтическом языке" (1940), где, сравнивая русские оригиналы с чешскими переводами, Мукаржовский устанавливал "зависимость поэтического выражения от характера языковой системы" [5].

Пушкин занимает большое место и в работе Р. Якобсона "Новейшая русская поэзия. набросок первый: подступы к Хлебникову" (Прага, 1921)³. Там Пушкин и Хлебников либо противопоставляются друг другу, как представители разных этапов в развитии русской поэзии, либо, что чаще, связываются между собой как звенья одной цепи, находящиеся не в полемических, а в преемственных отношениях. Якобсон выстраивает их в один ряд, проясняющий логику развития языка и форм поэзии, их закономерности. К закономерностям исследователь относит потребность в "деорганизации формы предшествовавшей" через "затрудненность формы", что отличало не только Хлебникова, но и Пушкина. Ведь пушкинский нецензурированный пятистопный ямб, как подчеркивал Якобсон, лишь со временем стал "гладким и легким". Пушкин же вводил его как форму непривычную и трудную, чему свидетельство – строки из "Домика в Коломне":

Все кажется мне, будто в тряском беге
По мерзлой пашне мчусь я на телеге.

Оба поэта проявляли чуткость к моменту, когда язык поэзии "застывает, перестает ощущаться, начинает переживаться как обряд, как священный текст", а "форма становится шаблоном, мрет", и, чтобы стереть с них "олифу", требуется "приток нового материала, свежих элементов языка практического, чтобы иррациональные поэтические построения вновь радовали, вновь пугали, вновь задевали за живое" [б. С. 287]. "Мы говорим о гармоничном сочетании слов у Пушкина, – писал Якобсон, – а современник находил, что слова у него визжат и воют от неожиданного соседства" [б. С. 288]. Он обращал внимание на неожиданность пушкинских эпитетов, вроде бы не имевших "приметного отношения к своим существительным" и будто притянутых к ним за уши, отчего в публикации 1828 г. их предлагали называть "именами прилепительными" [б. С. 293]. "Последний тип характерен и для Хлебникова", – делал вывод Якобсон [б. С. 293].

К аналогичному обновлению формы через "затрудненность" стихотворных структур и образов, через соединение несоединимых (по тем временам) слов стремился и поэтизм, призывая извлекать слова из привычного контекста и помещать в непривычный ("класть звезду на стол..., двери придвигать к океану" – Незвал). Это стало элементом поэтики и чешского сюрреализма с его культом ошеломляющих образов, гибридообразных "сюрреалистических объектов", развивающих не только фантазию, но и язык искусства.

Современники упрекали Якобсона за его внеисторические аналогии между Пушкиным и Хлебниковым, русской классикой и футуризмом. «...Вы как будто пытаетесь охарактеризовать творчество Хлебникова. Но, если... поставить себе вопрос, чем отличаются футуристы от Пушкина, то окажется, что отличаются только в "степени" а не в принципе», – писал Якобсону Н.С. Трубецкой 7 марта 1921 г. (цит. по: [7]). Однако Трубецкой сам и объяснял это нацеленностью Якобсона на исследование "общей поэтики" искусства, неизбежно выведившего ученого на уровень тех сходных приемов, которые использовали великие поэты разных эпох, не позволявшие слову поэзии покрыться рутинной.

В серии статей, написанных в связи со столетием гибели поэта и опубликованных в Праге в 1936–1938 гг.⁴, Р. Якобсон настойчиво стремится разрушить те расхожие

³ Опубликована на русском языке (цит. по: [6]).

⁴ Na okraj lyrických básní Puškinových // Vybrané spisy A.S. Puškina. Praha, 1936. Sv. 1; Na okraj Eugena Opeginy // Vybrané spisy A.S. Puškina. Praha, 1937. Sv. 2; K Puškinovým ohlasům lidovépoezie // Vybrané spisy A.S. Puškina. Praha, 1938. Sv. 4; Puškin v realistickém světle // Program "D-37". 1937, 26 I; Nespoutaný Puškin // Lidové noviny. 1937, 14 II; Socha v symbolice puškinové // Slovo a slovesnost. 1937. C. 3 (все статьи цитируются по [6]).

представления о поэте, которые заставляли "поборников традиционных стилей в искусстве апеллировать к Пушкину", превращая его в оплот традиционализма, хотя его творчество – это искоренение "всяческих художественных канонов во имя искусства", это "гротескное изображение и пародирование различных освященных традицией национальных и общественных запретов" [6. С. 233].

В статьях 30-х годов, когда в Чехии сложилось сюрреалистическое течение, Якобсон – вольно или невольно – подчеркивает те черты пушкинского творчества, которые были созвучны сюрреализму. Он видит в Пушкине защитника иррациональных, алогичных начал, темных неясных образов, на эстетической ценности которых настаивали чешские сюрреалисты, полагавшие, что "для искушенного читателя именно самые темные образы несут в себе особый свет" [8. С. 118]. Показывая несостоятельность попыток ниспровергать "иррациональные, алогичные элементы современной поэзии... с помощью патетических ссылок на Пушкина", Якобсон приводит неожиданное мнение самого поэта: «Пушкин говорил, что отнюдь не всякая бессмыслица должна безоговорочно осуждаться, ибо часто она проистекает "от полноты чувств и мыслей и недостатков слов для их выражения"» [6. С. 232]. Якобсон высвечивал и другие моменты творчества Пушкина, близкие сюрреалистам: "Мало найдется поэтов, в творчестве которых мечта и безумство составляли бы столь явную движущую силу, как у Пушкина" [6. С. 232]. Анализируя "Евгения Онегина", проводил прямые аналогии между некоторыми деталями пушкинского текста и сюрреализмом, отмечая близость видений Татьяны "современному живописному гротеску параноидного толка" [6. С. 220].

Р. Якобсон показывал неоднозначность не только художественной, но и философской палитры Пушкина, что отдаляло его от писателей-моралистов XIX в., от литературы позитивистского типа, различающей строгие грани между добром и злом, и сближало с прямыми провозвестниками модернизма и авангарда, и конкретно – с чешскими поэтистами, стремившимися изгнать из поэзии "учительское ядро", любую тенденциозность. Можно представить, какой симпатией к Пушкину проникались поборники авангардного искусства, не терпевшие дидактики и нравочений, вчитываясь в программу спектакля "Евгений Онегин" в театре "Д-37", где среди других материалов была опубликована якобсоновская статья "Пушкин в свете реализма": «"Биографию Пушкина приходится существенно урезать для школьных учебников, но и из его произведений извлекать заповеди морали ничуть не легче, чем из его биографии... Пушкин избегает моральных оценок в своих драмах и поэмах..., и это защищает от читательского порицания завистника и убийцу в пьесе "Моцарт и Сальери", законченного скрягу в "Скупом рыцаре", царя Петра, жестокого и безучастного к судьбе человека, и жалкого обывателя Евгения в "Медном всаднике"» [6. С. 233–234].

К сходному выводу позже пришел и Сергей Довлатов, подрабатывавший экскурсоводом в Михайловском. «В местной библиотеке, – рассказывает он в своем "Заповеднике", – я нашел десяток редких книг о Пушкине. Кроме того, перечитал его беллетристику и статьи. Больше всего меня заинтересовало олимпийское равнодушие Пушкина. Его готовность принять и выразить любую точку зрения. Его неизменное стремление к последней высшей объективности. Подобно луне, которая освещает дорогу и хищнику, и жертве» [9]. Якобсон отмечал "надличностную, олимпийскую объективность произведений" Пушкина, которую создавало "переплетение высоких и низких, а порою и иронических суждений об одном и том же предмете", "взаимопроникновение субъективных смыслов" [6. С. 22]. Довлатов – "олимпийское равнодушие Пушкина", за которым стояло стремление "к последней высшей объективности". Сходство не только в самой мысли, но и в формах ее выражения.

Интерпретация Пушкина, импонирующая чешскому авангарду и раскрывавшая объективные особенности его творчества, доступные, впрочем, лишь самому пронзительному и свежему взгляду, не могла не пробудить живого интереса к русскому классику. Из музейного экспоната он превращается в действующее лицо чешской авангардной поэзии, посылает ей свои импульсы, входит в круг ее тем и образов.

В 1930 г., в период эстетического междуцарствия, когда поэтизм себя исчерпал, а чешский сюрреализм еще не сложился, появляется поэма лидера чешского поэтического авангарда В. Незвала "Ян в печали". Он так прокомментировал ее: «Впечатления, роившиеся во мне под именем "Евгения Онегина", оживить которые я вряд ли смог бы, читая поэму Пушкина (она утратила, как и все другое, свою былую волшебную силу), эти впечатления настойчиво требовали выхода. Так возник "Ян в печали", "лироэпическая поэма", написанная строфами» [8. S. 280].

Если бы не автокомментарий к поэме, связать ее с "Онегиным" было бы трудно. Но сам автор эту связь установил, и хотя она была далекой, ассоциативной, где-то на уровне субъективных ощущений, все же сумела дать свои импульсы к созданию произведения, "Онегина" в общем-то не напоминающего. Лишь при большом желании в поэме Незвала можно распознать смутные блики, отдельные детали пушкинского произведения: разочарованный, по замыслу автора, герой – объективизированный персонаж, на которого автор смотрит со стороны, картины сельских просторов, деревенского быта, вставные песни "жнецов и молодых крестьянок". (В автокомментарии есть переключка с пушкинской строкой из 55 строфы главы первой "...И far niente мой закон" – пояснение, что незваловская «поэма... родилась из той же потребности восстановления сил с помощью воспоминания, как и "Dolce far niente"...»). Имелась в виду проза Незвала о детстве, вышедшая в 1931 г. Может быть ее название было навеяно Пушкиным?) Но все это "лироэпическое" тонет, растворяется в стихии незваловской поэзии, входит микроэлементами в ее по преимуществу лирический состав, где доминируют не разочарования, а опьянение жизнью, темы любви, детства, родного края, вызывающие реминисценции из поэмы "Май" (1836) современника Пушкина поэта-романтика Карела Гинеки Махи: сравнения родной земли с "раем, нам с колыбели данным".

Сам Незвал акцентировал не семантическую, а формальную связь "Яна" с "Онегиным", особо оговаривая, что его произведение "написано строфами". Он и до того прибегал к делению стихотворного текста на строфы. Но, вероятно, в данном случае имел значение особый характер строфы, создавший интонационно-ритмические связи "Яна" с "Онегиным". Незвал применил не онегинскую строфу из 14 строк, похожую на сонет. (К этой форме обращался старший современник Незвала Иржи Маген [10], личность, чтимая авангардистами, но не обладавшая таким весом в поэзии, как Незвал.) Незвал использовал как бы ее усеченный и облегченный вариант, взяв за основу своего произведения пятистишие, в котором можно увидеть видоизмененный финал онегинской строфы. У Пушкина – ААВССддЕфФЕгг, у Незвала – еФФеФФ. Незвал заменил женские рифмы мужскими, и, наоборот, зарифмовал пятую строчку с третьей, перейдя от опоясывающей не к парной, как у Пушкина (ЕфФЕгг), а к перекрестной рифмовке (еФФеФ). Но Незвал последовательно использовал пушкинский четырехстопный ямб, редкий в чешской поэзии из-за фиксированного в чешском языке ударения на первом слоге. К тому же большинство строф его произведения имело самостоятельное значение, как и онегинские строфы.

Однако главное в данном случае не детали. Пушкинские импульсы не могли не укреплять в чешской авангардной поэзии позиции рифмованного силлаботонического стиха, объективно ограничивая территорию верлибра. Примечательно, что вступив вскоре в свой сюрреалистический период, Незвал станет спорить с А. Бретоном, принципиальным сторонником свободного стиха, никак не ограничивающего поток сознания, доказывая тому неуместность запретов на элементы традиционной поэзии, в том числе на метрические размеры и рифмы хотя бы на том основании, что чешский язык приспособлен к ним более, чем язык французский. "Нельзя руководствоваться принципом, что стих и рифма якобы искусственно ограничивают природную функцию мысли", – напишет он в книге "Пражский пешеход" (1936–1937) [11].

Не только Пушкин помогает чешской авангардной поэзии разнообразить свои возможности, не растерять каких-то давно апробированных средств выразительности, но и она помогает Пушкину. Помогает обрести более современное звучание.

Последние переводы пушкинских произведений, которыми мог воспользоваться чешский читатель в 1920–1930-е годы, относились к концу прошлого столетия и звучали архаично. Чешская поэзия с той поры прошла бурный этап развития, особенно в сфере демократизации языка, освобождавшегося от элементов высокого стиля и сближавшегося с разговорной речью. Язык же переводов из Пушкина отставал от этого уровня, он не мог передать живой непринужденности нестаряющегося пушкинского слога. Йозеф Гора писал, задумываясь о причинах недооценок некоторыми своими соотечественниками Пушкина, в частности его эпической поэзии, что они "возникли еще давно, когда мы читали русского классика в переводах, от языка которых веет лавкой старьевщика". «Нужно было взять в руки оригинал и убедиться, что антиквариатом отдает лишь перевод, – рассуждает он в своих рукописных заметках "О работе над переводом "Онегина" (30-е годы). – Нельзя не уважать переводческую деятельность Юнга (он переводил Пушкина в 1890-х годах. – Л.Б.), но стоит взять в руки столетней давности оригинал и сделанные много позже переводы, чтобы почувствовать разницу. Там, где Пушкин в своих сложных, классически упругих, рифмованных строфах будто выделывает легкие танцевальные па всем своим языком, остроумными мыслями, рифмами, потоками неожиданных ритмов, речь Юнга временами будто впрягается в телегу, что еле тащится по ухабистой дороге... Оригиналу "Онегина" звучит как современное произведение, чешские переводы – как наследие прошлого» [12].

Авангардные течения целеустремленно стараются омолодить, модернизировать язык чешской поэзии, "заплывший", по их ощущению, "жиром, тяжелый и неповоротливый" (К. Тейге), напоминающий "мускулистую Дочь Славы" (В. Незвал), т.е. торжественно-высокопарную поэму Яна Коллара столетней давности. Усилия авангарда по развитию чешского поэтического языка, освобождавшегося от запаха антикварной лавки, обретавшего легкость и гибкость, создавали благоприятные условия и для совершенствования переводов из Пушкина, приведения их в большее соответствие как с оригиналом, так и с современными читательскими вкусами. Стимулом для этого становится подготовка А.Л. Бемом и Р.О. Якобсоном (представителей двух течений русской диаспоры объединила любовь к Пушкину) четырехтомника избранных произведений поэта [13], приуроченного к столетию со дня его гибели и связанные с ним другие акции. Создает новый, блестящий перевод "Евгения Онегина" Йозеф Гора. Он непосредственно не участвовал в авангардном литературном движении, занимал полемическую по отношению к его концепциям позицию, но не остался в стороне от процессов обновления поэтического языка, стимулированных авангардом. Перевод Й. Горы по сей день считается лучшим. Он был использован и Э.Ф. Бурианом в постановке "Евгения Онегина" в театре "Д-37" в юбилейному году.

По инициативе Якобсона переводит Пушкина и возглавлявший в то время группу чешских сюрреалистов В. Незвал. Русский классик составляет в сознании Незвала успешное соперничество сюрреализму. В 1937 г. выходит самое сюрреалистическое произведение Незвала, сборник стихов "Абсолютный могильщик", на анализе которого Я. Мукаржовский показывает особенности сюрреалистической поэтики. В это же время Незвал, переводивший до той поры, в основном, Рембо, Малларме, Бодлера, Бретона, Элюара, обращается и к Пушкину, как бы одновременно покоряя две вершины поэзии: вершину классики и авангарда.

Незвал переводит лирику Пушкина для статьи Якобсона "Раскованный Пушкин" ("Lidové poviny". 1937. 16 Ш). Это – стихотворение "В.Л. Давыдову"⁵, но без первых 16 строк, избобилующих частными реалиями южной ссылки поэта; семнадцать строк из "Гаврилады", начинающихся словами "Простишь ли мне, о милая моя!", стихотворения "Кто, волны, вас остановил..." и "Придет ужасный час... Твои небесны очи...". Для 4-го тома "Избранных сочинений А.С. Пушкина" (он вышел в марте 1938 г.) Незвал переводит "Домика в Коломне", близкий грациозностью содержания и формы,

⁵ В собрании сочинений В. Незвала, т. XXXVI, в названии стихотворения перепутаны инициалы друга Пушкина.

элементами поэтики розыгрыша, подтрунивания над читателем, которому морочат голову невероятной и правдоподобной историей, чешскому поэтизму, детищу авангарда 20-х годов.

Сейчас, пожалуй, никто уже не ответит на вопрос, кто соединил Незвала именно с "Домиком в Коломне". Был ли это его собственный выбор, если у него была такая возможность, или же сам составитель наметил Незвала в переводчики одного из тех произведений Пушкина, которые были особенно близки поэтистской грани индивидуальности и творчества Незвала. Можно предположить, какой отклик в его душе вызвало уже само начало поэмы, полужутливое изложение принципов поэтического ремесла, абсолютно лишенное благоговейных придыханий по поводу "тайнств творчества", свойское обхождение Пушкина с ямбами, цезурами, октавами, глагольными рифмами, которыми он командовал как солдатами на плацу.

Мне рифмы нужны; все готов сбересть я,
Хоть весь словарь; что слог, то и солдат –
Все годны в строй: у нас ведь не парад.

Этот пафос отношения к поэзии, как к виртуозному владению словом, как к поиску созвучий был чрезвычайно близок и Незвалу, тоже любившему посвящать читателя в специфику своего ремесла. "Стихотворение. Что составляет его суть? Стих, рифма, ассонанс, метафора. Какое легкомыслие! Выискивать два созвучных слова... Игра. Кому этого мало? Плохим игрокам. Тем, кто знает лишь скучные игры... Кто сомневается, что поиски рифмы – это игра не на жизнь, а на смерть" [14].

Перевод "Домика в Коломне" был точен по смыслу (недаром подстрочники делал сам Р. Якобсон), воссоздавал дух подлинника и его детали, хотя чешская лексика не могла в полной мере передать колорита русской провинции с ее "резвушками", "светелками", "лачужками" в три окна, "крылечками" (в переводе – ступеньками), "гречневой кашей" (в переводе – хлебом). Кое-что терялось и из пушкинских перепадов между высоким и низким, между "девой томной" и "мяуканьем котов", хотя некоторые подобные диссонансы Незвал воплотил мастерски:

Бывало, мать давным-давно храпела,
А дочка – на луну еще смотрела.

Když matka chrápavala, hlavu všíc,
tu dcera ještě prohlížela měsíc.

Вскоре Незвал разоидется с сюрреализмом. Его постсюрреалистические произведения (стихи, составившие сборник "В пяти минутах от города", 1939) – это торжество регулярных размеров, полнозвучных рифм и свидетельством того, что классические стих далеки себя не исчерпали и может нарравне с верлибром выражать современное мироощущение. Нельзя исключить, что и Пушкин сказал здесь свое слово, что и обаяние его поэзии толкало Незвала к силлаботонике.

В творчестве поэтов, связанных с авангардом, есть и примеры прямого обращения к образу Пушкина. Это стихотворение "Памятник Пушкину" будущего Нобелевского лауреата Я. Сейферта. В 20-е годы он исповедовал поэтизм, затем отошел от всех авангардных течений, прокладывая собственный путь в творчестве. Стихотворение было опубликовано в газете "Ranní poviny" 1 февраля 1937 г., затем включено в сейфертовский сборник "Прощай, весна" 1937 г. Ни в одно из послевоенных изданий произведений Сейферта оно никогда не входило⁶. В этом стихотворении как бы сошлись в одной точке два 1937 года: год столетия со дня пушкинской кончины и год, когда набирали силу московские политические процессы против "троцкистов". По январским процессам 1937 г. было вынесено семнадцать смертных приговоров. Развер-

⁶ Его опубликовал Иван Пфафф в приложении к первой главе своей книги "Чешская левица против Москвы" [15].

нувшиеся с августа 1936 по март 1938 г. они в корне изменили отношение к СССР многих представителей левой творческой интеллигенции, в том числе и Я. Сейферта.

Откликаясь на памятную дату календаря, на столетие со дня гибели Пупкина, Сейферт создает стихотворение-протест против сталинских репрессий. Рассматривая мысленно памятник Пушкину, он думает о прошлом и настоящем России, мастерски совмещая два плана – план внешний, визуальный, и план внутренний, рефлексивный. От созерцания опекушинского творения, а Сейферт побывал в Москве в 1925 г. и, видимо, хорошо представлял себе фигуру Пушкина в начале Тверского бульвара, – автор все время переходил к мыслям об особенностях русской истории. Ключевыми образами, соединившими эти два плана, становятся "металл", из которого отлит монумент, и "цепи", его окружающие. Стихотворение начинается с мирной зимней зарисовки: тихо падают снежинки на кудри пушкинских волос. Но они "скованы металлом". Возникает мотив неволи, несвободы, в которой оказался вольнолюбивый поэт со скованными кудрями. Вокруг него все звенят и звенят "цепи оков", вызывающие ассоциации с кандалным звоном. Конкретные детали пушкинского мемориала – памятник обнесен тяжелыми чугунными цепями – превращаются в детали, в горький символ русской истории, где на протяжении столетий звенят кандалы, а людей лишают жизни. Меняются лишь формы физической расправы: "Раньше к виселице веди на казнь, сегодня просто – пулю в затылок".

Представляя себе, быть может, по газетным репортажам, Пушкинские дни в Москве 1937 г. – "Красные ленты алеют на твоей лире, толпы людей восхищенных вокруг", поэт задумывается, а что ждет этих людей, давая пророческий ответ: "Кого-то из них сошлют в Сибирь, как бывало и при его жизни".

Называя Пушкина "певцом свободы", Сейферт осознает, как диссонирует его натура с происходящим вокруг, как неуютен свободолюбивый поэт всяческой власти, и объясняет официальные славословия в его адрес лишь тем, что Пушкина давно нет, и мертвый, он не опасен

Почему не восславить
мертвого человека,
уже сто лет
как тихо спит он под землей.

Свобода! Слово это
сейчас не в моде,
свободу нынче
уже не носят

(подстрочный пер. автора статьи)

Завершается стихотворение начальными строфами о снежинках, падающих на скованные кудри, и звенящих цепях, будто окаймляющих и стихотворение Сейферта.

В стихотворении Я. Сейферта Пушкин, в мифологии которого статуи играли большую роль⁷, сам предстал в виде изваяния. И оно там не ожило, как оживали каменные и чугунные идолы в пушкинских стихах и поэмах, однако помогло чешскому писателю живо воплотить и черты определенной эпохи, и его трелетное отношение к Пушкину.

За годы межвоенного двадцатилетия отстраненное, настороженно-равнодушное отношение представителей чешского авангарда к Пушкину, поначалу олицетворявшему в их глазах старую, отжившую культуру, сменилось отношением глубоко личным, прочувствованным, заинтересованным. Чешские авангардисты заново открывали для себя великого русского поэта, который выдержал испытание всеми политическими и эстетическими катаклизмами XX в. Новые трактовки его творчества, облегчавшие контакты с ним поборников нетрадиционной поэзии, не помешали почувствовать и заново оценить главное в нем. Пушкин начинает жить в чешском художественном

⁷ См. статью Р. Якобсона "Статуя в поэтической мифологии Пушкина" [6. С. 145–180].

сознании как символ, как "певец" свободы, не только социальной, но и духовной, без которой невозможна ни полнокровная жизнь, ни настоящая поэзия. А еще – он становится символом и олицетворением поэзии высочайших эстетических качеств, к которой своими путями стремился и поэтический авангард. В сборнике "Вечный Пушкин" (Прага, 1937), подготовленном Ф. Галасом, Ф. Кубкой и С.С. Александровским (тогдашним послом СССР в Праге), один из его составителей, Ф. Галас, самый сложный, рафинированный поэт чешского авангарда писал: "Пушкин всегда был для меня типом поэта-владыки, властно охватившим все земное и человеческое, а еще небо и пустоту вселенной. Пятый своих антейских стихов он все время опирается на плодоносную землю, иначе им не избежать бы хромоты... Это был сокольник красоты, его стих обрушивался на все, а затем взмывал с добычей в лазурь, не прерывая связи с местами, откуда она была извлечена. Пушкин испытывал прямо-таки физическую потребность в красоте, необыкновенной красоте; но и там, где он нападает, борется, грешит, именно она остается его конечной целью. Он воюет за то, чтобы укрепить свою мощь в ее мире, за то, чтобы она укрепила свою власть над миром. В целом ряде стихов он это с гордостью провозглашает, верит в свою миссию и несет ее в будущее с непоколебимой уверенностью гения. Страстная жажда свободы для себя и для других – вот крылья его бессмертия" [16].

Эти строки не просто дань юбилею. Факты свидетельствовали о том, что памятная дата лишь помогла выразить то глубокое, искреннее отношение к Пушкину, которое формировалось под воздействием как обстоятельств, так и пушкинского гения даже в среде чешского поэтического авангарда 20–30-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Avantgarda známá a neznámá. Praha, 1971. Sv. 1; Praha, 1972. Sv. 2.
2. Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920–30-е годы) // Славяноведение. 1995. № 4; Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–30-е годы) // Славяноведение. 1996. № 5; Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: поэты, прозаики, мемуаристы // Славяноведение. 1998. № 4.
3. Bem A.J. Письма о литературе / Сост. и авторы предисл.: М. Бубеникова и Л. Вахаловска. Прага, 1996.
4. Якобсон Р. О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин, 1923; Jakobson R. Základy českého versě. Praha, 1926.
5. Мукаржовский Я. Структуральная поэтика. М., 1996. С. 85.
6. Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.
7. Иванов Вяч.Вс. Поэтика Романа Якобсона // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 14.
8. Nezval V. Dílo XXV. Praha, 1974.
9. Довлатов С. Заповедник. М., 1998. С. 224–225.
10. Крутикова Н., Булаховська Ю., Волков А. Пушкін і словянські літератури // Словянські літератури. Київ, 1998. С. 100.
11. Nezval V. Dílo XXXI. Praha, 1958. S. 301.
12. Hora J. Poezie a život. Praha, 1959. S. 463.
13. Vybrané spisy A.S. Puškina. Sv. I–IV, ed. A. Bem a R. Jakobson. Praha, 1936–1938.
14. Nezval V. Dílo XXIV. Praha, 1967. S. 61.
15. Pfaff I. Česká levice proti Moskvě. 1936–1937. Praha, 1993. S. 77.
16. Halas F. Imageria. Praha, 1971. S. 356–357.

А.С. ПУШКИН И СЛОВАЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Обозначенная в названии статьи тема достаточно широка. Поэтому мы очень коротко коснемся лишь трех относящихся к ней вопросов: истории словацких переводов из Пушкина, словацкой литературоведческой пушкинианы и творческого освоения наследия русского поэта словацкими писателями.

Первым начал переводить Пушкина словацкий поэт К. Кузмани, опубликовавший в 1838 г. перевод отрывка из "Медного всадника", а в 1839 г. стихотворений "Под вечер осенью ненастной" и "К Морфею". В 1846 г. поэт Я. Краль публикует перевод "Песни о вещем Олеге". Переводы пушкинской прозы появились позже – "Метель" (1864) и "Барышня-крестьянка" (1865). Позже их число неуклонно росло.

Постепенное увеличение числа переводов Пушкина в Словакии в XIX в. шло неравномерно. В период с 1861 по 1875 гг. чаще переводили Хомякова. Исходя из этого некоторые словацкие литературоведы полагают, что тогда Пушкин как бы был "отодвинут на задний план" литературы. С этим трудно согласиться – вряд ли значение и место того или иного поэта в собственно литературной жизни стоит определять по числу переводов: временный повышенный интерес к Хомякову в Словакии имел не столько литературную, сколько идейно-политическую подоплеку. Если же говорить обо всем XIX в., то общее число переводов из Пушкина было несравненно больше – к 1900 г. их насчитывалось свыше 150.

Очень показательны, что Пушкина в Словакии переводили известные писатели, по преимуществу поэты. Так, помимо К. Кузмани и Я. Краля, это были Б. Носак-Незабудов, С. Гурбан Ваянский, С. Бодицкий, Л. Подъяворинская-Ризнерова, П. Орсаг Гвездослав, а позже – Я. Есенский, Я. Поничан, М. Ферко, Я. Смерк, Ю. Ленко, Й. Купец, М. Руфус, Я. Бузасси и др. Каждый из них, тесно соприкасаясь с пушкинскими текстами, находил что-то нужное и полезное для своего творчества. Помимо упомянутых переводчиков, были еще десятки других.

Общее количество переводных публикаций Пушкина в сборниках и словацкой периодике в конце 1987 г. было 257. Кроме них к этому времени вышло 121 книжное издание сочинений Пушкина. Многочисленные переводы свидетельствуют о том, насколько интересен и нужен поэт был на протяжении двух столетий словацким писателям и читателям (подробнее о переводах см.: [1. С. 19–52; 2].

Первым словаком, давшим в 1826 г. краткую информацию о Пушкине, был П.И. Шафарик, сообщивший о нем в своей "Истории славянских языков и литературы...", в частности о "всеобщем одобрении романтических поэм" русского поэта [3]. Я. Коллар в 1837 г. в трактате "О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими" отнес Пушкина к поэтам, "которые павший народ (читай – славян) его объединением поднимают ввысь" [4]. При всем том и Коллару, и Шафа-

рику казалось, что "роскошные плоды" Пушкина недостаточно проникнуты идеями славянской взаимности [5].

Во второй половине XIX в. с публикациями о Пушкине выступали Й.М. Гурбан, Я. Калинчак, Л. Штур. Особое значение имела статья П. Гечко "Славянские поэты" (1873–1874), в которой впервые подробно и обстоятельно говорилось о Пушкине как родоначальнике национального направления в русской литературе. Гечко выделяет в творчестве поэта три периода: первый – до 1825 г., второй – от "Бориса Годунова" до 1830 г. и третий – после 1830 г. В статье названы все основные произведения Пушкина. Не всегда правильно пользуясь литературоведческими терминами, считая, например, "Руслана и Людмилу" и южные поэмы – эпопеями, Гечко в то же время констатирует у Пушкина "поэтическое восприятие действительного мира", согласен с Гоголем, что в Пушкине раскрылись язык, душа и характер народа, отмечает оригинальность его произведений, расценивает стихи поэта как "искусство и совершенство" [6].

В 1880–1890-е годы с рядом статей о Пушкине выступил С. Гурбан Ваянский. Они знакомили словацких читателей с биографией Пушкина, в них приводились суждения о Пушкине иностранцев. А вот мнение самого Ваянского: "У Пушкина все свое, подлинное, самодвижущееся и национальное; он первый ввел русскую жизнь в словесность, и лишь близорукие критики прокричали, что это подражатель Байрона. Правда лишь в том, что такой великий дух, как Байрон, не мог не оставить своего следа в огненной и отзывчивой душе, в душе Пушкина. Однако это не помешало Пушкину быть целиком русским и целиком оригинальным. Гении, независимо от пространства и национальности, связаны узами родственных корней. И хотя каждый из них идет своей собственной дорогой, все же случается, что пути их пересекаются или сближаются. Пушкин провозвестник чисто русских чувств и мыслей; боли его народа – это и его боли, когда его народ радуется, то и ему весело. То, что народ лишь смутно чувствует, он говорит об этом ясно, то, над чем гадают, он разгадывает..." [7].

Особенно ценил Ваянский "Евгения Онегина", о котором с восхищением писал: "Несколько черт, набросанных искусной рукой поэта – и картина готова". И далее: "Онегин – поэма, имеющая родиной Россию, нет культурной страны, где бы ее не знали" [7]. К мировым литературным достижениям относил Ваянский "Кавказского пленника", восторгался описанием природы в нем, одной из самых популярных поэм считал "Братьев разбойников". Кроме поэта мирового значения, кроме поэта национального, чисто русского, Ваянский видел в Пушкине и славянина, подтверждением чему для него были стихотворения "Клеветникам России" и особенно "Песни западных славян".

Одним из горячих читателей, поклонников и пропагандистов Пушкина в Словакии был П.О. Гвездослав (подробнее об этом см.: [8]). В письме к редактору "Словенских поглядов" Й. Шкультеты от 18 сентября 1900 г. он писал о "Русалке" Пушкина: "Я так полюбил ее, что должен был перевести". В другом письме от 12 февраля 1901 г. он сообщает: «Посылаю тебе для "Поглядов" перевод пушкинских "Цыган", которые очаровали меня своей красотой еще тогда, когда я впервые узнал Пушкина по неточным чешским переводам». 12 ноября 1901 г. Гвездослав пишет Шкультеты: «"Борис Годунов" Пушкина не выходит у меня из головы». Несколько лет спустя при посылке редактору "Словенских поглядов" своего давно обещанного перевода "Бориса Годунова" 30 декабря 1908 г. Гвездослав еще раз высказался о нем: «Посылаю тебе "Бориса Годунова", о котором уже писал, правда, еще не целого... Думаю, так будет лучше, чтобы ты уже для первого номера имел от меня что-нибудь под руками, если и не собственное, то еще более прекрасное, ибо переведено из Пушкина» [9].

Говоря о письмах Гвездослава к Й. Шкультеты надо сказать, что последний и сам был большим поклонником Пушкина. Опираясь на русские источники, он посвятил поэту большую статью "Александр С. Пушкин", опубликованную в ряде номеров "Словенских поглядов" за 1899 г., в которой впервые получила свое освещение тема связи словацкой литературы с Пушкиным [10].

Не обошло своим вниманием Пушкина и молодое поколение словацких литераторов, так называемых "гласистов", печатавшихся в журнале "Глас". Его взгляды на Пушкина получили отражение в статье А. Штепанека "А.С. Пушкин" ("Глас." 1899. № 2), в которой проводится социологическое сопоставление "Пана Тадеуша" Мицкевича и пушкинского "Евгения Онегина". Рассматривая Пушкина как выдающегося русского романтика, Штепанек отмечает, что на его творчестве воспитывался А. Сладкович.

Появление работ о Пушкине, как и его переводов, часто было приурочено в Словакии к памятным пушкинским датам – 1887, 1899, 1924 и 1937 гг.; в 1935 г. – их было 8, в 1936 – 12 и в 1937 г. – более 100. Рост числа статей о Пушкине тогда был подготовлен всем предшествующим периодом знакомства словацких читателей с творчеством поэта и интересом к нему. Особенно много для изучения и популяризации Пушкина сделали в юбилейном, 1937, году Р. Бртань, А. Мраз, Я. Есенский и др. Поэт Л. Новомеский в 1937 г. писал: "Надо быть благодарным... пушкинскому году, который... целостно объясняет нам все богатство и прогрессивный дух наследия Пушкина" [11. S. 59]. По-своему отклинулась на годовщину поэта писательница Г. Грегорова: "Пушкин? Как много красоты и поэзии нашла моя молодость в его творчестве, в его таких близких мне образах, исполненных дыханием реальной жизни..." [11. S. 31].

Активное участие в проведении пушкинских дней в Словакии приняли русские эмигранты Дм. Чижевский, Р.О. Якобсон, Е.Ю. Перфецкий, В.А. Погорелов, П.Г. Богатырев, одна из статей которого называлась "Влияние словацкой поэзии на Пушкина". Из нее словацкие читатели впервые узнали, что поэту были знакомы некоторые произведения словацкой словесности и это в какой-то мере повышало их интерес к его наследию.

В годы второй мировой войны в Словакии статьи о Пушкине, как и его переводы, хоть и редко, но появлялись. После войны оживление интереса к пушкинскому наследию придал юбилейный, 1949 год, когда в Словакии появилось 90 статей о поэте. Тому же способствовал и обнаруженный в 40-е годы в Бродзянах архив свояченицы Пушкина А.Н. Фризенгоф-Гончаровой, о котором тогда много писали. В 1979 г. в Бродзянском замке был открыт литературный музей А.С. Пушкина [12].

Позже в Словакии появляется множество работ о Пушкине, в частности, А. Мраза "О малых трагедиях Пушкина", Э. Пановой "Пушкинская проза в Словакии", Р. Бртаня "Есенский и Пушкин" и др. Словацкая пушкинистика обогащается книгами Р. Бртаня "Пушкин в словацкой литературе" (1947), Э. Пановой "Пушкин в словацкой поэзии до 1918 г." (1966), А. Червеняка "А.С. Пушкин. Человек и поэт" (1989) и рядом других изданий.

О том, как воспринимается Пушкин в Словакии во второй половине XX в. позволяют судить высказывания о нем современных словацких поэтов и переводчиков, поклонников и ценителей его творчества.

Поэт М. Руфус: «Личная судьба Пушкина была трагичной, однако в его творчестве так много светлой радости, что поэт человеческой трагедии Александр Блок мог о нем написать: "Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин..." Блок сказал это символически, но точно» (цит. по: [13. S. 173]).

Поэт Ю. Ленко: «Пушкиным я восторгался еще в школьные годы. Вначале это было чтение "Евгения Онегина" в переводе Само Бодицкого, позже – его прозы, а затем и всей поэзии в переводе Янко Есенского. Он захватил меня глубокими чувствами, своей страстностью, патриотическими мыслями, богатством тем и образов, красотой формы. И всегда я чувствовал, что это и наш поэт, что он живет с нами, принадлежит и нам» (цит. по: [13. S. 174]).

Поэт Я. Бузасси: "Мне довелось переводить... двух гениев: Пушкина и Байрона, поэтов в чем-то близких, а в чем-то отдаленных. Перевод их текстов часто побуждал меня думать о славянских романтиках. Они вырастали на разной почве, но составляли единую родственную группу. У каждого из них были свои характерные черты. Пуш-

кин был среди них самым большим магом языка... Он и по сей день учит свою и другие литературы искусству оптимального поэтического выражения, где мысль и язык так уравновешены, находятся в таком взаимном соединении, что не знаешь, чему отдать предпочтение, то ли мудрости текста, толь чарующим звукам" (цит. по: [13. S. 174–175]).

Поэт И. Купец: "Сегодня, спустя сто пятьдесят лет после смерти, Пушкин представляется мне как во многом наш современник. В этом прежде всего его величие, он сказал едва ли не обо всем, что волнует человека атомного века, сказал что-то главное, что-то удивительное и достоверное о себе и о людях, о простом человеке и властных силах над ним, о большой и малой человеческой мечте, о любви и ненависти, о безнадежности и надеждах отдельного человека и целых общественных групп. А что самое главное – он сказал обо всем этом так жизненно заинтересованно и органично, так определенно, так искренне и звонко" (цит. по: [13. S. 173]).

И еще одно высказывание литературоведа А. Червеняка: "Случилось так, что Пушкин в культурно-литературном и общественном отношении глубоко укоренился в Словакии. Как в далеком прошлом, так и в 1937 году он оказался включенным не только в нашу борьбу за национальную культуру и литературу, но и в общественные устремления" (цит. по: 13. S. 170]).

Масштабность публикаций о Пушкине (статей и книг), появившихся в послевоенной Словакии, поразительна. Если за 120 лет – к 1946 г. их было 194, то к 1988-му году, спустя 41 год, их стало 627 [1. S. 59–99]. Объяснить это только политической ситуацией, думается, было бы ошибочным. Без подлинного интереса словаков к Пушкину такой рост работ о нем трудно себе представить.

Знакомство с Пушкиным не могло не сказаться на творческой работе словацких писателей. Примеров тому немало. Так, прочитав в романе К. Кузмани "Ладислав" включенный в него оригинальный текст "Песни о вещем Олеге", К. Браксаторис, опираясь на Пушкина и Карамзина, написал в 1838 г. большую поэму – легенду "Судьба или Олег воевода русский". Еще больше воспринял от Пушкина поэт-романтик А. Сладкович (Браксаторис). Я. Калинчак писал по этому поводу: "Думаю, что гений поэзии его (Сладковича. – Л.К.) не только материально, но и формально пришел к нему через образы Пушкина" [14]. Калинчак имел в виду очевидную связь поэмы Сладковича "Марина" с "Евгением Онегиным". Созвучны Пушкину и другие произведения Сладковича – поэма "Милица", стихотворения "Не стыдите мой народ", "Почему вы нас считаете ничем". Свой поэтический словарь словацкий поэт обогатил взятыми у Пушкина русизмами, некоторые из них ("порыв", "матушка", "жертва", "темница") вошли в словацкий литературный язык.

В разной степени воздействие Пушкина прослеживается в творчестве Л. Штура (поэма "Святойбой"), Я. Грайхмана (поэма "Иван и Людмила"), Я. Краля (философская лирика). "Борис Годунов" Пушкина и "История" Карамзина питали воображение Й. Заборского при написании им цикла трагедий "Лжедмитриады".

Во многом "Евгением Онегиным" инспирирована стихотворная новелла из словацкой жизни С. Ваянского "Душинский". С отзвуками поэзии Пушкина встречается читатель и в ряде других произведений Ваянского, в частности в его стихотворениях из сборника "Татры и море" (1879), уже само название которого напоминает о Пушкине, о его "Земле и море". К числу "пушкинских" в этом сборнике Р. Бртань относит стихотворения "Маяк", "Елена", "Гусляр", "Ворон", "Ратмир", "Подо льдом", "Эпилог" и др. [15]. Так же как у Сладковича, только в большем количестве, в творчестве Ваянского встречаются русизмы и даже целые русские выражения, часть которых он почерпнул из произведений Пушкина.

Интенсивно осваивала в своем творчестве поэзию Пушкина и младшая современница Ваянского Л. Подъяворинская, о чем позволяют говорить ее произведения "На бале", "После бала" и "Прелюдия". В них нашли свое дальнейшее развитие и совершенствование воспринятые в Словакии от Пушкина лироэпические формы поэтического повествования.

Соприкосновения с Пушкиным в своем творчестве не избежал и Гведослав. В его стихотворении "Ах, что-то кипит и бушует в Славянстве" есть строки:

То не прогнившего Рима паденье,
То основание жизни здоровой народа.

Они напоминают пушкинскую характеристику Рима в стихотворении "Лицинию":

О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья, наказания...

Можно с достаточной степенью уверенности полагать, что образ "прогнившего Рима" в стихотворении словацкого поэта ассоциативно-генетически восходит к образу Рима – "края разврата, злодеянья" у Пушкина, хотя функциональное назначение этих образов в контексте и различно. В одной из книг личной библиотеки Гведослава, содержащей стихотворение "Лицинию", пушкинские слова о Риме он подчеркнул.

Одним из почитателей Пушкина в Словакии на рубеже XIX и XX вв. был поэт нового поколения Я. Есенский, который даже подписывал свои ранние стихи псевдонимом – Ленский. Ему русский поэт был особенно близок как воспевавший любовь и жизнь лирик. Явным дыханием пушкинской поэзии отмечены сборник лирики Есенского "Стихи" (1905) и его поэма "Наш герой" (1910–1913). Трудно, казалось бы, предположить какую-то близость к Пушкину поэта-модерниста И. Краско, однако его стихотворение "Баллада" ("Когда рано позвонили, вышли мы в дорогу...") несет в себе отчетливые следы сюжетного родства с пушкинской "Телегой жизни". Таким образом, наследие Пушкина в разных формах способствовало развитию словацкой литературы, особенно поэзии, как в XIX, так и в начале XX в.

Есть и еще один своеобразный вид творческого соприкосновения словацких поэтов с Пушкиным. Это более 15 стихотворений о нем Штура, Сладковича, Коллара, Ваянского, Гведослава, Есенского и др. В стихотворении Штура 1837 г. "Плач над Пушкиным" читаем:

Мало на Ваг долетело к нам с севера Пушкина песен,
Но заронились те песни глубоко в славянские души.
Умер поэт, но жив его дух, и жить будет вечно
Сладостный звон его лютни на вольных просторах славянства.

К десятилетию кончины поэта А. Сладкович написал стихотворение "Духу Пушкина", которое начиналось так:

Певец полуночи, ты брат души моей,
О, гений, нам родной и милый!
Зачем безвременно покинул круг друзей?
Зачем так рано взят могилой?

Поэма Я. Коллара "Дочь Славы" (издание 1852 г.) пополнилась сонетом: "О, Пушкин! восклицаю я в печали, / блеск славы на тебе, язык русский / потерял в тебе творца новой эпохи".

В стихотворении Ваянского "Пушкину" (1899) читаем: "В стихах твоих живет мир чувств и красок, / в них творчества огонь пылает вечный, / как музыка небес звучат слова твои...". На известные риторические вопросы автора стихотворения "Клеветникам России" о будущем славян Гведослав откликнулся в сонете "Пушкин мой" (цикл "Кровавые сонеты", 1914), в котором высказал мысль, что ни само "море", ни "славянские ручьи" не должны высохнуть. Приведу еще несколько строк из стихотворения 1932 г. Я. Есенского "Смерть Пушкина": "Его нельзя убить, он снова возродится, / простреленный сто раз / и казненный сто раз".

Трудно назвать такую европейскую страну, кроме, может быть, Чехии, где бы Пушкина так высоко ценили и любили, как в Словакии, где бы он так органично

вошел в ее литературную жизнь и стал достоянием национальной культуры. Завершим краткое сообщение о восприятии Пушкина в Словакии словами председателя Матицы словацкой писателя В. Минача, который в 1987 г. в связи с пушкинской годовщиной сказал: "Мы горды тем, что новая словацкая литература от самого своего рождения, уже со времен Шафарика, Голого и Коллара, при всех своих трудностях всегда находилась в живых связях с Пушкиным..." (цит. по: [1. С. 7]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Motovčik A.* A.S. Puškin v slovenskej tlači. Partyzanske-Brodzany, 1989.
2. *Panovová E.* Puškin v slovenskej poézii do roku 1918. Bratislava, 1960. S. 24 33, 72–96, 134–184.
3. *Šafarik P.J.* Geschichte der Slavischen Sprache und literatur nach allen Mundarten. Budín, 1826. S. 185.
4. *Kollar J.* Ueber die literarische Wechselseitigkajt... Pešt, 1837. S. 26.
5. *Францев В.А.* Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902. С. 166.
6. *Hečko P.* Slovanskí básníci. Orol, 1874. Č. 3.
7. *Vajanský S.H.* Alexander Sergejevic Puškin // *Narodné noviny*. 1880. С. 69.
8. *Кишкин Л.С.* Гвездослав и русская поэзия // *Slovenská a ruská literatura*. Bratislava, 1973. С. 130–132, 135–137.
9. *Korešpondencia P.O.* Hviezdoslava so Svatozarem Hurbanom Vajanskym a Josefom Škultetym. Bratislava, 1962. S. 156, 160, 172, 266.
10. *Škultéty J.* Alexander S. Puškin // *Slovenské pohľady*. 1899. S. 345–351, 414–417, 547–557, 612–624.
11. *Večny Puškin*. Praha, 1937.
12. *Кишкин Л.С.* Чехословацкие находки. М., 1985. Л. 65–134.
13. *Červeňak A.* A.S. Puškin. Človek a básnik. Martin, 1989.
14. *Sokol*, 1862. Č. 2.
15. *Brtáň R.* Puškin v slovenskej literatúre. Turčiansky Sv. Martin, 1947. S. 60.

© 1999 г. А.С. СТЫКАЛИН

ТВОРЧЕСТВО А.С. ПУШКИНА В КОНТЕКСТЕ ВОСПРИЯТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ В ВЕНГРИИ (XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)

Аладар Шепфлин, один из влиятельных критиков журнала "Nyugat" ("Запад"), вокруг которого в 1910–1930-е годы объединялось едва ли не все наиболее талантливое, что было в венгерской литературе тех десятилетий, признал в 1912 г.: "Если когда-нибудь сложится то, чего еще нет, – венгерская филологическая наука, видящая собственными глазами и мыслящая собственной головой, и способная на нечто большее, чем пережевывать немецкие диссертации, то она наверняка констатирует как самую характерную черту последних сорока лет влияние русских авторов, и особенно Тургенева и Пушкина, на венгерских писателей" [1. № 32. 1986. С. 368]. Это наблюдение, заостряющее проблему влияния русской литературы на венгерскую, будучи в целом справедливым, нуждается все же в некоторых оговорках. И в конце XIX в., и позже (вплоть до начала 1950-х годов) русская литература, в переводах и, тем более, в оригиналах, не могла иметь столь же широкого распространения в Венгрии, как литература на немецком, английском и французском языках, которыми в той или иной степени владела большая часть интеллигенции. "Что касается немецких вещей, то они настолько доступны венгерскому читателю в оригинале, что вряд ли имеет смысл браться за них", – писал известный книгоиздатель И. Кнер тогда молодому, а впоследствии крупному поэту и переводчику Л. Сабо в 1923 г. (цит. по: [2]). Русский язык, напротив, знали единицы, а переводы были выборочными и далеко не всегда совершенными. И все же в главном Шепфлин прав: к началу XX в. русская литературная классика стала столь же неотъемлемой частью духовного мира образованных людей Венгрии, как шедевры итальянского Ренессанса, Шекспир, Гете или немецкая классическая философия.

Начало знакомству венгерской читающей публики с русской литературой было положено еще в конце XVIII в. Видный историк Д. Прай читал в это время труды М.В. Ломоносова, а несколько позже, уже в начале XIX в., реформатор национального литературного языка Ф. Казинци познакомился через немецкие переводы с творчеством Н.М. Карамзина (подробнее см.: [3]). Роль России в наполеоновских войнах, усиление ее веса в европейской политике после победы над Францией, посещение Александром I со свитой Буды и Пешта по пути с Венского конгресса способствовали заметному повышению интереса венгерского читателя к российской тематике, которая после 1815 г. получала все более частое, хотя и довольно отрывочное, бессистемное освещение в венгерской периодике [4]. В 1820-е годы там начинают публиковаться

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

обзорные статьи о современной русской литературе. В одной из них в 1825 г. в ряду других поэтов впервые было упомянуто имя А.С. Пушкина.

В находившейся под властью Габсбургов и подвергавшейся германизации Венгрии в те десятилетия остро стояла задача утверждения в общественной и культурной жизни венгерского языка. Отстаивая право национальной культуры на полноценное развитие, писатели и критики обращались к опыту других народов. Показательно, что едва ли не наиболее часто упоминаемым российским писателем в венгерской прессе тех лет был оппонент юного Пушкина и его друзей по кружку "Арзамас", ревнитель самобытного русского слова адмирал А.С. Шишков. Для того, чтобы при оценке литературного творчества выступили на первый план, как это вполне естественно, сугубо эстетические критерии, венгерский читатель должен был непосредственно познакомиться с художественными произведениями крупнейших русских писателей.

В 1830-е годы связи венгерской и русской литератур вступили в качественно новый этап. Именно в это время на венгерском языке впервые издается проза русских писателей. Вероятно, волею случая, первое произведение русского автора, опубликованное в венгерском переводе, принадлежало перу другого непримиримого пушкинского оппонента – речь идет об отрывке из романа Ф.В. Булгарина "Мазепа", вышедшем в Венгрии в 1834 г. Первая публикация А.С. Пушкина на венгерском языке оказалась уже посмертной (повесть "Выстрел" в 1844 г.). Более серьезное знакомство мадьярского читателя с творчеством поэта пришлось уже на годы, последовавшие за революцией 1848–1849-х годов. В 1855 г. была издана "Пиковая дама", в 1857 г. – "Метель", в 1864 г. – "Капитанская дочка". С выходом на венгерском языке "Бахчисарайского фонтана" (1863) и особенно "Евгения Онегина" (1866) Пушкин, прежде известный в Венгрии лишь своей прозой, был оценен и как поэт. Одновременно перевод "Бориса Годунова" (1866) дает о нем представление как о драматурге. Кстати сказать, свояченица А.С. Пушкина Александра Гончарова жила на землях "венгерской короны", в Словакии, поддерживая связи с деятелями русской культуры, что, впрочем, влияло на восприятие творчества ее великого родственника только лишь молодой словацкой, но отнюдь не венгерской интеллигенцией: культурные контакты России со славянами Венгерского королевства, рассматривавшиеся как проявления панславистского заговора, не столько способствовали, сколько мешали русско-венгерским связям.

Говоря об особенностях восприятия русской культуры в Венгрии, нельзя, конечно, абстрагироваться от образа царской России в венгерском национальном сознании. На ее репутации отрицательно сказалось подавление польского восстания 1831 г. (венгерское общественное мнение всецело поддерживало в этом конфликте поляков, что находило отражение и в периодике). А в 1849 г. венграм пришлось испытать действия "жандарма Европы" на себе. Однако антипатия к царской России питалась даже не столько ролью, которую сыграла армия фельдмаршала И.Ф. Паскевича в разгроме национально-освободительного движения венгерского народа против Габсбургов, сколько страхом перед панславизмом. Образованные слои венгерского общества с неизменным беспокойством следили за национальными движениями славян дунайской монархии, видя в них угрозу собственным интересам, а после заключения в 1867 г. соглашения с Венной – юридически закрепленному статусу Венгрии в системе австро-венгерского дуализма. При этом за всеми подлинными и мнимыми проявлениями славянской общности неизменно чудилась фигура русского царя. Угроза панславизма нередко преувеличивалась в Венгрии. Хотя отношения двух соседних держав никогда не были равными, царизм ни в эпоху Николая I, ни в годы правления Александра II отнюдь не склонен был поощрять радикальные славянские движения в Австрии, боясь тем самым нанести смертельную обиду венскому двору. Связи России со славянами монархии Габсбургов, хотя и довольно интенсивные, относились по преимуществу к сфере культуры. И все-таки для страха перед Россией были реальные основания, что подтвердила интервенция 1849 г., усугубившая антипатию широких кругов венгер-

ского общества не только к николаевскому политическому режиму, подавившему одну из великих европейских революций XIX в., но и к России в целом.

Сильные антиросийские настроения в постреволюционной Венгрии все же не перечеркнули усилий переводчиков, занимавшихся популяризацией русской литературы, которая во второй половине XIX в. стала привлекать к себе все большее внимание европейского читателя. Как и в некоторых других странах, в Венгрии количество публикаций произведений русских авторов в 1850–1860-е годы заметно выросло в сравнении с первой половиной века. В качестве языка-посредника, как правило, выступал немецкий (известны также единичные случаи сербского посредничества). Выполненные известным мюнхенским филологом и поэтом Ф. Боденштедтом переводы произведений русских авторов на немецкий язык получали распространение и в Венгрии, вдохновляя венгерских литераторов на новые переложения. "Мы должны радоваться тому, что наши переводчики стали интересоваться русской литературой. Десять лет тому назад венгерская литература не знала ничего о русской, а ведь эта литература имеет превосходных поэтов", – заметил в 1862 г. виднейший венгерский критик тех лет П. Дюлаи (цит. по обзору венгерских журналов конца 1940-х годов, подготовленному во Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей (ВОКС): [5. Оп. 17. Д. 127. Л. 6]). Первым в ряду других Дюлаи назвал Пушкина. В условиях так называемого "баховского абсолютизма" 1850-х годов, когда резко усилились германизаторские тенденции, великий русский поэт становится союзником венгерских литераторов в деле отстаивания ими своего национального достоинства. "Между нашей и русской литературой, несмотря на различие условий очень много сходства. Там тоже, как и у нас, поэзия стала более национальной всего лишь несколько десятилетий назад, причем народно-национальный элемент пробился у них при аналогичных условиях: русский поэт так же борется с французской образованностью высших кругов, как наши образованнейшие люди с онемечиванием. Недовольство общественно-политическим положением так же можно ощутить у русского поэта, как и у венгерского, только в русском поэте больше меланхоличности и желчного юмора", – так, читая в 1862 г. Пушкина, воспринимал Дюлаи общность двух литератур [6].

Доминировавшее в венгерской эстетике и литературной жизни на протяжении всей второй половины XIX в. "народно-национальное" направление во главе с П. Дюлаи, отстаивая свою концепцию, исходившую из приоритетности фольклорного начала, интерпретированного в духе довольно близком "официальной народности" С.С. Уварова, нередко обращалось к опыту русской литературы, преломлявшемуся сквозь призму собственных эстетических установок этой школы. Теория и художественная практика народно-национального направления утверждала опирающийся на пуританскую мораль, мягкий, заземленный, идиллический, с облагораживающей бытописательностью, реализм, который противопоставлялся как "индивидуалистическому" романтизму с его пугающей безмерностью страстей, так и не менее пугающему беспощадностью социального анализа реализму Бальзака, не говоря уже о более позднем, пронизанном физиологизмом и биологическим детерминизмом позитивистской окраски, "безыдейном" и "безнравственным", по их мнению, натуралистическом реализме Флобера, и тем более Золя. Характерно, что из опыта русской литературы черпались идейно близкие образцы. Так, "Старосветские помещики" Н.В. Гоголя оказали определенное влияние на венгерскую литературу 1850–1860-х годов, выполненную по "рецептам" народно-национальной эстетики. Ознакомившись уже позже, в конце 1870–1880-е годы, с творчеством Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, П. Дюлаи не мог принять, по его собственному признанию, анархических тенденций у первого и склонности к патологии – у второго [6].

Сходные эстетические принципы предопределяли и интерпретацию народно-национальной школой пушкинского реализма – выполненный тяготевшим к этой школе поэтом К. Берци и опубликованный в 1866 г. перевод "Евгения Онегина" смягчал социально-критические начала романа А.С. Пушкина. Блистательный стихотворный перевод Берци был сделан с оригинала: будучи уроженцем Словакии и зная с

детства словацкий язык, поэт занялся изучением русского и добился неплохих успехов. Перевод К. Берци выдержал более двух десятков изданий, вызвал множество подражаний разного уровня и оказал сильное воздействие на формирование в венгерской поэзии жанра романа в стихах. По справедливому замечанию исследователя Л. Имре, возникший под непосредственным влиянием А.С. Пушкина «венгерский стихотворный роман не просто пытался восполнить недостаток реалистического романа, он являл собой новый жанр в противовес как затасканным шаблонам приключенческого романтизма, так и казавшемуся плоским, "материалистическим" французскому роману» [7. С. 176]. Таким образом, органично вписавшись в контекст литературного процесса 1860-х годов, перевод Берци сыграл немалую роль в преодолении избитых романтических клише, утверждении реалистического метода в венгерской литературе.

В несколько сентиментальной трактовке Берци "Евгений Онегин" стал романом "утраченных надежд", но отнюдь не "энциклопедией русской жизни". Отлично владевший русским языком талантливый переводчик был слишком далек от российских общественных реалий 1820–1830-х годов, чтобы каждый раз тонко улавливать подтексты пушкинского поэтического повествования, особенно там, где дело касалось иронических намеков на конкретные обстоятельства и лица. И все-таки Берци сумел выделить в романе и донести до венгерской публики то, что в наибольшей мере соответствовало ее тогдашним духовным устремлениям. Хорошо переданный переводчиком скептицизм главного героя оказался созвучным умонастроениям значительной части венгерского общества в канун и в момент заключения соглашения с Габсбургами в 1867 г., когда многим людям, жившим идеалами 1848 г., пришлось во имя спокойствия в общем доме с горечью отказаться от всякой мысли о борьбе за независимую Венгрию. Отчаяние в этом заключался секрет популярности в Венгрии "Евгения Онегина", вдохновившего, кстати, Ференца Листа на ряд музыкальных этюдов. И через несколько десятилетий после первого венгерского издания пушкинским романом продолжали зачитываться уже новые поколения. Поэт начала XX в. Э. Ади вспоминал, как еще "зеленым юнцом... глотал Пушкина" (цит. по: [8.С. 124]). Что же касается "односторонностей" в трактовке "Евгения Онегина" поэтом К. Берци, то они были в значительной мере преодолены в последующих, не менее совершенных переводах пушкинского стихотворного романа, выполненных Л. Априли (начало 1950-х годов) и А. Галгоци (1980-е).

Конечно, и в 1860–1870-е годы, не говоря уже о более позднем времени, влияние русской литературы на венгерских писателей отнюдь не ограничивалось творчеством Пушкина. Классик венгерской эпической поэзии Я. Арань увлекался Н.В. Гоголем, впервые перевел на венгерский язык "Шинель". Его сын Л. Арань, тоже видный поэт, испытал большое влияние М.Ю. Лермонтова. Как романтизм "Мцыри", так и глубокий реализм "Героя нашего времени" находились в созвучии с настроениями скепсиса и меланхолии, которые Л. Арань разделял со многими своими современниками, увидевшими в прозаических буднях дуалистической Австро-Венгрии жалкую карикатуру на высокие идеалы свободы и независимости, провозглашенные в 1848 г. Однако для обоих поэтов много значил и Пушкин. Я. Арань, также в это время тяготевший к народно-национальной школе, неоднократно упоминал о нем в своих критических статьях, особенно отмечая народное, фольклорное начало в его творчестве. В одной из статей он призывал читателя не отождествлять творчество великого русского поэта с царскими войсками. Л. Арань перевел на венгерский язык "Каменного гостя".

Естественно, что каждое поколение венгерских читателей искало в русской литературе ответы на вопросы, актуальные для своего времени. В силу этого крупнейшие русские писатели в разное время представляли венгерской читающей публике различными гранями своих дарований. Как справедливо заметил один из исследователей, «в эпоху, требующую национального сплочения, не может вызвать отклика беспощадно разоблачительный пафос "Мертвых душ" или "Ревизора", в Гоголе видели прежде всего автора "Шинели", реалиста, с участливым юмором изображающего беспомощ-

ность маленького человека» [7. С. 175]. В эпоху дуализма все острее давали о себе знать социальные противоречия в венгерском обществе, и потому постановка Национальным театром "Ревизора" в 1874 г. (кстати, намного опередившая по времени первый спектакль по этой пьесе в Германии) нашла немалый зрительский отклик. Новые, поэтические стороны в творчестве Гоголя раскрыли в начале XX в. писатели-символисты. Религиозные искания Гоголя последних лет его жизни также привлекли внимание только читателя рубежа веков, преломившего в своем духовном опыте мир героев Достоевского и Толстого. Внимательные, беспристрастные читатели новейшего времени отмечали победу глубоко понимаемого реалистического начала в творчестве Гоголя над его религиозно-мистическими исканиями. По мнению крупного венгерского писателя первой половины XX в. М. Бабича, реализм "означал способность смотреть прямо в глаза всей пошлости мира, всей безнадежной безотрадности его: смотреть не лирически, а спокойно, бесстрастно, что почти выше сил человеческих. Быть может, не случайно, что первые настоящие реалисты были неудовлетворенными, раздвоенными людьми, например, Гоголь, у которого обратная реакция проявилась в мистицизме и религиозном помешательстве... Писатели, ищущие популярности, не приняли этот аскетизм. Диккенс подслащал свои произведения при помощи сентиментализма... Гоголь же, полупомешанный, отправился в паломничество в Иерусалим, чтобы искупить тот грех, который он совершил в отношении святой Руси, изобразив ее в подлинной действительности" [9. С. 316].

Восприятие Пушкина в Венгрии также заметно менялось с течением времени. На первый план выступал то певец любви, то вольнолюбивый поэт-романтик – последователь Байрона, то отстраненный наблюдатель светской жизни. Причем в условиях, когда в венгерской литературе еще видное место занимал романтизм, даже реалистические в своей основе пушкинские произведения, как "Евгений Онегин", иной раз прочитывались сквозь призму романтического мировосприятия. Выдающийся мастер авантюрно-приключенческого романа М. Йокаи (1825–1904), хорошо известный при жизни русскому читателю, делал акцент на свободолюбии Пушкина. В своей публицистике 1860-х годов он противопоставлял политике царского правительства русскую литературу с присущей ей жаждой свободы. Характерно, что решив попробовать силы в переводе пушкинской поэзии, Йокаи остановил свой выбор на романтической поэме "Цыганы". В отличие от тех, кто считал Пушкина в первую очередь последователем Байрона, он оценивал его как поэта глубоко национального, оригинального.

Интересуясь русской историей, Йокаи написал на российском материале целый ряд произведений [10]. Его новелла "Дерзновенный" посвящена пугачевскому восстанию. Образ Пугачева уже встречался к тому времени в западных литературах (вождь крестьянской войны в России предстал не только авантюристом-разбойником, но иногда романтическим героем-одиночкой). Однако у Йокаи восприятие Пугачева и его бунта было явно навеяно образами "Капитанской дочки". Еще более известен роман Йокаи о декабристах "Свобода под снегом", опубликованный в 1881 г. (не полностью и с цензурными искажениями) в петербургском журнале "Полярная звезда". Этот роман выдержал пять изданий в Англии – больше, чем любое другое произведение Йокаи; дважды выходил в Германии. Довольно слабое знание автором исторического контекста, некритическое отношение к источникам приводило к искажению фактов биографии Пушкина (так, например, согласно Йокаи, Лермонтов был другом Пушкина). Тем не менее роман Йокаи в известной мере способствовал повышению интереса к личности Пушкина в Венгрии.

Активный участник революции 1848 г., Йокаи впоследствии стал сторонником компромисса с Габсбургами. В годы расцвета его дарования (1870-е) венгерская пресса различных политических направлений с обеспокоенностью, а порой и со страхом следила за волной революционного террора в России. Хотя в наиболее радикальных кругах было и сочувствие российским народолюбцам, акция цареубийства в марте 1881 г. напугала и многих венгерских радикалов, отмежевавшихся от подобной тактики. Не-

приятие террористических методов современных революционеров заставляло Йокаи снова и снова обращаться к истокам российской революционной традиции. Интересно, что в соответствии с бытовавшими в венгерском национальном сознании стереотипами восприятия российских радикальных движений декабристы в его романе "Печальные дни" трактовались как носители панславизма, им приписывалось стремление к мировому господству.

Наиболее просвещенному, взыскательному читателю романтические тенденции в творчестве М. Йокаи в 1880–1890-е годы казались уже анахронизмом. В венгерской литературе происходил поворот к реализму, и опыт русской литературы имел огромное значение. По мнению М. Бабича, русская литература выдвинулась как феномен мирового уровня именно под знаком реализма; в сравнении с другими великими литературами мира она была менее обременена традициями классицизма и романтизма, а потому, как считал Бабич, "могла более непредубежденно отдаться строгому наблюдению действительности, неприкрашенному изображению ее, чем другие европейские литературы" [9. С. 316]. При этом мир, изображавшийся в русской литературе, был интересен венгерскому читателю отнюдь не экзотичностью и непохожестью на отечественные реалии. Напротив, обращаясь к творчеству русских писателей, читающая публика улавливала общее в социальном развитии двух стран, переживавших в последней трети XIX – начале XX в., хотя и в несколько разных условиях, болезненный переход к капитализму через мучительную ломку отживших себя, но все еще крепких феодальных структур. Начавшийся в 1870-е годы экономический подъем не принял тех темпов и того размаха, на который рассчитывали многие сторонники прогресса в Венгрии. Отнюдь не каждый обладавший способностями представитель молодого поколения мог найти должное применение своим силам. Так становится актуальной тема "лишнего человека", придавшая новое звучание "Евгению Онегину", которое обошел своим вниманием К. Берци. Примерно в это же время под непосредственным влиянием И.С. Тургенева в венгерской прозе получили распространение базарские типы. Несколько позже, в 1880–1890-е годы вполне злободневно звучала другая тема – разорения "дворянских гнезд" под жестким натиском индустриальной цивилизации. Русская литература опять-таки могла предложить венгерскому читателю замечательные образцы ее художественного решения.

В обеих странах сохранял актуальность крестьянский вопрос. "Бедный мужик, чья свобода еще мизернее свободы нашего венгерского батрака, точно так же боится своего начальника, как наш безземельный крестьянин – исправника... Сходство лежит в самих порядках, в принципах политического и общественного устройства, в уровне экономической жизни обеих стран", – отмечал уже в 1912 г. журнал "Nyugat" [11]. Немало общих черт имело дворянство России и Венгрии. "Он весь, до мельчайшей клеточки своей, мог бы сойти за венгерский роман", – написал М. Бабич об "Обломове" И.А. Гончарова (цит. по: [9. С. 306]). (Впрочем, обращаясь к образу Обломова и характеризуя "обломовщину" как типичную российскую социальную болезнь своего времени, современники Бабича указывали не только на сходство реалий России и Венгрии, но и на существенные различия, предопределившие национальное своеобразие такого типажа, как Обломов. "Нет более глубокого противоречия, чем между венгерской бездеятельностью и бездеятельностью Обломова... Венгерская бездеятельность – трезвая. Она точно знает, что надо бы делать, знает и то, что все это достижимо. Обломов же находится по ту сторону достижимого, его взор направлен на утопическую действительность", – замечал в 1900-е годы юный Д. Лукач [12.]

Как и другие страны, Венгрию не обошла всемирная слава Л.Н. Толстого. Событием литературной жизни стала публикация в 1886 г. перевода "Войны и мира", "величайшего творения эпохи, которое по замыслу автора должно было призвать к смирению высокомерную Европу: нет величия там, где нет простоты, добра и правды" [9. С. 319]. Своим присутствием в современной европейской культуре Толстой определял не столько литературный процесс, сколько развитие общественной мысли в Вен-

грии конца XIX – начала XX в. В этой стране у толстовского учения было немало пылких приверженцев, причем с некоторыми из них писатель состоял в переписке [1. № 24]. Влияние идей Толстого не ограничивалось кругом интеллигенции. Характерно, что философский раздел библиотеки одного из будапештских профсоюзов в начале XX в. почти целиком состоял из книг Л.Н. Толстого и литературы, представляющей его этическое учение [13].

Если Л.Н. Толстой был широко известен в Венгрии еще при жизни, то к произведениям Ф.М. Достоевского слава, как и в других странах, пришла уже после смерти писателя. "Взволнованная, жаждущая искупления Европа жадно впитывала в себя глаголы мессианских романов и у образованнейших читателей Венгрии предвоенных лет не было писателя более популярного, чем Достоевский", – вспоминал впоследствии М. Бабич [9. С. 319]. Показательно свидетельство Эндре Сабо, одного из выдающихся переводчиков русской прозы: «Я могу себе представить, как злился бедняга Ревницкий (поэт, большой поклонник русской литературы. – А.С.), ведь и меня сейчас каждое отрицательное слово (о русской литературе. – А.С.) выводит из себя. Между нами спор дошел до того, что я решил, что все русские произведения, которые я могу найти во французском и немецком переводе, все я их прочту, чтобы посмотреть, прав ли Ревницкий. Но не долго пришлось мне читать. Как только я дошел до "Мертвого дома" Достоевского, я положил книгу, вскочил и сразу же побежал в книжную лавку покупать русскую грамматику, потому что я решил, что эту литературу должен читать в оригинале... И то, что русские писатели произвели на меня невероятное впечатление, об этом я и сейчас... легче всего могу судить по тому, с каким рвением учил я этот чрезвычайно трудный язык, так что через год я уже по-русски писал в Киев графу Игнатьеву» [5. Л. 12]. Едва ли будет преувеличением сказать, что герои романов Достоевского во многом определили образ русских людей в сознании образованной венгерской публики. «Если мы случайно встретились с каким-нибудь русским, то с почтением... ожидали, когда же он наконец растянется на земле в эпилепсии для того, чтобы с пеной у рта задавать глубокомысленные вопросы и делать глубокомысленные заявления», – вспоминал один из современников [5. Л. 12]. (перевод мой. – А.С.).

В последние годы XIX в. в Венгрии получает известность А.П. Чехов. Еще при жизни писателя его произведения выдержали несколько книжных изданий, не говоря о многочисленных газетных и журнальных публикациях. Известность как драматурга пришла к нему позже.

Отгалкиваясь от социального и конкретного, большая русская литература поднималась до осмысления вечных, универсальных тем. Молодой К. Манхейм, уроженец Будапешта, впоследствии классик европейской социологии, писал в начале 1912 г. своему духовному наставнику Д. Лукачу о том, что обращение к Достоевскому дает возможность разрешить занимающие его моральные дилеммы, поскольку его мир "очень схож с нашим со всеми его противоречиями, всей его дисгармонией" [14]. Сам Д. Лукач, остро не принимавший современной ему западной цивилизации, бездуховной, чреватой войнами и несущей в себе угрозу гибели культуры, в поисках альтернативы обратился к современной России, и мир произведений Достоевского многое дал венгерскому мыслителю для ее постижения. С творчеством Ф.М. Достоевского Лукач связывал не только принципиальное обновление жанра романа (наиболее адекватной, по его мнению, формы художественного выражения современной эпохи тотальной греховности), но и попытку художественного воспроизведения другой, более глубокой, чем кантовская, этики, утверждающей моральную ответственность индивида не только за свои собственные поступки, но за все зло, совершаемое на земле. Из оставшейся незавершенной работы о Достоевском выросло одно из главных сочинений молодого Лукача – "Теория романа" (1920) [15].

В десятилетия, когда на первый план выдвигаются произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова, творчество А.С. Пушкина также продолжало вызывать интерес. В некоторой мере этому способствовала и постановка в Будапеште

классических русских опер, написанных по мотивам произведений А.С. Пушкина – "Евгений Онегин" П.И. Чайковского (1902) и "Борис Годунов" М.П. Мусоргского (1912). Э. Ади написал в 1899 г. стихотворение "Пушкин". Поэт-символист, исполненный бунтарских настроений, Ади черпал в поэзии Пушкина вольнолюбивые мотивы, в своей публицистике проводил параллели между А. Пушкиным и Ш. Петефи.

Совсем по-другому воспринимал Пушкина современник Э. Ади видный прозаик начала века – Д. Круди. В "Евгении Онегине" его привлекала "несостоявшаяся судьба хандрящего денди, не находящего покоя и самоутверждения, трагедия которого отчасти объясняется парализующими внешними обстоятельствами, отчасти каким-то неуловимым метафизическим томлением, тоской по недостижимому" [7. С. 178].

К началу XX в. уже сходят со сцены те поколения венгров, которые помнили 1849 год. Но почва для антирусских настроений в венгерском обществе сохранялась. Восторженное ознакомление венгерской публики с русской литературой происходило на фоне все ухудшавшихся отношений двух соседних монархий. Несмотря на помощь, оказанную Николаем I юному Францу Иосифу, сохранившему трон лишь благодаря поддержке русских штыков, уже в 1850-е годы наступило заметное охлаждение в отношениях двух держав. В период Крымской войны Австрия, по словам современника, "удивила весь мир неблагодарностью", заняв по сути дела враждебную России позицию. Спор Австрии и Пруссии за главенствующую роль в процессе объединения немецких земель завершился в 1860-е годы поражением венского двора. Под нажимом Бисмарка Габсбурги были вынуждены уйти из Германии, и в результате этого их экспансионистские притязания стали все более смещаться в сторону Балкан. А здесь устремления Вены сталкивались с интересами Петербурга. Причем враждебная России направленность австро-венгерской внешней политики определялась, в первую очередь, восточной половиной монархии и, в частности, влиятельнейшим венгерским аристократическим лобби (графом Д. Андрашши и его последователями). С боснийским кризисом 1908–1909 гг. Россия и Австро-Венгрия превратились в смертельных врагов, войны между ними едва ли уже возможно было избежать.

Русская революция 1905 г. вызвала в Венгрии огромный, хотя и неоднозначный отклик. Э. Ади сравнил ее с землетрясением. "Великая славянская держава... начинает срывать с себя последние лохмотья старой одежды, чуть не с мясом... На стороне окровавленного, борющегося исполина – будущее", – писал он [8. С. 125]. "Какой великой и счастливой будет эта страна! Разве может быть иным будущее там, где столько примеров благородства, бескорыстия и святой отваги", – такими утопиями жил в те годы не только Ади [16]. Одним из характерных феноменов духовной жизни Венгрии начала XX в. был необычайный успех ранних произведений М. Горького. Герои его рассказов, мятежные натуры, бунтари, восстающие против "обыденщины", мира "мещанских" ценностей, жаждущие полнокровных чувств и вселенского размаха действий, по-нищпеански готовые во имя этого пренебречь любыми нормами морали, но способные также и к самопожертвованию, оказывались очень созвучными духовным исканиям эпохи, настроениям интеллигентов, живших ожиданиями больших социальных перемен, жадно вслушивавшихся в реальность в своем стремлении уловить отдаленные отзвуки грядущих бурь.

Известно, что установление в 1919 г. Венгерской Советской республики поначалу было с воодушевлением встречено многими деятелями культуры. В условиях, когда российский политический опыт выступал в качестве образца, совершенно по-новому воспринималась и роль русской литературы. "В России столетиями шла подготовка этой революции. Каждая книга, написанная в течение прошедших веков рукою русского человека, – своего рода скрытая пропаганда приближающегося нового мира. Вся печаль и тоска, пронизывавшая голоса русских писателей, звучала во имя спасения страдальцы-родины", – писал весной 1919 г. Д. Круди [17]. Левацкие эксцессы, сопутствовавшие социалистическим экспериментам, не могли, однако, не оттолкнуть даже многих из тех, кто вначале приветствовал новую власть. Падение Венгерской Советской республики сопровождалось заметным сдвигом вправо в общественном сознании,

что, впрочем, отнюдь не перечеркнуло интереса к русской литературной классике, раскрывшейся в 1920-е годы новыми своими гранями. Русская литература, не всегда призывавшая к бунту, но часто предостерегавшая от насилия, давала духовную пищу для осмысления истоков и уроков русской революции, которая вошла в ряд epochальных событий, не только переключивших карту Центральной и Восточной Европы, но и многое изменивших в человеческих душах. Крупный писатель Ж. Мориц заметил в 1921 г., что "венгерскую литературу все еще осеняет тень Пушкина" [18]. В тот год, однако, в Венгрии больше читали Ф. Достоевского. Столетие со дня рождения писателя было отмечено большим количеством публикаций.

В 1930-е годы, в условиях наступления фашизма, на первый план в восприятии русской литературной классики опять выходят тираноборческие мотивы. В 1937 г., когда отмечалось 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина прошел ряд юбилейных мероприятий при участии советского полпредства и симпатизировавших СССР писателей [5. Оп. 6. Д. 796. Л. 87]. Журнал "Nyugat" откликнулся статьей одного из ведущих поэтов – Д. Ийеша. М. Бабич на собрании венгерской литературной общности говорил, что образ великого русского поэта "никогда не казался более современным и трагическим, чем в наши дни. Это глубокое, неискоренимое и безнадежное стремление к свободе приобретает особое значение под сенью современных диктатур. Цари больше не правят, но порой и нас, как героя Пушкина, охватывает стремление вырваться отсюда, оставить эту тиранически суровую, губящую человека цивилизацию, бежать в какой-то наивный... мир, где первобытные страсти, кочующие цыганы и дикие горы..." [9. С. 313–314].

Ознакомление венгерской интеллигенции с русской литературной классикой XIX в. – от А.С. Пушкина до А.П. Чехова – обогащало ее представления об одном из уникальных явлений мировой культуры и тем самым расширяло горизонты ее мироведения. Оно было теснейшим образом связано с поисками художниками национального начала, стремлением к более полному раскрытию собственных творческих сил. Весь опыт русской литературы был для венгров свидетельством того, что и культуры, занимавшие прежде периферийное положение, могут, не утратив своей самобытности, выдвинуться на первый план, привлечь к себе пристальное внимание и нисколько заслуженное уважение всего цивилизованного человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Studia Slavica*. Budapest.
2. *Сас Ф.* Немецкоязычные литературы // *Hungaria litterata, europae filia*. Budapest, 1985. S. 59.
3. *Стыкалин А.* Россия и Венгрия в XVIII – начале XX в. Главные вехи в диалоге двух культур // Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. Выпуск 30–31. М., 1996.
4. *Куренная Н., Майер Р.* Русская литература в венгерской периодической печати первой половины XIX в. // *Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII–XIX вв. Типология и взаимодействия*. М., 1990.
5. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 17. Д. 127.
6. *Барта Я.* Янош Арань, его литературный круг и русская литература // *Slavica, Debrecen*, 1969, № 9. С. 105.
7. *Имре Л.* Восприятие русской литературы XIX в. // *Hungaria litterata, europae filia*.
8. *Россианов О.К.* Творчество Эндре Ади (трагедия и романтика). М., 1967.
9. *Гал И.* Бабич, русская революция и классики русской литературы // *Studia Slavica*. № 20. Budapest, 1974.-
10. *Герасимова Г.П.* История России в изображении Мора Йокаи. Канд. дисс. Киев, 1991.
11. *Nyugat*. 1912. № 1. 644–645 old.

12. *Lukács Gy.* Magyar irodalom – magyar kultúra, Budapest, 1970. 134 old.
13. *Aйранетов А.Г.* Рабочая культура на рубеже XIX–XX вв. // Всеобщая история: нерешенные проблемы, новые подходы. Тамбов, 1996. С. 34.
14. *Gluck M.* George Lukács and his generation. 1900–1918. Harvard University Press. Cambridge (Mass). 1985. P. 27.
15. Новое литературное обозрение. 1994. № 9.
16. Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. Вторая половина XIX – начало XX века / Отв. ред. и сост. М.А. Хевеши. М., 1984. С. 176.
17. *Krúdy Gy.* Orosz hangok // Magyarország. 1919, marc. 30.
18. Világirodalom felé. Nyugat, 1921, 1 sz., 72 old.

Памяти Бориса Федоровича Стахеева

© 1999 г. В.В. МОЧАЛОВА

КАТЕГОРИЯ "ЧУЖОГО" В КУЛЬТУРЕ РОМАНТИЗМА (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АДАМА МИЦКЕВИЧА. 1798–1998) *

Исключительная значимость категории "чужого" в идеологии и эстетике польского романтизма становится очевидной уже из программных выступлений представителей этого направления в литературе, резко противопоставлявших себя непосредственным предшественникам (см.: [1]). Высказывания о том, что до Мицкевича в Польше не было поэзии [2], что язык польской поэзии XVIII в. имел "чуждые, французские черты" [3], что литература классицизма являлась плодом "чуждого посева", а недостаток собственных представлений об искусстве обусловил обращение к "чужим понятиям" [4], что подражание чужим образцам заменяло самостоятельность [5], свидетельствовали о стремлении самоидентификации в первую очередь путем противопоставления "своего" – "чужому", об особой актуальности этих категорий в самосознании представителей зарождавшегося романтизма. В свою очередь дихотомия своего / чужого, ее отдельные проекции и следствия, отражающиеся в литературных или паралитературных текстах эпохи романтизма, – один из существенных разделов более широкого исследования категории "чужого" (чужого слова, образа чужака и др.) в славянских культурах.

Российский эпизод в творческой биографии польского романтика (см., например: [6]) предоставляет достаточно обширный материал для исследования темы "чужого" на различных уровнях – биографическом, психологическом, идеологическом, политическом, литературном, и на каждом из этих уровней освещенными окажутся определенные присущие индивидууму или культуре черты – открытость / закрытость, способность к восприятию иного, нового, приходящего извне, к освоению новых смыслов, реакция на непривычный взгляд, отношение к "другому", человеку со стороны, чужому для данного культурного круга, представителю "иного племени".

В романтизме данная дихотомия оказывается соотносительной с другими оппозициями эпохи и ее искусства, среди которых важнейшее место, как представляется, занимает романтическое двоемирие, радикальное противопоставление двух миров – материального, земного, реального, понимаемого как "лежащий во зле", и идеального царства духа, к которому принадлежат религия, философия и искусство. Этот разрыв, принципиальный конфликт между "действительностью" и "идеалом" оказывается тем идейным контекстом, в котором романтики осмысливают исторические, политические, национальные вопросы современности.

Мочалова Виктория Валентиновна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

* Вариант доклада, прочитанного на конференции "Адам Мицкевич – традиции и новаторство" (Варшава, 1998 г.).

Само по себе вхождение в 1820-е годы в петербургскую литературную среду двух молодых людей – 26-летнего А. Мицкевича¹ и 19-летнего Н.В. Гоголя (в 1828 г.), каждый из которых обнаружил свое бесспорное соответствие известной дефиниции гения как человека, приходящего со стороны, но оказывающегося в центре, выразительно характеризует эту среду. И в появлении, и в адаптации в новом кругу двух "пришельцев" заметны черты некоторого параллелизма: оба они имели за собой сходный биографический эпизод – драматически завершившуюся историю тайного студенческого общества, не угодного властям²; оба, претерпевая понятные трудности своего официального положения, встретили в обществе заинтересованный и благожелательный прием; каждый из них, войдя в новое для себя культурное пространство, стал впоследствии знаковым автором "петербургского текста", мифология которого строилась на дихотомии севера/юга, неволи/свободы, неподвижности/порыва и др. (см.: [7]).

С точки зрения некоторых наблюдателей Гоголь входит в петербургский круг удивительно легко, а внимание к нему Пушкина – непонятно: "Пушкин всегда холодно и надменно обращался с людьми, мало ему знакомыми, не аристократического круга и с талантами малоизвестными", – замечает А.И. Дельвиг, – «Гоголь же тогда не напечатал еще своего первого творения "Вечера..." и казался мне ничем более, как учителем в каком-то женском заведении, плохо одетым и ничем на вечерах Плетнева не выказывавшимся. Я и не подозревал тогда в нем великой его гениальности» [8. Т. 2. С. 142].

Воспоминания друга Мицкевича, А. Скальковского, свидетельствуют о трудности вхождения человека со стороны, не отмеченного "вдохновением свыше", в литературную среду Петербурга: "Полевой смотрел на всех, кроме Мицкевича, как Юпитер-громовержец – и никогда не говорил ни со мною, ни с тремя другими нашими виленскими товарищами (...) Пушкин нам, жалким смертным, не только не кланялся, но даже стеснялся нашим обществом. Мицкевич нас утешал...". И лишь способность даже посредником при ознакомлении с текстами Мицкевича внезапно позволила мемуаристу выделиться из неразличимой массы, приблизила его к Пушкину, нетерпеливо ожидавшему от него подстрочных переводов [8. Т. 2. С. 77–78].

В свою очередь, восторженный прием, оказанный Мицкевичу в Петербурге, уважение и интерес к нему в литературной среде отнюдь не удивляли современников. "Вдохновенность свыше" служила безусловным пропуском в этот романтический круг. Здесь ценилась и способность гармоничного соответствия принятому стилю поведения ("Да что мудреного? Он был так мягок, благодушен, так ласково приносивался ко всему, что все были от него в восторге", он "был постоянно любезен и приятен. Какое бесподобное существо! Нам было всегда весело, когда он приезжал" [8. Т. 1. С. 420]), но в не меньшей степени – экзотизм "чужого". Присущее романтическому вкусу тяготение к экзотике обуславливало интерес к литературным новинкам, содержащим элементы загадочного, фантастического. Гоголевские "Вечера на хуторе близ Диканьки" вызвали почти всеобщее восхищение публики, охваченной пристрастием к этнографизму, фольклору, народной демонологии, фантастике³, и "Фарис" Мицкевича, сразу переведенный на русский, заслужил всеобщее одобрение, ибо соответствовал литературной моде, интересу к занимательным сказкам, к сфере чудесного и сверхъестественного [8. Т. 1. С. 420].

¹ Некий символический знак можно видеть в том, что он приезжает в Россию в год смерти Байрона (1824), чье поэтическое влияние было абсолютным, а имя служило паролем романтических дебатов, в том числе на тему о подражании "чужим образцам" и творческой самостоятельности.

² Дело о союзе виленской молодежи (тайное патриотическое общество филоматов – любителей науки, существовавшее в 1817–1823 гг., и филаретов – любителей добродетели, 1820–1823 гг.), в результате которого Мицкевич оказывается арестованным, а затем высланным под надзор в Россию, и "дело о вольнодумстве" в нежинской гимназии (1827), закончившееся увольнением передовых профессоров, в защиту одного из которых (Н.Г. Белоусова) Гоголь давал показания на следствии.

³ У Гоголя сложилось впечатление, которым он делился с матерью, что в Петербурге всех очень занимает все малороссийское.

Сохранившиеся документы совсем иного рода – тайная переписка III Отделения с великим князем Константином Павловичем – свидетельствует о возмущении властей по поводу неподобающе восторженного приема, оказанного политическому изгнаннику Мицкевичу в России (см.: [9])⁴.

Пришеллец со стороны, чужак вызывает интерес, любопытство, с ним связывают определенные надежды, у него ищут одобрения, подтверждения собственной правоты. По свидетельству К. Полевого, Пушкин "вскоре понял Мицкевича и оказывал ему величайшее уважение", причем поэт, "обыкновенно господствовавший в кругу литераторов, был чрезвычайно скромен в присутствии Мицкевича, больше заставлял его говорить, нежели говорил сам, и обращался с своими мнениями к нему, как бы желая его одобрения", в частности, излагая ему замысел "Полтавы". В воспоминаниях о Мицкевиче его русские собеседники подчеркивали существенные в романтической системе ценностей черты: оригинальность суждений о литературных предметах, приверженность возвышенному и прекрасному, игнорирование мелкого. "Однажды кто-то при нем стал указывать на разные слабые стороны нашего Пушкина и обратился к Мицкевичу, как бы ожидая от него подтверждения своего мнения. Мицкевич отвечал: "Pouchkine est le premier poëte de sa nation: c'est là son titre à la gloire"⁵ [8. Т. 2. С. 62].

Иное восприятие, экзотическая тема чрезвычайно значимы для романтического поэта – в отличие от классического: для негативной оценки польскими классиками написанного в России "Конрада Валленрода" (1826–1827) едва ли не решающим обстоятельством является его "чуждость", тот факт, что это не польская, а "литовская" поэма (см.: [11]). Напротив, у Пушкина экзотический Крым часто выступает как бы опосредованно, через тексты Мицкевича (хотя у него есть и опыт непосредственного – и более раннего – знакомства с этим краем), тем более это справедливо по отношению к Литве. В обращении к Мицкевичу стихотворении "В прохладе сладостной фонтанов" (1828) "прозорливый и крылатый" польский поэт (представленный здесь и как певец Литвы – "той чудной стороны, / Где мужи черны и косматы, / А жены гуриям равны") превосходит других "волшебников милых", "владельцев умственных даров" в описаниях, в силе вымысла, в хитрости "сказок и стихов"⁶.

В контексте отношения к чужой традиции пушкинская оценка "Крымских сонетов" (1825), автор которых сопоставлен с великими творцами этого жанра – Данте, Петраркой, Шекспиром, Камюэнсом, Вордсвортом ("Сонет", 1830), резко расходится с оценкой К. Козьяна, упрекавшего Мицкевича в отсутствии здесь национального начала, называвшего этот цикл каким угодно – крымским, турецким, татарским, но не польским.

Особым случаем мгновенного контакта с "чужим" (идея, язык, образ) является весьма высоко стоящая в романтической иерархии форма поэтического творчества – импровизация, как бы преодолевающая разрыв, противоречие между ограничениями, накладываемыми материей (языком), и вдохновением, поэтическим даром. Мицкевич обладал импровизаторскими способностями в высокой степени: "Чуждый ему язык, проза более отрезвляющая, нежели опоясывающая мысль и воображение не могли ни подавить, ни остудить порыва его (...) Жуковский и Пушкин, глубоко потрясенные этим огнедышащим извержением поэзии, были в восторге" [8. Т. 1. С. 134]. Импровизируя на знаменитом вечере у Янушовского (1840), Мицкевич описывает этот непосредственный контакт с "чужим" как боговдохновенный: "Я выступал перед чу-

⁴ Ср. свидетельство Герцена о том, что в 1843 г., спустя полтора десятилетия после отъезда Мицкевича из России, на публичном обеде Хомяков произнес тост "за великого отсутствующего славянского поэта!" Имени (которое не смели произнести) не было нужно: все встали, все подняли бокалы и, стоя в молчании, выпили за здоровье изгнанника" [10. С. 574].

⁵ Пушкин – первый поэт своего народа: это дает ему право на славу.

⁶ Ср. описание Крыма (1830) в "Отрывках из путешествия Онегина": "Воображенью край священный: / С Атридом спорил там Пилад, / Там закололся Митридат, / Там пел Мицкевич вдохновенный / И, посреди прибрежных скал, / Свою Литву воспоминал".

жими (...). Одни говорили: откуда у него эта смелость говорить на чужом языке? (...) Бог вложил слова истины, которые я в силах переводить на все языки" [12]⁷.

Существенным в поэтике романтизма является использование напряжения, возникающего между своим и чужим словом, стихом и прозой, противопоставление которых – одна из основных, динамических оппозиций, строящих культуру эпохи [14. С. 388]. Как Пушкин сопровождает поэтический текст "Бахчисарайского фонтана" (1821–1823) выпиской из "Путешествия по Тавриде" И.М. Муравьева-Апостола (в частности, о легенде, связанной с именем Потоцкой), так и Мицкевич присоединяет к "Крымским сонетам" "объяснения", где используются чужие прозаические тексты, служащие как бы "свидетельством со стороны". Мицкевич не только цитирует здесь то же сочинение Муравьева-Апостола, но и полемизирует с ним относительно правдоподобности легенды о Потоцкой, а также делает ссылку на "Бахчисарайский фонтан" Пушкина, что дополнительно усиливает диалогическое напряжение внутри всего цикла как целого. Примечательно, что Пушкин стремится к еще большему усложнению формы, сочетающей стих и прозу, свое и чужое слово: начиная с 1830 г. издания "Бахчисарайского фонтана" сопровождаются еще одним дополнением – сокращенным текстом "Отрывка из письма к Д." (1824, опубликован в 1825 г.), содержащего описание поездки в Крым в 1820 г., достигая в результате многоголосия в построении текста, при котором стихотворная ткань не равна произведению, а составляет его часть. Это связано, по мнению Ю.М. Лотмана, с органически свойственным Пушкину стремлением допустить возможность "другого" взгляда на жизнь, другого построения текста, тяготением к диалогу [14. С. 386].

Эпоха романтизма, XIX в. вообще отмечены экспансией национальной идеи, а в истории польско-русских отношений она осмыслялась в контексте драматического противостояния двух государств, что не могло не служить общим фоном для восприятия Мицкевичем России и ее роли в истории, а его самого или другого представителя "чуждого польского племени" – в русской среде.

Принадлежность к "чуждому племени" поляков могла отражаться Пушкиным как нечто несущественное, особенно по сравнению с другими (худшими) свойствами объекта, как это имеет место в эпиграмме на Фаддея Булгарина (1830): "Не то беда, что ты поляк: / Костюшко лях, Мицкевич лях! / (...) Беда, что ты Видок Фиглярин".

Чуждость, отсутствие общего языка (в буквальном смысле слова) в понимании Мицкевича могут быть преодолены в случае приверженности одним и тем же ценностям, как свидетельствует его запись в альбом князя А.С. Голицына: "Jeżeli wolność czuć i kochać umiesz, / W naszej rozmowie nie potrzeba słowa. / Ja twe westchnienia, ty me łzy zrozumiesz / I dłoń uściesz – oto polska mowa"⁸.

Историческая конфронтация Польши и России могла проецироваться и на уровень литературной полемики – в этом случае происходила соответствующая идеологизация литературной борьбы, как это имело место, в частности, у В. Одоевского, выступавшего против "Северной пчелы" и "Библиотеки для чтения": "Поляки крепко стояли друг за друга. Вновь появившаяся в недавнее время странная мысль о превосходстве какого-то польского шляхетского просвещения над русским постоянно проводилась уже тогда в разных видах". Попустительство цензуры давало возможность изданиям Ф. Булгарина, Н.И. Греча и О. Сенковского "сколь возможно чернить все русское, и в особенности писателей, не принадлежавших к польской партии. Недаром поляков воспитывали иезуиты". Одоевский пишет о "хвастливой заносчивости поляков, захва-

⁷ Ср. беседу Чарского с импровизатором в "Египетских ночах" (1835): "Как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашей собственностью, как будто вы с нею носились, деляли, развивали ее беспрестанно. Итак, для вас не существует ни труда, ни охлаждения, ни этого беспокойства, которое предшествует вдохновению?... Удивительно, удивительно!.. Импровизатор отвечал: Всякий талант неизъясним (...) никто, кроме самого импровизатора, не может понять эту быстроту впечатлений, эту тесную связь между собственным вдохновением и чуждой внешнею волею – тыцтно я сам захотел бы это изъяснить" (выделено мною. – В.М.) [13. Т. VI. С. 251].

⁸ Если ты способен чувствовать и любить свободу, / По нашей беседе не нужны слова. / Я пойму твои вздохи, ты – мои слезы / И руку мне пожмешь – это и есть польский язык (подстрочный перевод мой. – В.М.)

тивших тогда в руки почти все журналы и пользовавшихся особым покровительством, несмотря на всеобщее негодование", о том, что в них проводится "враждебное России польское направление", о целой эпохе "невежественного и вредного польского диктаторства в нашей литературе" [15]. Очевидно, что идейная борьба в русской журналистике того времени представлена здесь в облике национальной конфронтации, и непримиримая вражда "племен" призвана служить истолкованием, как бы исчерпывающим объяснением противоположных позиций публицистов.

Однако более существенным и показательным для романтического дискурса представляется возможность снятия противоречия между "своим" и "чужим", преодоления реального исторического противостояния двух народов ("племен") на другом – в романтическом понимании более высоком, иномирном – уровне: искусства, поэзии, божественного вдохновения.

Выразительным примером здесь служит стихотворение Пушкина "Графу Олизару" (1824). Оно начинается обращением к конкретному лицу, польскому поэту, который, однако, выступает как представитель своего "племени" ("Певец! издревле меж собою / Враждуют наши племена"), что подчеркивается в следующей строфе мгновенной сменой адресата – появлением местоимения множественного числа ("И вы, бывало, пировали / Кремля позор"). Этому "вы" (-враги) противопоставит "мы" ("И мы о камни падших стен / Младенцев Праги избивали, / Когда в кровавый прах топтали / Красу Костюшкиных знамен"), что служит созданию образа конфронтации, непримиримой извечной враждебности двух народов. Она распространяется и на уровень индивидуальных отношений, делает невозможным реализацию чувства любви между мужчиной и женщиной, принадлежащих к враждующим "племенам" ("И тот не наш, кто с девою вашей / Кольцом заветным сопряжен...", "И наша дева молодая, / Привлекши сердце поляка, / Отвергнет, гордостью пылая, / Любовь народного врага")⁹. В последней строфе стихотворения, замыкающей смысловую триаду тело (-племя) – душа (-индивидуум) – дух (-поэзия), враждебность и ненависть, как принадлежащие земному уровню, отступают перед небесным. Земные распри, политические страсти, личная неприязнь не только не достигают "небесных" высот поэзии, но и оказываются чудесным образом преодоленными, благодаря ее преображающему воздействию ("Но глас поэзии чудесной / Сердца враждебные дружит – / Перед улыбкою небесной / Земная ненависть молчит!").

Примечательно, что Пушкин, столь выразительно проводя в этом тексте романтическую тему неслиянности двух миров, избирает в качестве его адресата того самого поэта Густава Олизара, обращаясь к которому в сонете "Аюдаг" (из цикла "Крымских сонетов"), Мицкевич выстраивает предельно значимый в романтизме контраст "натуры и культуры" – природной стихии, человеческих страстей, мощных и грозных, но проходящих и бессильных перед лицом вечного искусства: "...Podobnie na twe serce, o poeto młody! / Namiętność często groźne wzburza niepogody; / Lecz gdy podniesiesz bardon, ona bez twej szkody / Ucieka w zapomnienia pogrzyżać się toni / I nieśmertelne pieśni za sobą uroni, / Z których wieki uplotą ozdobę twych skroni"¹⁰.

Однако снятое на высшем уровне "племенное" противостояние остается у романтиков непримиримым на уровне политической истории, о чем свидетельствуют известные стихотворные выступления Пушкина после подавления польского восстания¹¹.

⁹ Граф Густав Олизар (1798–1864) сватался за Марию Раевскую, но получил отказ.

¹⁰ "Не так ли, юный бард, любовь грозой летучей / Ворвется в грудь твою, закроет небо тучей, / Но лиру ты берешь – и вновь лазурь светла. / Не омрачив твой мир, гроза отбушевала, / И только песни нам останутся от шквала – / Венец бессмертия для твоего чела". (Пер. В. Левика) [16].

¹¹ Посылая А.О. Россет брошюру "На взятие Варшавы" (1831), названную так для демонстрации обращения к традиции Державина, в свое время воспевшего в этой же связи Суворова, Пушкин сопровождает ее характерной стихотворной запиской: "От вас узнал я плен Варшавы... / Вы были вестницею славы / И вдохновеньем для меня". Мицкевич заметит в этой связи в своих парижских лекциях: «Россия триумфально наступала на Польшу, а русская литература продолжала издавать победные кличи. (...) В оде "На взятие Варшавы" ясно звучит амбициозная идея русской империи – противопоставить свою мощь всему миру» [17. Т. II. С. 85.].

Ознакомившись с ними, Чаадаев писал Пушкину: "... никогда еще вы не доставляли мне такого удовольствия. Вот, наконец, вы – национальный поэт; вы угадали, наконец, свое призвание. Не могу выразить вам того удовлетворения, которое вы заставили меня испытать (...) Стихотворение к врагам России в особенности изумительно (...) В нем больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране (...) Не все держится здесь моего взгляда, это вы, верно, и сами подозреваете; но пусть их говорят, а мы пойдем вперед (...) вот, наконец, явился наш Дант..." [18. Т. 2. С. 72–73].

Постоянно следя за ходом восстания, однозначно воспринимаемого им как "мятеж", "бунт", Пушкин в одном из писем (от 21 января 1831 г.) вновь демонстрирует романтическую двойственность, лишь певца выводя за пределы своей враждебности по отношению к его стране: "Из всех поляков меня интересует один Мицкевич. В начале восстания он был в Риме, боюсь, не приехал ли он в Варшаву, чтобы присутствовать при последних судорогах своего отечества" [13. Т. 10. С. 261]¹².

С этих же позиций романтической двумирности Вяземский интерпретирует статью, написанную Мицкевичем после смерти Пушкина, сопровождая ее своим комментарием, где среди прочего прямо говорится: "Какие бы ни были политические мнения и племенные предрасположения, но все же, вероятно, многим будет любопытно и занимательно узнать суждения великого поэта о другом великом поэте" [8. Т. 1. С. 126].

Узнавая о героическом поведении восставших – "польских мятежников", – Пушкин недвусмысленно заявлял, вновь резко разделяя "поэзию" и "правду" (письмо от 1 июня 1831 г.): "Все это хорошо в поэтическом отношении. Но все-таки их надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря; мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей" [13. Т. X. С. 273]. Вскоре после польского восстания Чаадаев написал статью "Несколько слов о польском вопросе", полностью созвучную этим мыслям, выраженным в пушкинских "Клеветникам России" и "Бородинской годовщине" [18. Т. 1. С. 512–515]. Чаадаев называет восстание "безумным предприятием", себя – "беспристрастным и хорошо осведомленным умом", чему, впрочем, противоречит тенденциозность его текста.

Примечательно, что выраженные здесь идеи Чаадаева по сути близки к утопическим мечтам раннего русского западника Афанасия Нащокина, которыми он надеялся прельстить польских послов в 1667 г., призывая их к объединению польских и российских земель под властью московского царя. Пытаясь увлечь польскую сторону своими идеями, Нащокин рисует заманчивые картины будущего совместного благоденствия, будучи убежден, "какой великой славой покрылись бы все славянские народы и какие великие предприятия увенчались бы успехом, если бы племена, населяющие наши государства и почти все говорящие по-славянски от Адриатического до Немецкого моря и до Северного океана, соединились, и какая слава ожидает оба государства в будущем, когда они, стоя во главе славянских народов, соединятся под одной державою" [19].

В разной оркестровке сходные идеи звучат и у славянских представителей эпохи романтизма. Пушкин, в частности, приписывает их Мицкевичу: "Он говорил о временах грядущих, / Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся. / Мы жадно слушали поэта" ("Он между нами жил...", 1834).

Встретившись с Мицкевичем в 1848 г. в Париже, Герцен отмечает некоторую двойственность его оценок: "Несмотря на свою основную мысль о братственном союзе всех славянских народов, – мысль, которую он один из первых стал развивать, в нем оставалось что-то неприязненное к России. Да и как могло быть иначе после всех ужасов, сделанных царем и царскими сатрапами". Вместе с тем от внимания Герцена не ускользнул "странный мистицизм, в который он заступал дальше и дальше" [10. С. 573], и которым, а точнее – влиянием А. Товьянского – некоторые современные

¹² Ср. у Герцена: "Меня, собственно, интересовало одно лицо – Адам Мицкевич" [10. С. 573].

исследователи склонны объяснять перемены в оценке Мицкевичем исторической роли России.

Историософские построения Мицкевича, вызывающие столь разноречивые оценки, продолжающуюся более полутора веков дискуссию и обилие интерпретаций (из новейших работ см.: [17. Т. I. S. 5–28; 20]), эволюционировавшие, по мнению некоторых, в сторону поиска путей объединения "русской" и "польской" идей, представляются не противоречивыми (империя Эла, духовное преображение которой, тем не менее, вписано в провиденциальный план Истории), но соответствующими общей двумирности романтической идеологии.

"Людям посредственного ума, – писал позднейший биограф польского романтика в связи с его пребыванием в России, – чужое служит достаточным основанием для неприязни или ненависти. Мицкевич не только старался понять чужое – он умел его полюбить, ибо ему было присуще глубокое понимание общности человеческих проблем" [21].

Исследование категории "чужого" в контексте идеологии и эстетики романтизма представляется плодотворным также и для более широких культурологических построений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Стахеев Б.Ф.* Романтизм и литературный процесс в Польше (отражение традиций в литературном сознании эпохи) // Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Романтизм. М. 1983. С. 13–52; *Стахеев Б.Ф.* О польском романтизме в сопоставлении с русским романтизмом // Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973. С. 7–26; *Problemy polskiego romantyzmu. Seria pierwsza.* Wrocław etc. 1971; *Seria druga* – 1974; *Seria trzecia* – 1981; *Studia romantyczne / Pod red. M. Żmigrodzkiej.* Wrocław, 1973; *Witkowska A., Przybylski R.* Romantyzm. Warszawa, 1997.
2. *Kraśnińska Z.* Dzieła literackie. Warszawa, 1973. Т. 3. S. 253–254.
3. *Мицкевич А.* Собр. соч. М., 1954. Т. 4. С. 42.
4. *Mochnicki M.* O literaturze polskiej w wieku dziewiętnastym. Kraków, 1923. S. 89, 85.
5. *Polska krytyka literacka (1800–1918). Materiały.* Warszawa, 1959. Т. II. S. 29–30.
6. *Стахеев Б.Ф.* Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М., 1955; Адам Мицкевич: К столетию со дня смерти / Ред. В.В. Витт, Б.Ф. Стахеев. М. 1956; *Stachiejew B.* Mickiewicz i społeczeństwo rosyjskie. Warszawa, 1960; Адам Мицкевич в русской печати. 1825–1955: Библиографические материалы / Сост. Б.М. Богатырь и др. М.; Л., 1957; *Цявловский М.А.* Пушкин и Мицкевич // Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 157–206; *Bazyłow L.* Polacy w Petersburgu. Warszawa, 1985; *Polacy w życiu kulturalnym Rosji / Pod red. R. Łuznego.* Wrocław, 1986; *Przybylski R.* Słowo i milczenie bohatera Polaków. Warszawa, 1993; *Stefanowska Z.* Rosja w Ustępie III części "Dziadów" // W krainie pamiątek. Prace ofiarowane Profesorowi B. Zakrzewskiemu w 80 rocznicę urodzin. Wrocław, 1996. S. 137–148.
7. *Топоров В.Н.* Петербург и "Петербургский текст русской литературы" // *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 259–367; *Вайсконф М.* Сюжет Гоголя. М., 1993. С. 197; *Galster B.* Petersburg w pismach Mickiewicza i Gogola // *Paralele romantyczne. Polsko-rosyjskie powinowactwa literackie.* Warszawa, 1987; *Zielińska M.* Polacy – Rosjanie – Romantyzm. Warszawa, 1998. S. 71–135.
8. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 Т. / Вст. ст. В.Э. Вацуро. Сост. и примеч. В.Э. Вацуро, М.И. Гилельсона, Р.В. Иезуитовой, Я.Л. Левкович. М., 1985.
9. Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение. / Изд. подг. А.И. Рейтблат. М., 1998. С. 255–258, 274, 313.
10. *Герцен А.И.* Былое и думы. М., 1963. Т. I. Ч. 5.
11. *Janion M.* Pośmiertna maska Konrada Wallenroda // *Maski. Transgresje 4.* / Wyb., opr. i red. M. Janion i St. Rosiek. Gdańsk, 1986. Т. II. S. 368–371; *Janion M.* Życie pośmiertne Konrada Wallenroda. Warszawa, 1990.

12. Sądy współczesnych o twórczości Słowackiego / Zebr. i opr. B. Zakrzewski, K. Pecold, A. Ciemnoczółowski. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1963. S. 122–123.
13. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Изд. 4. Л., 1978.
14. Лотман Ю.М. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина (проблема авторских примечаний к тексту) // Лотман Ю.М. Избранные статьи. ТаӀлинн, 1992. Т. II.
15. Одоевский В. О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина // Одоевский В. О литературе и искусстве. М., 1982. С. 53–55 (1836, впервые опубл. лишь в 1864 г.).
16. Адам Мицкевич. Стихотворения и поэмы. / Вст. ст., сост., примеч. Б.Ф. Стахеева. М., 1968. С. 88.
17. Mickiewicz A. Prelekcje paryskie. T. I–II. Wybór. / Red. J. Błóński. Przekł., koment. L. Płoszewski; wyb., wstęp, opr. M. Piwińska.
18. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. / Отв. ред., авт. вступ. ст. З.А. Каменский. М. 1991.
19. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1917. С. 441. (Изд. 3-е).
20. Weintraub W. Poeta i prorok. Rzecz o profetyzmie Mickiewicza. Warszawa, 1982; Walc J. Architekt arki. Chomotów, 1991; Nowak A. Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji. 1831–1849. Warszawa, 1994; Fiećko J. Rosja w prelekcjach paryskich Adama Mickiewicza // Księga Mickiewiczowska. Patronowi uczelni w dwusetną rocznicę urodzin. 1798–1998 / Pod red. Z. Trojanowiczowej i Zb. Przychodniaka. Poznań, 1998. S. 178–204.
21. Jastrun M. Mickiewicz. Warszawa, 1967. S. 158.

© 1999 г. Л.П. ЛАПТЕВА

ЧЕШСКИЙ УЧЕНЫЙ XIX ВЕКА ФРАНТИШЕК ПАЛАЦКИЙ И ЕГО СВЯЗИ С РУССКОЙ НАУКОЙ

В 1998 г. европейская научная общественность широко отметила 200-летие со дня рождения известнейшего чешского ученого и политического деятеля Франтишка Палацкого (1798–1876). В многогранной и продолжительной деятельности Палацкого, прозванного "отцом чешского народа", важное место занимают его контакты с русской общественностью. Для них характерны два аспекта: политический, достаточно хорошо изученный в специальной литературе, и научный, о котором известно значительно меньше. В настоящей статье на основании неопубликованных и частично обнародованных, но уже преданных забвению материалов, речь пойдет преимущественно о связях Палацкого с русскими учеными, прежде всего славистами. Эти связи великого чеха с русской наукой были достаточно интенсивными, проявлялись в различных формах и продолжались в течение всей жизни Палацкого, хотя и не всегда равномерно. В первой половине XIX в. они выражались в личном общении с русскими учеными, публикации переводов его сочинений в русской печати, в откликах на его работы и постепенном признании его авторитета как историка; в последующие же годы наблюдается влияние его концепции чешской истории и активное использование его исторических сочинений в работах русских богемистов.

Первые сведения о трудах Палацкого появились в России в 1825 г. в журнале "Библиографические листы", издававшемся известным русским ученым П.И. Кеппеном в Петербурге. Здесь сообщалось о поэтических опытах молодого Палацкого и его взглядах на поэзию [1].

В 1833 г. читатели журнала "Телескоп" узнали о Палацком как историке. В переведенной с немецкого статье о богемской литературе говорилось, что Палацкий оказал особые услуги литературе, касающейся истории, "своими зрелыми рассуждениями, помещаемыми в периодическом издании богемского Отечественного музеума, и критическим изданием летописцев богемской истории". Здесь же упоминается о создании Палацким краткой истории эстетики и о редактировании им журнала Национального музея [2].

Со второй половины 30-х годов в русских журналах публикуются переводы и изложения работ Палацкого на исторические темы. Так, в 1838 г. появилась на русском языке "Биография И. Добровского" [3]. Еще через год русский славист П.И. Преис подробно изложил в "Журнале Министерства Народного Просвещения" (ЖМНП) сведения о поездке Палацкого в Италию в 1837 г. для отыскания там источников по чешской и моравской истории и перечислил материалы о разысканиях Палацкого, приведенные в приложениях к книге последнего [4]. В том же журнале был опубликован раздел из сочинения Палацкого, характеризовавшего чешскую историографию за время от Козьмы Пражского до начала XIX в. [5].

В выпуске другого русского научного журнала за 1845–1846 гг. появились работы Палацкого "Сравнение законов царя Стефана Душана с древнейшими земскими постановлениями чехов" [6] и "О русском князе Ростиславе, отце чешской королевы Кунгуты, и роде его" [7]. Обе статьи переведены русским славистом О.М. Бодянским с чешского языка. В последующие годы на русском языке увидели свет работы Палацкого "Жизнь Я.А. Коменского" [8] и "Краткий очерк истории чешского народа" [9]. Обе работы переведены с чешского языка киевским славистом Н.П. Задерацким.

Наряду с информацией о выходе в свет работ Палацкого и с переводами его сочинений, в русских журналах можно найти, начиная с 40-х годов, рецензии на его исследования. Наиболее подробным откликом на "Историю Чехии" Палацкого явилась в России статья В.А. Елагина, опубликованная в 1848 г. [10]. Она стала первым ярким проявлением славянофильской концепции чешской истории вообще и гуситского движения в частности. Автор статьи продемонстрировал восторженное отношение к чешскому национальному возрождению и к заслугам Палацкого в этом процессе. В рецензии говорится о колоссальной работе чешского ученого по отысканию и изданию источников, о его влиянии на развитие науки. Однако концепция Палацкого в освещении гуситского движения представлялась Елагину неприемлемой. Задачу своей статьи русский автор видел в том, чтобы обратить внимание исследователей на один важный вопрос, а именно: "До какой степени сильно было в чешском народе сочувствие с нашею восточною верою, и когда окончательно погибло это сочувствие?" [10. С. 6]. Оценивая ответ Палацкого, отрицавшего, как известно, какое-либо влияние восточного православия на гуситское движение, Елагин порицает чешского историка за недоверие к тем писателям XVII в., которые объясняют гуситское движение "непосредственным влиянием греко-славянских мнений на церковные перевороты чешской земли в XV в.". Елагин проводит также мысль о том, что существует неразрывная связь между историей гуситства и историей крещения Моравии свв. Кириллом и Мефодием. Полемизируя с Палацким и обосновывая свою точку зрения, Елагин писал: "Издавна существует мнение, что чешский народ имел всегда самостоятельную церковную жизнь, которая обнаружилась в ярких событиях XV в., что семена этой жизни посеяны св. Мефодием и политы кровью св. Людмилы и св. Вячеслава (двух царственных мучеников чешской земли, искони чтимых всем греко-славянским миром) ... что народная жизнь никогда не переставала бороться с папством – от св. Мефодия до Гуса и Юрия Подебрадского". Указав на это обстоятельство, Елагин далее приводит аргументы против концепции Палацкого. Точка зрения Елагина была тенденциозна и надуманна, однако она оказала влияние как на оценку работ Палацкого другими русскими авторами, так и в целом на освещение гуситского движения в Чехии русской литературой вплоть до 60-х годов [11]. В таком же духе трактуется, например, главный вопрос полемики между Елагиным и Палацким в сочинении Е.П. Новикова "Православие у чехов", вышедшем в том же 1848 г. [12].

О распространении взгляда первых русских гуситологов славянофильского направления свидетельствует и рецензия на статью Елагина, опубликованная в 1849 г. [13]. Правда, автор рецензии прямо не заявляет о своем согласии с тезисом об исконном православии чехов, но подробно его излагает. Более интересным представляется отношение рецензента к научной деятельности Палацкого в целом, свидетельствующее о том высоком уважении, которым пользовался чешский ученый в России, и о понимании значения его главного труда. Автор пишет: «Одним из главных деятелей при возрождении чешской народной литературы был, без сомнения, Франц Палацкий, имя которого с 20-х годов текущего века стало являться под замечательными историческими статьями. В первой молодости сосредоточил он всю деятельность свою на изучении чешской словесности и старины, целую жизнь неутомимо стремился он к одной цели – к восстановлению достоверного чешского бытописания, и его сочинения о древних чешских историках и "История Богемии" показывают, как глубоко и основательно он изучил памятники истории своего отечества» [13. С. 26].

С 50-х годов сведения о трудах Палацкого и рецензии на них появляются и в петербургских научных изданиях. Так, в "Известиях Академии наук" регулярную информацию о славянах стал помещать известный русский славист И.И. Срезневский, член Отделения Русского языка и Словесности Академии наук и редактор его печатного органа. Информирова читателей о выходе в свет второй части первого тома "Истории народа чешского в Чехии и Моравии", Срезневский в 1855 г. писал: "Первая часть первого тома этой образцовой истории чешского народа издана еще в 1848 г. и содержит в себе описание событий чехов и моравян до присоединения Богемии к числу курфюршерств Германских (1126). Часть вторая, вышедшая, наконец, с лишком шесть лет спустя после первой, доводит рассказ событий до смерти Вячеслава I (1253)". "Кому известен труд Палацкого на немецком языке, – продолжает Срезневский, – тот еще не может судить о достоинстве изложения событий в его чешском творении: большая часть исследований здесь переработана и сложилась в новые, более правдивые соображения и образы, а искусство владения родным языком, как не владеет им ни один из чешских писателей, дало рассказу жизнь и красоту, изумляющие не менее умения сочинителя владеть своими изысканиями и не мешать общему впечатлению их подробным объяснением". Далее Срезневский указывает на мелкие недостатки книги, которые видит в том, что часть приложений к ней была напечатана уже ранее [14].

Весьма подробный отклик имеется в русской литературе и на полемику Палацкого с К. Гёфлером. В газете "Санкт-Петербургские ведомости" опубликована в 1868 г. рецензия на брошюру Палацкого "Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. C. Höfner" [15], выдержанная в публицистическом стиле. Рецензия излагает гуситскую теорию Палацкого и обращает внимание на то, как чешский ученый оценивает Гуса и роль народа в гуситском движении. По мнению рецензента, Палацкий считает, что народ в своих требованиях пошел гораздо дальше Гуса. "Кроме религии народ чешский стремился реформировать и самый общественный строй, потому гуситство кроме религиозной истории имело еще несколько других, гораздо более важных для истории прогресса", – передает рецензент суждения Палацкого, и продолжает: "Вот это стремление чешского народа поднять человеческую личность и составляет заслугу его... Чешскому народу принадлежит великая честь, что он первый в Европе отважился высказать римско-католическому обществу всю правду в глаза, напасть на его духовную жизнь, разорвать ту завесу, которая скрывала от мира его испорченность, и побудить мир к исканию лучшего". Далее автор рецензии говорит о том, как Палацкий защищает чешский народ против обвинителей в кошунстве и еретичестве, против нападок Гёфлера". В рецензии констатируется, что в четырех главах своего труда Палацкий обороняет от этих нападок народную сторону истории гуситства, борьбу чехов против преимуществ немецкой народности перед чешской. Оценивая работу чешского ученого, рецензент подчеркивает, что "Палацкий в своей брошюре снова явился тем мощным бойцом за права своего народа, который виден в его книге о чешской истории... Кроме уважения к громадному знанию, которое видно во всей брошюре, она производит еще и иное впечатление: в ней высказывается человек народа, и потому слово его выходит честно и сильно. Это не полемика двух ученых, а духовная борьба двух народностей, борьба двух противоположных начал, борьба правды с кривдою, борьба на жизнь и смерть". Что касается Гёфлера, то рецензент относит его к числу "завзятых врагов чешского народа". Кроме того, он отмечает: "... в XIX главе своей брошюры Палацкий собрал целую массу ошибок и несообразностей, встречающихся в трудах Гёфлера... Каждая такая ошибка, как и каждый довод Гёфлера, весьма ясно доказывают, что он решительно плох как профессор, невыносим как исследователь и не особенно честен как критик". Таким образом, не высказывая своего мнения относительно исторической концепции Палацкого, рецензент "Санкт-Петербургских ведомостей" представил чешского историка в качестве образцового защитника интересов чешской народности.

Приведенные нами материалы о переводах сочинений Палацкого на русский язык,

сообщения и рецензии о них в русской печати, свидетельствуют о признании заслуг чешского ученого на ниве истории и о глубоком его почитании в России. О таком отношении к нему говорит и факт его избрания членом многих российских научных учреждений. В 1864 г. Палацкий был избран почетным членом старейшего в России "Общества Истории и Древностей Российских" (ОИДР), а секретарь Общества проф. Бодянский послал Палацкому четыре книжки "Чтений" Общества (ЧОИДР) и некоторые новые его издания [16]. За год до этого, в 1863 г., Палацкий был избран также членом-корреспондентом Петербургской Академии наук [17. С. 392].

31 ноября 1864 г. председатель созданного незадолго до этого Московского Археологического общества (МАО) граф С.С. Уваров известил чешского ученого, что на заседании 17 ноября того же года он избран действительным членом МАО, и выразил надежду, что Палацкий будет своими трудами содействовать открывающейся деятельности общества [16]. Дальнейшая переписка свидетельствует о том, что МАО в 1865 г. послало Палацкому первый выпуск своих трудов, а в 1868 г. известило его о предстоящем съезде русских археологов [16].

В 1863 г. Палацкий был избран также членом Императорского Российского Географического Общества (ИРГО) в Петербурге. В его архиве сохранились письма, извещающие о высылке отчета ИРГО за 1869 г., отчетов Сибирского отдела ИРГО за 1868 и 1871/72 гг., а также трудов прошедших экспедиций [16].

В 1872 г. Одесское Славянское Благотворительное общество им. свв. Кирилла и Мефодия избрало Палацкого своим почетным членом. Посылая соответствующий диплом, правление Общества высказывало уверенность в том, что "теплое участие" Палацкого "в осуществлении целей и задач... Общества послужит последнему на пользу и преуспеяние", о чем и говорится в приложенном к диплому письме [16].

Особенно активные контакты и дружеские отношения сложились у Палацкого с Петербургским Славянским Благотворительным Комитетом (или Петербургским отделом Славянского Благотворительного Комитета, преобразованным позднее в Санкт-Петербургское Славянское Благотворительное общество). В 1869 г. председателем Комитета был избран известный русский историк-славист А.Ф. Гильфердинг, вскоре издавший сочинение "Гус. Его отношение к православной церкви". Поскольку в 1869 г. отмечался юбилей Гуса (500 лет со дня рождения), Петербургский Комитет постановил объявить конкурс на лучшее сочинение о чешском реформаторе. В связи с этим было решено обратиться к Палацкому и узнать его мнение о намеченном мероприятии. От имени Комитета его председатель 20 июня 1869 г. писал Палацкому: "Санкт-Петербургский отдел Славянского Благотворительного Комитета ввиду предстоящего в сём году 500-летия рождения великого поборника христианской истины, народного святого мученика Иоанна Гуса, положил назначить из своих средств 500 рублей для выдачи в виде премии автору лучшего по усмотрению Вашему сочинения, какое написано будет по поводу сей годовщины на чешском или каком-либо другом славянском языке" [16]. Далее в письме содержится просьба, чтобы Палацкий "сделал распоряжение" об объявлении конкурса на получение премии на условиях, какие он найдет нужными, и затем присудил эту премию лицу, которое Палацкий сочтет заслуживающим ее. В конце письма сообщалось, что 500 рублей высылаются через банк.

Ответ Палацкого на это письмо замечателен в нескольких отношениях. Знаменитый историк не только согласился на предложение Петербургского Комитета, но и изложил свой взгляд на то, как следует подходить к написанию исторических сочинений. Известив председателя Комитета Гильфердинга о получении переведенных денег в австрийской монете, Палацкий пишет: "Вначале я колебался по преклонности моих лет и при недугах моих принять на себя такую обязанность; однако не решился от нее отказаться. Я счел своим долгом оправдать лестное доверие, мне оказанное, и не желал уклониться от дела, которое, содействуя славянской взаимности, вместе с тем должно способствовать успехам чешской исторической науки и может сделаться

украшением нашей литературы". Далее Палацкий извещает, что объявляет упомянутый конкурс и приглашает участвовать в нем всех, кто чувствует в себе "охоту и способность" к этому. О направленности будущего сочинения Палацкий высказывается следующим образом: «Требуется не панегирик Гусу и не брань против него, но основательное и объективно верное изображение его деятельности и судьбы. Книга должна быть написана для образованных читателей вообще, а не только для специалистов, то есть историков или богословов. Она должна избегать, насколько возможно, полемики и "декламации" в каком бы то ни было направлении. Достоинейшей предмета речью следует изобразить Гуса не только как человека и патриота, как ученого и священника, как проповедника и писателя, но и как реформатора своего века. Естественным основанием всему исследованию должно служить надлежащее знакомство с церковью как в ее идее, так и в том искаженном виде, в каком она представлялась в начале XV столетия. Так как деятельность Гуса и все, что было с нею в связи, является лишь одним членом в истории мирового развития и человеческого просвещения, то пусть сочинитель обращает также внимание на его предшественников и последователей на реформаторском пути и укажет его особенное личное значение в их ряду. Было бы также желательно определить отношение стремлений Гуса к возможному в былое время образованию народных церквей на Западе и Востоке Европы» [18. С. 24]. Далее Палацкий говорит об объеме предполагаемой книги и распределении материала в ней, а также условиях подачи рукописей на конкурс [18. С. 25].

Однако конкурс, связанный с подачей сочинений о Гусе на премию, не состоялся, хотя Палацкий, вероятно, приложил для его осуществления немало усилий. В письме к А.Ф. Гильфердингу от 15 февраля 1872 г. чешский историк сообщал, что разослал объявления о конкурсе не только во все периодические издания (газеты и проч.) славянских народов Австрии, но также и в издания Польши и Подкарпатской Руси. Кроме того, как отмечает Палацкий, он лично передал приглашение на конкурс большому числу знакомых ему славянских писателей с просьбой о дальнейшем распространении соответствующих сведений; однако, заключает чешский ученый, "уже минул конец 1871 года, но ни одно сочинение о Гусе на премию, объявленную Славянским Комитетом, не поступило". Говоря далее о полученных от Комитета 500 рублях, которые "выросли в банке до 800 золотых", Палацкий заявляет о готовности выслать их обратно в Петербург, однако выражает желание, чтобы Комитет пожертвовал эту сумму для другой благотворительной цели на пользу Чехии, а именно передал деньги обществу "Сватобор" в Праге, целью которого является поддержка чешских заслуженных литераторов и их семей, а также чествование памяти скончавшихся деятелей культуры [16]. Таким путем практический вождь чешского народа материально помог обществу "Сватобор", президентом которого и был. Ибо благородный Гильфердинг и возглавляемый им Комитет не могли, конечно, отказать в просьбе великому чешскому историку. Что же касается сочинения о Гусе, то два таковых были написаны в России, и оба со славянофильских позиций [19], т.е. они провозглашали Гуса поборником православия – в противоположность оценкам Палацкого, который, впрочем, насколько нам известно, не обратил на это никакого внимания.

О признании заслуг Палацкого в России свидетельствует также избрание его почетным членом ряда русских университетов. С 1863 г. он являлся членом Харьковского университета, в 1864 г. был избран почетным членом Университета св. Владимира в Киеве. В 1867 г. Палацкий посетил Россию во главе чешской делегации на этнографическую выставку. В Петербурге и Москве он был с большим почетом встречен русскими славистами, о нем писали газеты как о крупнейшем славянском историке [20]. Осенью 1867 г. Палацкий по случаю юбилея Карамзина был избран почетным доктором Петербургского университета [21].

Особенно тесные контакты сложились у Палацкого с Киевским университетом. В 1868 г. историко-филологический факультет этого учебного заведения обратился

к Палацкому с просьбой рекомендовать кого-либо из чешских ученых для занятия кафедры классической филологии в Киевском университете¹. В архиве Киевского университета сохранилось несколько писем Палацкого декану названного факультета А.И. Селину [22]. Письма интересны не только тем, что Палацкий указывает в них на достоинства рекомендуемого им кандидата на занятие кафедры (а именно Эдуарда Новотного, профессора классической литературы в Государственной Малостранской гимназии в Праге), но и, главным образом, характеристикой состояния кадров в чешских гуманитарных науках. Рекомендованный Палацким Э. Новотный не имел ученой степени, необходимой для занятия кафедры в одном из русских университетов. И хотя Палацкий говорит о высокой квалификации Э. Новотного и выражает уверенность, что он принесет пользу Киевскому университету и "всему братскому русскому народу", приглашение Э. Новотного в Киевский университет не состоялось, так как в соответствии с Уставом Университетов Российской Империи никто не мог быть избран экстраординарным профессором без соответствующей ученой степени.

Широкая известность в России Палацкого как ученого не могла бы стать реальностью без личных его контактов с русскими славистами. Их начало относится к середине 30-х годов, а в период интенсивных путешествий русских ученых по славянским землям практически каждый из них, пребывая в Праге, стремился встретиться со знаменитым чешским ученым, получить у него консультацию или обменяться мнениями. Раньше других из этих русских ученых познакомился с Палацким профессор русской истории Московского университета М.П. Погодин во время своего пребывания в Праге в 1836 г.

В 1839 г. П.П. Дубровский, славист из Варшавы, известный впоследствии изданием общеславянского журнала "Денница", приглашал Палацкого к участию в нем. "Я предполагаю, – писал Дубровский Палацкому, – издавать в следующем году в Варшаве русский журнал с целью соединить в нем труды славянских ученых и таким образом содействовать той литературной взаимности, о которой писал г. Коляр. Для этого нужно мне сотрудничество наших ученых соплеменников. ... Уверен, что Вы будете снисходительны к моей просьбе и окажете свое содействие при издании моего журнала" [16]. Впрочем, на страницах "Денницы", выходящей в 1842 г. и 1843 г., ни одна статья Палацкого не появилась.

Весьма интересные воспоминания оставил о своих встречах с Палацким в 1840 г. русский ученый П.И. Прейс, командированный за границу с целью подготовки к занятию кафедры истории славянских наречий и литератур в Петербургском университете. Своему другу М.С. Куторге Прейс писал из Праги 29 августа 1840 г.: "Другой ученый, с которым я также ежедневно схожусь, это – Палацкий, глубоко изучивший историю Богемии и пока единственный ее знаток. Он сожалеет, что здесь он ведет об истории Богемии монолог с самим собою: некому передать своих мыслей, нет людей, от которых мог бы услышать *Gegen-Bemerkungen* (полемиические замечания. – Л.Л.). Сверх того, Палацкий отличный знаток искусств. Теперь он печатает древние акты на богемском языке; это совершенно новая материя" [23].

Многие из русских славистов, встречавшихся с Палацким в Праге, поддерживали с ним позднее ученую корреспонденцию, посылали ему свои книги и спрашивали советы по научным вопросам. Так, уже упоминавшийся А.Ф. Гильфердинг еще в ранний период своей научной деятельности послал Палацкому экземпляр своей работы по истории балтийских славян и в письме 1856 г., сожалея о несостоявшейся личной встрече, писал: «Намереваясь трудиться по мере моих сил над историей славянских народов, я желал бы обратиться к Вам, начальнику (т.е. первопроходцу. – Л.Л.) у нас (т.е. славян. – Л.Л.) этой науки с покорною просьбою. Если работы мои встретят Ваше одобрение, то Вы, может быть, в благосклонности своей не откажетесь сообщить мне при случае, что в разработанных Вами материалах относилось бы к истории

¹ Официальные документы об обращении университета к Палацкому нам неизвестны. Факт установлен по содержанию писем.

славян балтийских, или к истории южных славян (болгар, сербов, хорватов). Я не смею просить и не прошу Вас, чтобы Вы сами делали мне такие сообщения; но сын Ваш, который изъявил мне самую дружескую предупредительность (и которому при сём усердно кланяюсь), нашел бы, может быть, на это иногда несколько свободного времени. Мне не нужны выписки, например, из "Monumenta Germaniae" Пертца и тому подобных изданий, но предполагаю, что иногда в самом специальном чешском источнике (я говорю "чешском" не по письму, но по содержанию) можно найти какое-нибудь упоминание о славянских народах, историю которых я занимаюсь. Всех источников славянской истории осилить одному человеку нет возможности. Вот почему, в надежде на Вашу доброту, и осмелился я выразить Вам эту просьбу» [16].

Большое уважение к Палацкому как ученому испытывал и другой известнейший русский славист, тоже славянофильской ориентации, В.И. Ламанский. В 1859 г. он послал Палацкому свою книгу [24] и в приложенном к ней письме просил "великодушно извинить" ему "ту смелость, с которою... решился, не спросив предварительно разрешения", посвятить Палацкому "свой первый научный труд". Далее Ламанский излагает в письме свою славянофильскую точку зрения на развитие истории славян, видимо, предполагая найти в чешском ученом единомышленника. Как известно, впоследствии между Ламанским и Палацким выявились серьезные разногласия, особенно в подходе к современному им положению славян, но на раннем этапе своей научной деятельности Ламанский обращается к Палацкому как к непререкаемому авторитету в изучении славянской истории. Он пишет: "Принадлежа к поколению, только что выступающему на поприще деятельности гражданской и литературной, и, по основным убеждениям приверженец славянофильства, я с великим удовольствием и радостью решился посвятить свой слабый опыт Вам, многоуважаемый современник, в знак того единства стремлений, которое проникает в настоящее время и восточных, и западных славян. Ваша достопочтенная деятельность, милостивый государь, всегда будет лучшим моим образцом. В постоянной памяти о ней я буду почитать для себя и наставительные уроки, и новые, свежие силы. Если бы мне позволено было выразить Вам, милостивый государь, одно из страстных моих желаний, то я бы стал утруждать Вас покорнейшей просьбой – в час досуга написать мне несколько строк и преподать несколько советов и наставлений для успешного хода моих занятий русскою и славянскою историею, для направления моих сил на разработку таких задач и вопросов, которые в особенности стоят теперь на очереди, и то или другое решение которых должно преимущественно и прежде всего принести пользу нашему миру славянскому в современном положении". Заключает Ламанский свое письмо выражением "обретения полного счастья", если Палацкий решит согласиться на его просьбу, по исполнению которой "почтет себя счастливым, как от знака доброго расположения великого чеха к одному из слабейших даже представителей молодого поколения русских" [16].

Палацкий ответил на это льстивое, выраженное в восторженном тоне послание дружелюбно, но довольно сухо. Он приветствовал занятия Ламанского славянством, приглашал посетить Прагу, но от обсуждения взглядов молодого русского ученого на развитие славянства уклонился, ограничившись возражениями против некоторых утверждений Ламанского и Костомарова, касающихся славянских сюжетов [17. С. 28–30]. В целом же письмо молодого Ламанского является ярким свидетельством преклонения представителей развивающегося русского славяноведения перед чешским корифеем независимо от различий в политических и общественных взглядах.

Жизнь вносила коррективы в научные веяния, менялись и политические ориентации как Палацкого, так и русских славистов. Подчас это приводило к охлаждению в личных отношениях, но уважение к Палацкому как ученому и признание его великих заслуг в области изучения славянской истории оставались у русских ученых неизменными. Это выразилось в частности и в тех мероприятиях, которые проводились в русских научных учреждениях в связи с 50-летием Чешского музея. 1 июня 1868 г. знаменитый к этому времени русский славист И.И. Срезневский, связанный с Па-

лацким многолетним знакомством и ученой корреспонденцией², прочитал в Малом конференцзале Петербургской Академии наук "Записку" о значении Чешского музея и персонально Палацко в успехах новой чешской литературы. Он же составил поздравительные адреса Чешскому музею и Палацкому от Петербургского университета. По предложению Срезневского Общим собранием Академии был принят и адрес: "Францу Палацкому, историографу Чешского королевства, прославившемуся своими трудами по истории народа чешского и всего племени славянского, и тем способствовавшему пробуждению народного духа, – Императорская Академия наук в день полувекового юбилея от появления первого его исследования приносит сочувственное поздравление со столь славно пройденным поприщем, желая, чтобы он еще долго действовал трудами и примером на пользу науки, исторической истины и славянского мира" [17. С. 64].

Новое поколение русских славистов, вступавшее на научную арену в 70-х годах, тоже имело отчетливые представления о Палацком и его творчестве. Но оно застало чешского корифея уже увядающим физически и духовно. Так, славист А.С. Будилович, посетивший Прагу в 1873 г., писал Ламанскому: "В Праге очень заметно ослабление деятельности ученой в сравнении с прежним временем. Писатели старшие как будто ослабели и не столь уж производительны. Палацкий едва ли производит уже что-нибудь важное и оригинальное. Продолжает издание Архива [25] (1-й выпуск IV тома – больше не вышло). Ни о какой новой работе он уже не говорит; библиотеку свою постепенно передает в Музей. Старость начинает заявлять свои права" [17. С. 68].

Изложенный материал показывает, что русские ученые, особенно историки-слависты, считали Палацкоглавой славянских историков не только потому, что он был родоначальником научного исследования прошлого Чехии, но и ввиду того, что почти до конца своей жизни он не был превзойден в разработке реалий ряда периодов славянской истории. Российские современники Палацко, исследовавшие соответствующие проблемы, исходили в большей или меньшей мере из его концепции. Правда, все славянофильское направление русской историографии не принимало оценку Палацким гуситского движения, т.е. его причин, характера деятельности отдельных личностей и т.д. Но взгляды представителей этого направления на процесс исторического развития славянства в целом имели много общего с точкой зрения Палацко. Идеализация славян древности, романтическое отношение к славянству присущи как Палацкому, так и русским историкам, особенно тем, кто занимался прошлым Чехии. Поэтому влияние трудов Палацко на русское славяноведение было огромно. Историки-славянофилы, критикуя Палацко за непризнание им гуситского движения стремлением к восстановлению в Чехии православного вероисповедания, да и за отрицание существования последнего у древних чехов вообще, заимствовали тем не менее у него характеристику католической церкви и весь фактический материал по чешской истории. В качестве примера можно указать на работу А. Лебедева "О религиозном положении Чехии" (1869) [26]. Эту небольшую статью автор составил из высказываний Палацко в сочинении "Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. Höfler", касающихся положения католической церкви в Европе и в Чехии в средние века. Оценивая эти высказывания чешского историка, Лебедев замечает, что «было бы, конечно, слишком смело видеть в отзыве Палацко выражение сочувствия православию (хотя в его "Истории" и заключается довольно указаний на православный характер религиозных явлений в Чехии в древние времена), но односторонность и неудовлетворительность как католичества, так и протестантства для Чехии указаны во всей силе» [26. С. 256].

Другой представитель славянофильской концепции истории зарубежных славян, неоднократно упоминавшийся выше В.И. Ламанский, в своих «Исторических заме-

² Переписка, правда, не была особенно активной. Нам известны одно письмо Срезневского Палацкому и два письма Палацко русскому ученому; но, конечно, не исключено, что писем было больше.

чаниях к сочинению "О славянах в Малой Азии, Африке и в Испании"» [27] констатирует, что разделы VI, VII и VIII этих "Замечаний" написаны по сочинениям Палацкого. Автор использует текстуальные заимствования из "Истории Чехии" Палацкого при характеристике Иеронима Пражского, его деятельности и сведений о его аресте в Констанце (С. 123–131), при освещении гуситского движения (С. 140–153), биографии и деяний Яна Жижки (С. 132–139), а также при описании других событий, постоянно ссылаясь на указанный труд чешского историка.

В 60-е годы славянофильская концепция истории зарубежных славян вообще и гуситского движения в частности стала подвергаться критике в русской литературе. Одним из наиболее решительных критиков славянофильской точки зрения был П.А. Ровинский. Он отверг теорию о православии гусизма и его исключительно религиозном характере, признав важное значение национальных и социальных мотивов.

Свою работу "Главные моменты в истории чешского народа" [28], как указано самим автором во введении, Ровинский составил "на основании главнейших трудов по чешской истории – Палацкого, Томека, Гинделы, – вместе с собственным изучением, иногда побуждавшим... отклоняться от авторитетов" [28. № 1. С. 117]. Работы Палацкого использованы в труде Ровинского в самом широком объеме; совершенно очевидно и сходство взглядов Палацкого и русского историка по многим вопросам, как и неприятие славянофильской точки зрения.

Мы привели лишь отдельные примеры влияния сочинений Палацкого на русских историков-богемистов. Практически же все русские исследователи прошлого Чехии, независимо от направления, пользовались сведениями, содержащимися в его работах, как одним из главных источников. Положение стало меняться лишь тогда, когда русские историки сами начали обращаться к архивным материалам и другим источникам и осваивать критический метод их исследования. С наступлением в русской науке эпохи позитивизма изменилась и оценка творчества Палацкого. Наиболее объективная и зрелая его характеристика содержится, на наш взгляд, в неопубликованной статье Н.В. Ястребова, написанной, вероятно, к столетию со дня рождения Палацкого [29]. Знаменитый русский исследователь гуситской идеологии (о нем имеется наша статья [30]) оценивает значение деятельности Палацкого, сравнивая состояние чешской историографии до выступления его на научное поприще и в период наступившего после его смерти кризиса старой исторической школы. "Говорить о каких-либо историографических и историософических теориях в чешской историографии до Палацкого не приходится, – пишет Ястребов. – Принимаясь за историческую работу при таких условиях, Палацкий сам должен был проделать все эти виды и ступени исторического изучения. Везде он сделал громадные приобретения, сделал то, что в другой стране делается целыми поколениями и группами работников" [29].

Подробно осветив работу Палацкого по сбору материалов, изданию источников, вспомогательным историческим дисциплинам и т.д., Ястребов "делом жизни" Палацкого называет его "Dějiny". Изложив концепцию и основу содержания этого труда, русский историк отмечает, что первый его том ("Чехия при Пржемысловцах") уже устарел и по материалу, и по идеям ("ввиду наличия славянской идиллии"). Значительную идеализацию Подебрада находит Ястребов в IV томе того же произведения. Однако, по замечанию Ястребова, «до сих пор "История" Палацкого не заменена в Чехии чем-нибудь другим; при устарелости ее первой части, она импонирует своим целостным характером. Критика основной идеи "Истории" не представила от себя ничего ее заменяющего». «Основные мысли "Истории" Палацкого, – продолжает Ястребов, – имеют конституирующее значение и для общей истории славянства; к сожалению, идея о борьбе или культурном взаимодействии миров германского и славянского не получила достаточного расширения: Палацкий не поставил чешскую историю в связь с польской и русской... Общее значение для славянской истории имеет и историко-сравнительный метод, рекомендуемый Палацким для изучения этой истории», – так завершает свою оценку Н.В. Ястребов.

Статьей Ястребова как бы подводится итог в развитии отношений русского славяноведения к Палацкому как ученому. Вместе с тем, она включает высказывания о Палацком в России XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиографические листы. СПб., 1825. С. 4, 5, 380, 481.
2. Телескоп. 1833. Ч. XV. № 10. С. 259–260.
3. *Палацкий Ф.* Биография Иосифа Добровского. М., 1838 (перевод работы: Palacký F. Josef Dobrovsky's Leben und gelehrtes Wirken. Prag, 1833).
4. *П[ре́йс] П.* Книги, изданные на немецком языке по славянской истории и древностям // ЖМНП. СПб., 1839. Ч. XXIII. Отд. IV. С. 219–236 (о кн.: Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837 zur Aufsuchung von Quellen der böhmischen und mährischen Geschichte. Von Franz Palacky. Prag, 1838).
5. *Палацкий Ф.* Об исторических разысканиях и историографии в Богемии // ЖМНП. СПб., 1840. Ч. XXV. Отд. II. С. 108–124. Пер. с немецкого И. Постникова из кн.: Würdigung der alten böhmischen Geschichts-schreibung. Von Franz Palacky.
6. Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских (ЧОИДР). Год I: 1845–1846. Кн. II. Отд. III. С. 3–32.
7. ЧОИДР. Год I: 1845–1846. Кн. III. Отд. III. С. 1–16.
8. Труды Киевской Духовной Академии. 1869. Январь. С. 98–119; Февраль. С. 211–234.
9. *Палацкий Ф.* Краткий очерк истории чешского народа. Киев, 1872.
10. *Елагин В.А.* Об "Истории Чехии" Франца Палацкого // ЧОИДР. 1848. № 7. С. 1–46 (также отд. оттиск – М., 1848).
11. *Лантева Л.П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1978.
12. *Новиков Е.П.* Православие у чехов // ЧОИДР. 1848. № 9. (также отд. оттиск – М., 1848).
13. *Лакиер А.* Об истории Чехии Франца Палацкого, соч. г. Елагина // ЖМНП. 1849. Ч. LXIII. № 7. Отд. VI. С. 26–28.
14. [*Срезневский И.И.* Рец. на кн.:] Dějiny národu českého w Čechách i w Morawě, dle půwodnich pramenům wuprowuje František Palacký. Dílu 1. částka 2. W Praze, 1854 // Известия Отделения Русского языка и Словесности Петербургской Академии наук. СПб., 1855. Т. 4. С. 379–380.
15. *В.М.* (Рец. на кн.:) Die Geschichte des Hissenthums und Prof. G. Höfler. Kritische Studien. Von F. Palacky // Санкт-Петербургские ведомости. 1868. № 181.
16. Literární archiv Památníku národního písmenictví (LAPNP). Pozůstalost F. Palackého. Korespondence.
17. Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.; Л., 1948.
18. Письмо Ф. Палацкого в Санкт-Петербургский Славянский Благотворительный Комитет от 24 августа 1869 г. // ЖМНП. 1870. Ч. CLI. № 10 (в тексте Отчета о деятельности Санкт-Петербургского отдела Славянского Благотворительного Комитета).
19. *Бильбасов В.А.* Чех Ян Гус из Гусинца. СПб., 1869; *Гильфердинг А.Ф.* Гус. Его отношение к православной церкви // Заря. СПб., 1870. № 10 (также отд. оттиск – СПб., 1871).
20. [*Попов Н.А.*] Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867; *Лантева Л.П.* Славянский съезд 1867 г. и участие в нем чешской делегации // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 74–84.
21. *Досталь М.Ю.* Чешские связи И.И. Срезневского в 60-е годы XIX в. // Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. С. 184.
22. Киевский Государственный Городской Архив. Ф. 16. Оп. 307. Д. 237. Л. 30–31, 55 и 55 об., 56 и 56 об. (из протоколов заседаний Университета св. Владимира; переписка с чешскими учеными).
23. Письма П.И. Прейса М.С. Куторге, И.И. Срезневскому, П.О. Шафарыку, Курташу и др. (1836–1846). СПб., 1892. С. 36.
24. *Ламанский В.И.* О славянах в Малой Азии, Африке и в Испании. СПб., 1859.

25. Archiv Český čili staré písemné památky české i moravské. D. I–VI. Praha, 1840–1872.
26. Лебедев А. Несколько слов о религиозном положении Чехии // Православное обозрение. 1869. Первое полугодие.
27. Ученые Записки Второго отделения Императорской Академии наук. СПб., 1859. Кн. V. С. 123–154.
28. Ровинский П.А. Главные моменты в истории чешского народа // Современное обозрение. СПб., 1868. Т. I. № 1–3.
29. Ястребов Н.В. Значение Палацкого в историографии чешской и славянской // Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 35. Оп. 4. № 118.
30. Lapičvová L.P. Ruský historik N.V. Jastrebov (1869–1923) a jeho styky s Čechami a Pražskou universitou // Acta Universitatis Carolinae. Historia Universitatis Carolinae Pragensis. 1989. Fasc. 1. P. 13–52.

© 1999 г. Б.С. ШОСТАКОВИЧ

ДЕЛО О НЕИЗВЕСТНОМ ИРКУТСКОМ КОРРЕСПОНДЕНТЕ "МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ"

Восстание польских политических ссыльных в Восточной Сибири, на строительстве Кругобайкальского тракта (июнь–июль 1866 г.), выделяющееся своею драматичностью на общем фоне истории сибирской ссылки поляков в 1860-е годы, едва ли не со времени своего происшествия привлекало внимание многих авторов. Особенно активно его научной разработкой занимались исследователи в 1960-е – начале 1970-х годов, когда оно трактовалось как некая кульминация распространения в Сибири русско-польской революционной структуры и в осуществлении далеко идущих планов последней [1]. Тогда же была предпринята публикация большого массива впервые выявленных документальных источников, относящихся к указанной проблематике [2]. Тем интереснее оказывается обнаружить еще не учтенные материалы, которые позволяют представить знакомый сюжет в новом свете.

В ходе изучения фондов Государственного архива Иркутской области (ГАИО) внимание автора привлекли документы, доносящие до нас отголоски настроений, бытовавших как в среде сибирской администрации, так и в центральной российской прессе охранительного направления в период, когда по обстоятельствам Кругобайкальского восстания производилось следствие, а затем был устроен судебный процесс над его участниками. Обнаруженные материалы отложились в специальном деле, заведенном в Главном управлении Восточной Сибири (ГУВС) – органе бюрократической коллегиальности царской администрации в этом огромном регионе. Дело было возбуждено по инициативе председательствующего в совете ГУВС генерал-лейтенанта К.Н. Шелашникова с целью судебного преследования иркутского корреспондента газеты "Московские ведомости" [3].

Поводом для разбирательства, выражаясь словами самого Шелашникова, явилось то, что "в №№ 164 и 167 Московских ведомостей помещены корреспонденции из Иркутска о возмущении ссыльных поляков в Сибири, в которых искажена действительность с намерением представить в неблагоприятном виде действия местного начальства". В своем отношении Иркутскому губернскому суду от 15 сентября 1866 г. генерал приводил несколько отрывков из упомянутой публикации в № 167 газеты, сопровождая их собственными пояснениями.

В корреспонденции "Московских ведомостей", гласит документ, «писано: "Взбунтовались поляки в Балаганске, туда для усмирения послана рота солдат, а в Усолье и Канске была пустая вспышка, кончившаяся ничем и потому официально не возведенная в преступление, как не стоящее внимания дело"». На это сообщение газеты Шелашников реагировал следующим образом: "Так как в Балаганске, Усолье и

Канске не было поляками вовсе нарушаемо спокойствие, то корреспондент из Иркутска совершенно ложно старается обвинить в сокрытии этого возмущения".

«Далее; – продолжает цитировать текст корреспонденции генерал, – в этой же статье говорится: "Впрочем, поляки сформировались весьма стройно: их теперь уже пять кадровых полков, имеют обоз при каждом полку, имеют оружие и порох, появились и косиньеры, как и в Польше, и косы у них не обыкновенные, крестьянские, но особо изготовленные, словом, формируются как нельзя лучше и ожидают еще прибытия, конечно, из поселенцев, коих здесь немало, многих, для составления из кадров полных полков. Вот вам и гуманное обхождение с поляками! Вы, может быть, полагаете, что в суровом сибирском климате не водятся Панурговы стада, нет, их здесь чуть ли не больше, чем где-либо в другом месте"». И вновь следует комментарий Шелашникова: «Сообщая ложные известия о такой организации поляков на Кругобайкальской дороге, корреспондент, видимо, хочет заподозрить местное начальство в его бездействии, что и подкрепляет затем следующими неприличными выражениями: "Каковы же наши Аргусы, когда ничего не знали, доколе не вспыхнул бунт"».

Заключительный вывод высокопоставленного сибирского чиновника весьма суров: "Для предупреждения вреда, могущего произойти от распространения в периодических изданиях ложных слухов и известий о действиях администрации, я предлагаю Иркутскому губернскому суду на основании 2392 ст[атьи] о губ[ернских] учрежд[ениях] и 13 ст[атьи] XV т[ома] 2 кн[иги] уголовн[ого] закон[одательства] по прод[олжению] 1863 г. начать судебное исследование о корреспонденте означенной статьи, истребовав от редакции Московских ведомостей сведение об его имени, и затем дать делу законный ход в установленном порядке" [3. Л. 1–2об].

Начавшееся при таких обстоятельствах дело против иркутского корреспондента "Московских ведомостей" приняло, как обнаруживается из последующих его материалов, не вполне тот "законный ход в установленном порядке", которого желал К.Н. Шелашников, задетый, что называется, "за живое" публикацией местного репортера в центральной газете. Расследование, затеянное бюстителями порядка, решившими "одернуть" зарвавшегося иркутянина, привело к совершенно неожиданному для них результату.

Несколько месяцев спустя, уже в начале 1867 г., Шелашникову поступил полученный в губернском суде рапорт пристава Тверской части Москвы от 22 декабря 1866 г. за № 7107, в котором тот представил "отзыв в Московскую Управу благочиния редакторов Московских ведомостей, статских советников Каткова и Леонтьева, истребованный от них по отношению Губернского суда... по поводу статьи, помещенной в Московских ведомостях о возмущении ссыльных поляков в Сибири".

В отзыве этом, – читаем в документе, – гг. Катков и Леонтьев объясняют, что редакция "Московских ведомостей" не имеет никакого корреспондента в Иркутске, и никто не писал ей оттуда о случившемся в Восточной Сибири возмущении ссыльных поляков. Сведения же об этом происшествии извлекла она из частных писем, полученных в Петербурге некоторыми уважаемыми лицами, написанных не для печати и доставленных ей для проверки слухов и для соображений. На основании этих сведений статья составлена самою редакцией и ответственность за нее падает не на кого-либо другого, а только на издателей газеты. Сколько редакция может судить, в статье этой нет ничего противозаконного. Сообщенные в ней сведения не заключают в себе умышленных искажений и вообще верны. Если же вкрались в нее некоторые неточности, от которых не всегда бывают свободны и официальные донесения, то в этом обстоятельстве нет ничего предосудительного или преступного. Неточности, обратившие внимание иркутских властей, касаются подробностей. По сведениям, сообщенным в вышеозначенной статье, возмущение ссыльных поляков обнаружилось в городах Балаганске, Усолье и Канске, между тем как в эти города оно не проникло. Как были распространены в ближайшие даже к восстанию местах преувеличенные о нем сведения, видно из сибирских официальных известий, которые невозможно за-

подозреть в злоумышленности. Сообщение подобных сведений крайне неприятно для газеты, потому что роняет ее кредит, но при отсутствии злого умысла не может заслуживать судебного преследования. Ложным известием, подлежащим законной ответственности, было бы известие о происшествии выдуманном; возмущение ссыльных поляков есть, напротив, действительное происшествие и притом обнаружилось оно приблизительно в тех самых размерах, как сообщалось в Московских ведомостях, и важность его не увеличивается и не уменьшается вследствие того, что оно проникло или не прошло к тому или другому маленькому городу. Это простая неточность, подлежащая поправке, а отнюдь не ответственности перед законом».

"Что касается до выражений как Аргус и т[ому] под[обные], – продолжали оправдываться издатели, – то редакция, употребив их, не полагала, что они могут быть причислены к оскорбительным или неприличным. В статье допущено некоторое суждение относительно действий администрации, но таковое допускалось даже при предварительной цензуре, а ныне, в силу Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета 6 апреля 1865 года, есть право, которое нельзя оспаривать, а тем менее преследовать. В то время, когда действия административных властей в западном крае обсуждаются свободно в ту или другую сторону во всех газетах, редакция Московских ведомостей имеет уверенность, что просвещенные власти Восточной Сибири не найдут нужным протестовать против права суждения о делах этого отдаленного края Империи" [3, Л. 3об.–6].

Заведенное на анонимного "иркутского корреспондента" дело было прекращено, оказавшись за гранью досягаемости суда Иркутской губернии. На это указывает переписка, обрывающаяся на процитированном письме редактора "Московских ведомостей"¹.

Наш сюжет позволяет сделать некоторые небезынтересные наблюдения и выводы. Их изложение логично было бы начать с конкретных обстоятельств, фигурирующих в деле.

Прежде всего, существенно важным представляется вопрос о первоисточнике информации, составившей основу газетных материалов, столь болезненно воспринятых иркутскими властями. В "Московских ведомостях" сообщения появились соответственно в № 164 (от 5 августа) и в № 167 (от 10 августа) под общим названием: "Возмущение ссыльных поляков в Сибири". Как нам уже известно, издатели "Московских ведомостей" сами взяли на себя их авторство, опровергнув тем самым наличие в Иркутске какого-либо специального корреспондента газеты. Думается, что эти свидетельства не требуют дополнительных подтверждений. Гораздо сомнительнее выглядит заявление известных публицистов об использовании ими сведений из "частных писем, полученных в Петербурге... некоторыми уважаемыми лицами". Невольно закрадывается подозрение: не является ли эта версия чистой мистификацией? Важным также представляется определение того, каким образом некоторые сибирские реалии приобрели в репортажном тексте редакторов "Московских ведомостей" именно ту своеобразную интерпретацию, в какой они были преподнесены читающей публике.

Эти задачи предстоит окончательно решить будущим исследователям. Серьезный довод в пользу их значимости – возможность пересмотра некоторых построений предшествующей историографии. Примечательно, что даже в наиболее авторитетной монографии по истории Кругобайкальского восстания Н.П. Митиной свидетельства корреспондента "Московских ведомостей" (т.е. стилизованные под репортаж памфлеты М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева) были приняты за вполне достоверные ис-

¹ По данному поводу в деле, хранящемся в ГАИО, говорится следующее: "Так как издатели газеты Московских ведомостей в прописанном выше отзыве в Московскую Управу благочиния помещенную в тех ведомостях статью из Иркутска о возмущении ссыльных поляков приняли на свою ответственность и как посему обстоятельство это оказывается неподсудным Губернскому Суду на основании 4 пункта Мнения Государственного Совета, Высочайше утвержденного 12 Декабря 1866 года, то производство дела сего по Губернскому Суду прекратить..." [3. Л. 6].

точники и приведены в доказательство развиваемых исследовательницей положений [4].

Приходится указать и на то, что утверждение редакторов "Московских ведомостей" о якобы "несущественности" того, "проникло или не прошло" восстание "к тому или иному маленькому городу", – типичнейшее заблуждение, характерное для жителей центральной части России. От него не была свободна даже элитарная часть российской интеллигенции XIX в., к которой мы вправе отнести редакторов одной из ведущих российских газет. К слову сказать, рецидивы такого "западного" взгляда на Сибирь не до конца изжиты и поныне. Уподобление "маленьких городов" восточно-сибирского региона близким по размерам населенным пунктам в окрестностях первопрестольной, выглядит почти анекдотично ввиду несопоставимости географических пространств. Достаточно пояснить, что Усолье (современный город Усолье-Сибирское) отстоит от южной оконечности Байкала, затронутой восстанием ссыльных поляков в 1866 г., на расстоянии более 100 км по прямой. Старинное село Балаганск (ныне оно затоплено водохранилищем, образовавшимся при сооружении Братской ГЭС) располагалось примерно в 270 км вниз по течению Ангары. Наконец, Канск – город в Енисейской губернии (современный Красноярский край) – отделяет от Байкала около 900 км! Было от чего прийти в негодование восточно-сибирскому администратору, обнаружившему, что в результате "простой неточности, подлежащей поправке", размеры территории, охваченной "возмущением" ссыльных поляков, увеличились против реальных (т.е. отрезка береговой полосы Байкала протяженностью примерно 200 км) почти... на 1 тыс. км в западном и северо-западном направлениях, включив бассейны рек Ангары и Енисея.

По поводу оскорбительности выражений, заимствованных авторами публикаций из античной мифологии, трудно судить однозначно. Как известно, Аргусом именовался многоглазый страж греческих преданий. Ему богиня Гера поручила стеречь возлюбленную Зевса Ио. Бог Гермес (в ряде многозначных своих функций – также и божество сна и сновидений) усыпил и убил Аргуса, освободив пленницу. Выражение "Панурговы стада" – из того же смыслового ряда. Оно обозначало принадлежность к лесному богу Пану – сыну Гермеса, покровителю пастухов и мелкого рогатого скота. Пан возбуждал *панический ужас и панику*. Хотя данные аллегории не содержат прямых оскорблений, но они, безусловно, содержат прозрачные и не лишённые колкой иронии намеки на действия властей.

В "деле об иркутском корреспонденте "Московских ведомостей" интересен еще один аспект. Нельзя не заметить того, что сибирская администрация, готовая после Кругобайкальского выступления поляков усмотреть в чем угодно "крамольные идеи" и "подстрекательство", сама того не подозревая, вознамерилась привлечь к суду за имевшие ту же охранительную природу "вредные ложные слухи" не кого-нибудь, а... Михаила Никифоровича Каткова. Этот видный публицист в 1830-е годы был близок к прогрессивным литературно-общественным кругам, но затем переходил на все более умеренные позиции. В 1860-е годы Катков явился выразителем того откровенно шовинистического направления, которое оказало заметное воздействие на государственный курс пореформенной России. В период подготовки и осуществления польского восстания 1863 г. и последовавших репрессий в отношении его участников им всячески пропагандировалась версия польского шляхетско-иезуитского заговора, получившего поддержку со стороны русских "нигилистов-поджигателей". В интерпретации Каткова спасителями России от страшной "польской опасности" объявлялись деятели, подобные М.Н. Муравьеву. Как отмечал в своих воспоминаниях современник, П.А. Кропоткин, "во время польской революции... пробудился в нем (Александре II. – *Б.Ш.*) деспот и, подстрекаемый Катковым, он не нашел другого выхода, как виселицы" [5]. Эта характеристика может быть отнесена и к Павлу Михайловичу Леонтьеву, профессору Московского университета, историку-античнику, подвизавшемуся также в качестве публициста с 1865 г., создателю "Московских ведомостей".

Совершенно не случайное положение в рассматриваемом конфликте занимает фигура Константина Николаевича Шелашникова – иркутского военного губернатора, по штату совмещавшего эту должность с обязанностями председательствующего в Совете ГУВС. Он являлся вторым по рангу должностным лицом администрации Восточносибирского генерал-губернаторства. Во время отсутствия в Иркутске генерал-губернатора Шелашникова становился его полномочным заместителем. Так именно и случилось в период Кругобайкальского восстания, когда генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков находился в длительной инспекционной поездке по Забайкалью и Дальнему Востоку. Таким образом, становится понятно, что любая критика в адрес сибирской администрации в ту пору ударяла именно по Шелашникову.

Логика поведения генерала, следовательно, определялась его ролью руководителя исполнительной власти в восточносибирском регионе. Стремление Шелашникова к объективности в характеристике масштабов выступления польских ссыльных – вполне естественная реакция лица, отвечавшего за поддержание общественного порядка и потому ожидавшего "вреда от распространения в периодических изданиях ложных слухов". Вполне правомерно усмотреть и другой мотив – желание избежать гласного разбора собственной служебной деятельности.

Что касается М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева, то для них драма, разыгравшаяся на берегах Байкала, была всего лишь очередным удачным поводом напомнить русскому обществу о "польском заговоре". Таковой редакторы "Московских ведомостей", которые А.И. Герцен метко окрестил "полицейскими", на сей раз обнаружили в "суровом климате Сибири". Мало заботясь о соблюдении достоверности фактической канвы событий, они намеренно сгущали краски, акцентируя внимание читателей на коварстве польских "панурговых стад", будто бы повергнувших Сибирь в пучину хаоса, а также на усыплении бдительности власть имущих "Аргусов", приведшим к тому, что они прозевали новый "польский бунт".

Так или иначе, "свой своя не познаши", по недоразумению. Разобравшись в сути противоречий, они тем самым исчерпали повод для дальнейшего продолжения конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шостакович Б.С. Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII – конец XIX в.). Дисс. ...д-ра ист. наук (в форме научного доклада). М., 1997. С. 8–11.
2. Восстание 1863 года. Документы и материалы. Русско-польские революционные связи. М., 1963. Т. II. С. 562–565, 570–574 и др.; Митина Н.П. Материалы к истории Кругобайкальского восстания польских ссыльных в июне–июле 1866 г. // К столетию героической борьбы "за нашу и вашу свободу". М., 1964. С. 351–435.
3. Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 3. Д. 571. К. 1853. По отпуску Председательствующего в Совете о корреспонденции из Иркутска, помещенной в 164 и 167 №№ "Московских ведомостей" о восстании в Сибири ссыльных поляков.
4. Митина Н.П. Во глубине сибирских руд. К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. М., 1966. С. 136, 139.
5. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966. С. 389.

© 1999 г. С.И. МУРТУЗАЛИЕВ

КОНСТАНТИН ИРЕЧЕК И БОЛГАРИЯ

На рубеже XX и XXI вв. исполняется 150 лет со дня рождения и 80 лет со дня смерти Константина Йосифовича Иречека (1854–1918) – одного из самых известных исследователей истории болгарского народа. Имя этого выдающегося чешского ученого, историка южных славян, археолога, этнографа и историка литературы, государственного и общественного деятеля, являвшегося в Болгарии с 1879 по 1884 гг. помощником министра, а затем министром народного просвещения, прекрасно известно в самой Болгарии и далеко за ее пределами.

Тема "Иречек и Болгария" столь обширна и многогранна, что любая попытка раскрыть ее в одной статье обречена на неудачу. Поэтому из всех аспектов этой многоплановой темы я остановился только на некоторых вопросах, связанных с важнейшим событием в истории болгаристики последней четверти XIX в. – выходом в свет капитального труда Иречека – "История болгар", первое знакомство российских и зарубежных славистов с которой состоялось в 1875–1876 гг., когда книга почти одновременно была издана в Праге на чешском и немецком языках.

Дальнейшему успеху труда ученого немало содействовал его старший коллега и друг – болгарин М.С. Дринов¹, написавший Иречеку из Харькова (2 февраля 1875 г.): "... я узнал, что вы готовите историю болгарского народа, но никак не предполагал, что она у вас почти окончена. Поздравляю Вас с этим новым трудом, который, не сомневаюсь, будет весьма капитальным вкладом в славянск. [так в тексте. – С.М.] историческую литературу и в то же время принесет большую пользу болгарскому народу, не имеющему еще порядочной истории своих предков" [1. Т. 1. С. 110]. В ноябре того же года Дринов писал из Праги российскому слависту "первой волны" О.М. Бодянскому об "Истории болгар" как о "довольно объемистой и порядочной книге" [2. С. 36–37].

Монография сразу привлекла внимание научной общественности и представителей политических группировок в разных странах, о чем красноречиво свидетельствует переписка в 1876 г. между Дриновым и Иречекком. Дабы не быть голословным, приведу только три факта из многих подобного рода. В письме из Петербурга от 8 марта 1876 г. Дринов сообщает автору, что его болгарская история читается с большим интересом здешними учеными, которые, однако, не видели еще окончания ее, так как последняя чешская часть пока сюда не поступила, а книг, изданных на немецком языке, имеется не более одного или двух экземпляров. Здешний Славянский комитет, по сообщению Дринова, думает о переводе и издании книги на русском языке [1. Т. 1. С. 119]. В письме из Москвы (2/14 апреля 1876 г.) Дринов упоминает об

Муртузалиев Сергей Ибрагимович – д-р ист. наук, профессор Дагестанского государственного университета.

¹Переписка между Иречекком и Дриновым началась в 1871 г., а в ноябре 1875 г. они познакомились лично во время приезда Дринова в Прагу.

известных Иречку (и ожидавшихся) напаках со стороны греческой интеллигенции на "Историю болгар", добавляя: "Пусть бранятся и пусть хвалят: Ваша слава есть и слава нашего народа!" [1. Т. 1. С. 121]. И, наконец, в письме из Харькова от 14 ноября 1876 г. Дринов пишет Иречку о том, что его книга принята с большим вниманием в Англии [1. Т. 1. С. 131]. Попутно заметим, что в этом же письме Дринов извещает о том, что "русские газеты и журналы часто крадут Вашу книгу". Примером такой "кражи" авторитета ученого и использования его известности служит достаточно обширная публикация в журнале "Отечественные записки", озаглавленная "Забытый народ...", автор которой [Д.Л. Мордовцев. – С.М.] "много хвалит книгу Вашу", но воспользовался ею не очень грамотно, проявив недостаточное знание проблематики [1. Т. 1. С. 132].

Излишне говорить о том, какой широкий резонанс вызвала книга Иречка на Балканах, прежде всего в Болгарии и среди болгар, живущих в России. В 1876 г. Дринов издал обширную благожелательную рецензию на работу молодого чешского ученого в журнале "Периодическое списание", издаваемом болгарским научным обществом в Браиле (Румыния) – "Българско книжовно дружество" (далее – БКД)². Именно этому обществу Иречек предоставил право перевода своей книги на болгарский язык, в связи с чем БКД приступило к поискам переводчика. Однако Апрельское восстание 1876 г. и последующие события задержали осуществление задуманного издания [2. С. 36, 72–73]³. Исследование Иречка вызвало большой интерес у болгар, живших на юге России: "Издание на русском языке сочинения, основательно знакомящегося с историей болгарского народа, едва ли нужно оправдывать в настоящий момент, когда Россия устраивает судьбу этого народа, к сожалению, так мало известного русской публике" [3. С. 1].

Финансировали перевод и издание "душеприкачки" В.Е. Априлова⁴, который в своем духовном завещании выделил 2000 рублей серебром для написания на русском языке "полной и подробной истории Болгарии, с примечаниями и ссылками" [4. С. 11], а за осуществление перевода взялись Ф.К. Брун и Вл.Н. Палаузов⁵. Оба профессора вели с Иречком переписку по вопросу о переводе книги, причем обратили внимание ученого на несколько новых документов, которые он мог бы использовать для доработки своего труда [1. Т. 2. С. 121–122].

Когда в Одессе перевод "Истории болгар" на русский язык был почти завершен, профессор русской литературы в Варшавском университете Яковлев издал в 1877 г. свой довольно поверхностный перевод, который Дринов охарактеризовал как испорченную историю Иречка [1. Т. 1. С. 138].

Одесские переводчики продолжали свою работу, справедливо полагая, что новые исследования самого Иречка⁶ значительно изменили "не только мелкие подробности, но даже и целые главы его труда". Кроме того, выход в свет нескольких работ М.С. Палаузовым и Ф. Каница также требовал доработки многих глав "книги, не говоря уже о деталях" [3. С. II–III]. К чести Иречка следует сказать, что он "сделал соответствующие дополнения и перемены ... в особенности в главах", посвященных истории X, XII, XIII и XVII вв. Так что одесские переводчики не без основания полагали, что готовят к изданию новое, доработанное сочинение [3. С. III].

²Общество было образовано в 1869 г. и объединяло болгарских ученых, которые работали, как правило, в эмиграции. В 1876 г. для библиотеки БКД Дринов послал шесть экземпляров "Истории болгар" Иречка.

³Болгарский перевод, подготовленный Райновым и Бояджиевым, был издан в Тырново в 1886 г.

⁴Априлов В.Е. (1789–1847) – болгарин, возглавлял Одесское общество покровительства болгар; вместе с Н.С. Палаузовым основал первую болгарскую школу в Габрове (1835).

⁵Российский историк Ф.К. Брун (1804–1880), уроженец Финляндии, профессор Новороссийского университета в Одессе. Болгарин Вл.Н. Палаузов (1851–?) – магистрант того же университета, преподавал уголовное право.

⁶Летом 1877 г. в Праге Иречек издал, например, новое историко-географическое исследование о большом путешествии из Белграда в Константинополь и балканские проходы.

Вл.Н. Палаузов в своем письме из Одессы от 29 марта 1878 г. писал Иречку о желании как можно быстрее издать его труд и тем самым удовлетворить желание всех, "кто слышал или читал о Вашей прекрасной книге, в особенности болгар и тех из русских, которые в настоящее время находятя за Дунаем в непосредственном соприкосновении с народом, с историей и национальным характером которого они, признаться, мало знакомы" [1. Т. 2. С. 134–135].

В самой России книга по-разному оценивалась современниками. В апреле – мае 1878 г. В.В. Макушев опубликовал "ради пользы науки и русского общества" в журнале Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП) большую (более сотни страниц) критическую рецензию, озаглавленную «Разбор книги К. Иречка "Dějiny národa bulharského"». По поводу рецензии Дринов писал Макушеву, что тот предъявил чрезмерно высокие требования к "Истории болгар", а к отзыву на нее самого Дринова отнесся по-прокурорски. Журнал имел в России довольно широкую известность и аудиторию, но Дринов, не желая расстраивать Иречка, сообщил ему из Пловдива (3/15 июля 1876 г.), что ЖМНП в России мало известен, а в Болгарии его вовсе нет [1. Т. 1. С. 144; 2. С. 88–89, 199].

А издатели исправленного и дополненного Иречком одесского варианта "Истории болгар" (1878) особо подчеркивали (и справедливо) тот факт, что в русской исторической литературе кроме сочинений Ю.И. Венелина, В.Е. Априлова, С.Н. Палаузова, А.И. Гильфердинга и М.С. Дринова нет книг, в которых подробно излагалась бы история Болгарии. Кроме того, сочинения названных исследователей были посвящены лишь отдельным периодам, событиям или личностям в истории болгар, не охватывали "всей жизни народа ... и ... изданы слишком давно" [3. С. 1].

Таким образом, выход в свет книги Иречка на русском языке, при всех ее сильных и слабых сторонах (эта тема заслуживает самостоятельного изучения), восполнял значительный пробел в российской болгаристике последней четверти XIX в.

Необходимость в новом издании книги остро ощущалась и в других государствах. Пражский издатель "Истории болгар" на чешском и немецком языках В. Темповский обратился к Иречку с просьбой о подготовке доработанного издания варианта книги, а в 1895 г. болгары пожелали, чтобы Иречек "написал новое издание на болгарском языке и кроме того еще сделал сам популярное извлечение для болгарских школ" [4. С. 203]. Но ученый, в силу разных обстоятельств, так и не удовлетворил этих просьб, хотя до самой смерти продолжал собирать материалы по истории Болгарии.

Судить об этом позволяют письма исследователя и тот факт, что после смерти Иречка в его архиве были обнаружены исправления и дополнения, которые ученый вносил в свой авторский экземпляр одесского издания – это исправления дат, имен и выводов, которые он нашел ошибочными после изучения новых источников и исследований, опубликованных уже после 1878 г. Отдавая должную дань памяти глубокоуважаемого ученого, Болгарская АН в 1939 г. издала эти исправления отдельной книгой [5].

О причинах отказа Иречка от доработки "Истории болгар" мы узнаем из его писем из Вены к российским ученым В.И. Ламанскому и Ф.И. Успенскому – оба письма датированы 30 марта (12 апреля) 1900 г. Иречек сообщал адресатам, что его болгарская история, опубликованная в 1876 г., для нового издания требует многих изменений: "Некоторые части надо написать совершенно наново. Я всегда собирал заметки, но с самой работой не начал. ... Мне всегда очень приятно говорить по-болгарски, но писать на болгарском языке статьи и книги, 16 лет после отъезда из Болгарии, это мне уже не легко! ... Я болгарам посвятил лучшие годы жизни, почти двадцать лет" и после 1891 г. "был очень счастлив проститься с ними. Заниматься Болгарией опять год или два – это меня теперь почти пугает!" [4. С. 202–203]. В письме к Ф.И. Успенскому Иречек сообщал, что после 1891 г. Болгария попала у него "в задний план" и что отныне его "слабые силы к себе привлекает Далмация и преимущественно Рагуза, вместе с соседями, сербами, боснийцами и хорватами" [4. С. 204].

Объяснения Иречка звучат довольно убедительно (хотя, возможно, были и иные

причины) и в результате третье, доработанное автором издание, так и не вышло в свет.

Завершая наше исследование, постараемся ответить на вопрос: чем же объясняется заинтересованность образованной части общества сразу нескольких стран в издании и переиздании книги Иречека. Безусловно свою роль сыграло то, что впервые в Европе XIX в. появилось столь капитальное исследование, охватывающее историю Болгарии с фракийско-иллирийско-римских времен до 70-х годов XIX в., обострение Восточного вопроса и политической ситуации в Болгарии, и то, что уделяя традиционно большое внимание политической истории, ученый освещал и проблемы социально-экономического и культурного развития болгар. Но не следует забывать принципы и методы работы Иречека, которым он следовал сам, работая над "Историей болгар", и учил этому студентов. На своих лекциях он призывал студентов соблюдать следующие правила, обязательные, по его мнению, для историка: чаще и внимательнее читать древние источники, нежели новые книги и статьи; тщательно изучать все, невзирая на язык, на котором написаны источники; всегда работать без предварительного составленной схемы, идеи, а ждать результата, который вследствие изучения тщательно собираемого материала и сопоставления различных данных "сам по себе выскочит наружу"; не строить фантастических гипотез, которые после скрупулезного исследования или обнаружения новых материалов разлетятся в пух и прах; не тратить время на излишние "вещи", особенно на полемику [1. Т. 1. С. 29]. Успех книги Иречека во многом объясняется и тем, что до издания монографии изучение многих проблем и периодов истории Болгарии было затруднено узостью источниковедческой базы и скудостью историографии. Подтверждением этого может служить тот факт, что еще 22 декабря 1856 г. Российской АН была создана комиссия для составления проекта программы по написанию истории Болгарии. "Проект" обсуждался в Общем собрании АН 1 марта и 3 мая 1857 г. Выводы комиссии говорят об осознании необходимости создания "основательной" истории Болгарии, которая "не только исполнит ... ощутительный пробел в науке вообще, но и удовлетворит также действительной потребности отечественного историка" [4. С. 11]. Однако "Проектом" предусматривалось "доведение" истории Болгарии только "до той поры, когда совершенно исчезло так называемое Болгарское царство после битвы на Косовом поле (1389 г.)"⁷. Такая формулировка задачи объясняется тем, что в отношении "внутреннего политического и общественного быта Болгарии в средних веках излишне было бы поставить высокие требования, потому что они не могут быть выполнены за скудостью источников" [4. С. 14]. Следует признать, что в середине XIX в. составители "Проекта" весьма объективно оценили общий уровень развития болгаристики в России и за рубежом.

Отсюда понятен интерес научных кругов к исследованию Иречека, основанному на большом количестве новых источников, тем более, что интерес этот подогревался общей политической ситуацией в Болгарии и на Балканах: Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии, русско-турецкая война 1877–1878 гг., восстановление болгарской государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Из архива на Константин Иречек. Преписка с българи. Документи за общественно-политическата и културната история на България от 1871 до 1917 година. София, 1953. Т. 1; 1959. Т. 2.
2. Горина Л.В. Марин Дринов – историк и общественный деятель. М., 1986.
3. [Иречек К.] История болгар. Одесса, 1878.
4. Документы к истории славяноведения в России (1850–1912). М.; Л., 1948.
5. Иречек Конст. Йос. История на Българите. Поправки и добавки отъ самия автор по рукописните негови бележки систематизира, преведе и стъкми за издание Стоян Аргировъ. София. 1939.

⁷В современной историографии, как известно, принята иная датировка ликвидации независимости Болгарии.

© 1999 г. Д. БЛЮМЛОВА, Й. БЛЮМЛ

"КРЕСТНЫЙ ПУТЬ" ЧЕХОВ ЗА НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИЕЙ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

В 1901 г. шведская Королевская Академия наук в Стокгольме и норвежский Нобелевский институт в Осло впервые присудили Нобелевские премии. Отдельные категории этой престижной награды намечали приоритеты нового века. Спустя некоторое время весь мир мог убедиться, что самое выдающееся достижение науки, политики, экономики и даже словесного искусства, без нравственных основ и гуманного назначения, становится инструментом разрушения. Чем глубже XX в. увязал в военном маразме, тем значительнее звучал завет Нобеля. Постепенно росла тихая общность героев духа, чья деятельность придавала миру смысл, а людям несла надежду. Для народов было почетным делом иметь своего представителя в этой общности.

В Чехии, стране столь трогательно прекрасной и столь нестратегически расположенной, никогда не было избытка самоуверенности. В начале XIX в. Йозеф Юнгман своими переводами с английского, французского и немецкого языков доказал, что чешский язык способен выдержать конкуренцию с ними. В конце того же века свою сопричастность миру уже могли доказывать чешская наука и литература.

К решающим импульсам необычайного духовного подъема Чехии в последние двадцать лет XIX в., несомненно, относится счастливое взаимодействие внутренних событий и внешних влияний. Исходной точкой на пути развития можно считать разделение Пражского университета на чешскую и немецкую части в 1882 г. В обновленном Чешском университете рано начали профилировать новые специальности и одновременно возрастало число студентов-чехов, которые по окончании соответствующих факультетов сами становились распространителями образования и просвещения, подготавливая тем самым сильные "культурные тылы" чешского общества (подробнее см.: [1]).

Другим решающим шагом в подготовке чешской нации к вхождению в современную Европу было развенчание культовых памятников национального возрождения – Краледворской и Зеленогорской рукописей. Характерно, что атака на "священные" фальсификаты велась именно из университета. Профессор Я. Гебауэр, лингвист, в университетском семинаре которого были подготовлены основоположники нескольких гуманитарных дисциплин современной чешской науки, опубликовал в 1886 г. в журнале "Athenaeum" статью, где бескомпромиссно требовал вновь проверить подлинность рукописей. Такое же мнение высказал профессор Т.Г. Масарик, воспринимавшийся в то время прежде всего как первопроходец в области социологии и психологии и первый чешский интерпретатор англосаксонского мышления. Спор о рукописях принципиально разделил чешское общество на два непримиримых лагеря.

Дажмар Блюмлова, Йозеф Блюмл – преподаватели Южночешского университета (Ческе Будеевице, Чехия).

На тех, для кого критики рукописей стали предателями "народного дела", и на тех, кто готов был расстаться с иллюзией героического прошлого и не хотел строить будущее своего народа на лжи, пусть даже привлекательной и вдохновляющей.

"Манифест Чешской Модерны", напечатанный "Rozhledy" в 1895 г., был прямым результатом изменения в духовном настрое чешского общества. Этот документ не имел предназначением создать художественную или политическую программу, он должен был ясно сформулировать требование правды, свободы и индивидуальности как единственно возможных критериев искусства и политики.

В таком же ключе вступал в XX в. и Чешский университет. С одной стороны, его преподаватели становились всемирно признанными представителями своих дисциплин, с другой – они открывали простор для новых идейных и художественных инспираций.

Предложение первого чешского кандидата на Нобелевскую премию было сделано президиумом Чешской Академии императора Франца-Иосифа (науки, словесность и искусство), однако деятельность выдвинутого была связана с университетом – им был преподаватель сравнительной истории литературы Эмиль Фрида – таким являлось настоящей имя поэта Ярослава Врхлицкого, ярчайшего символа чешской поэзии последней трети XIX в.

Я. Врхлицкий в начале 1890-х годов оказался в незавидной ситуации. В его личной жизни наступил серьезный кризис, а творчество сделалось мишенью неделикатных нападков некоторых представителей молодого поколения. Его публично высмеивали и унижали. Для еще недавнего "короля чешского Парнаса", за которым всегда, словно шлейф, тянулась толпа эпигонов, это было ошеломляющим. Врхлицкий не смог защищаться и, похоже, даже не смог понять, что жесткие, обидные слова, обрушившиеся на его голову, обусловлены не чем иным, как желанием молодых расщитаться с поколением отцов, низвергнув его символ (ср. [2]).

К счастью, поэт не был забыт и одинок. Ближайшие друзья стремились спасти его покачнувшийся мир, открывая для него новое поле деятельности (в этом смысле весьма красноречива переписка, содержащаяся в [3]). В 1892 г. Врхлицкий стал первым чешским поэтом, удостоенным титула почетного доктора философии, а годом позже – профессором на новой кафедре истории современных литератур университета. Он работал здесь неполных 15 лет. Его лекции не были броскими ораторскими выступлениями, но имели особую прелесть постоянных камерных премьер – собственных чешских переводов из французской поэзии.

На исходе 1903 г., когда президиум Академии впервые обратился в Нобелевский комитет, на ум действительно приходило одно имя, имя Я. Врхлицкого, "выдающегося поэта чешского, который со своими оригинальными достижениями факел идеализма перед народом своим несет, который с помощью труда благородного и великого познакомил соотечественников своих с героями литератур мировых, для их разнообразных и богатых форм приспособив язык наш, и который рассказами своими университетскими о развитии литератур современных академическую молодежь нашу к идеализму ведет" [4]. Кандидата, предложенного чехами на 1904 г., весьма благоприятно оценил секретарь Нобелевского института, славист Альфред Йенсен. Он сам перевел и издал несколько стихотворений Врхлицкого, написал о нем монографию и утверждал, что "не существует больше славянских писателей, которые бы на основании своей благородной, над всеми политическими и национальными интересами высоко стоящей поэзии были настолько уважаемы в других культурных странах, особенно в Германии" [5. S. 345] (автор этой публикации, состоящей из портретов обладателей Нобелевской премии по литературе, в последней главе знакомит с архивными материалами Нобелевского комитета в Стокгольме, которые касаются чешских кандидатов).

Ни монументальная похвала в чешской характеристике, ни положительная оценка Йенсена не оправдали ожиданий Врхлицкого и его друзей. Некоторые из них скептически относились к предложению с самого начала, поскольку понимали, что значение Врхлицкого как поэта неотрывно от чешского национального контекста. Например,

историк литератур А. Пражак осознавал, что "в переводе стихи свидетельствуют о таланте, но не о гениальности", что для "нобелевца" подходят "другие духовные типы – Бржезина или Масарик", а еще лучше – "какой-нибудь новый Коменский" [6].

Несмотря на отрицательный результат первого предложения, чешская Академия выдвигала Я. Врхлицкого регулярно вплоть до 1912 г. Позиция Нобелевского комитета, однако, оставалась неизменной. Шведы едва ли могли на основании передовых фрагментов творчества поэта постичь его значение в контексте чешской культуры. Значение незаменимое, решающее, которое так метко определил уже представитель поколения К. Чапека, журналист Ф. Пероутка: "Его дарованием было всасывать, принимать и переживать. Он приблизил к нам некоторые типичные ситуации и *loci communes* мировой поэзии. Никогда он не сопротивлялся тому, что читал. Он был вдохновлен, читая о том, что жизнь прекрасна, и был вдохновлен, читая о том, что жизнь отвратительна и напрасна, если только это было поэтическим произведением. Но проблема сопротивления была для Врхлицкого, собственно, проблемой чешскости и личной индивидуальности: он мог быть чехом и самим собой лишь настолько, насколько противопоставлял свою личную твердость тому разнообразному и широкому потоку, который принимал на себя из Европы и всего мира. Врхлицкий не сопротивлялся. Он принял все. Он собирал в своем доме блестящие и красочные вещи. Был он подобен ветру, который принес через стену облако пылицы и аромата из чужих садов. И характер у него был как у ветра: сегодня здесь, завтра там. Он возмущал спокойствием, с которым провозглашал противоположные вещи. Он приносил ценности формы в бедную страну" [7].

Через семь месяцев после смерти Я. Врхлицкого Нобелевскому комитету было подано первое предложение кандидатуры Йозефа Сватоплука Махара. Это предложение исходило от философского факультета Пражского университета. Оно, однако, не было принято, ибо пришло по истечении срока. На следующий год профессора уже были внимательнее, и предложение на 1914 г. было отослано вовремя. На волю случая не оставили и другие обстоятельства. Махара, вероятно, предполагали выдвинуть и раньше, поскольку Йенсен уже в 1911 г. опубликовал статью о нем, которая называлась "Современный славянский общественный мыслитель". По чешскому предложению, он написал весьма положительное суждение, в котором сделал акцент прежде всего на значении "Исповеди литератора". В отзыве об обновленном предложении на 1915 г. А. Йенсен упоминает трех славянских писателей, которые, по его мнению, были достойны Нобелевской премии: Л.Н. Толстого, Я. Врхлицкого и представителя болгарского модерна П. Славейкова. Махара он сравнивает с Мережковским; признавая, что русский поэт в художественном отношении намного выше, он присуждает чеху большее значение для отечества (ср. [5]).

Имя Махара мы вправе считать одним из синонимов творческого поколения 1890-х годов. Это он учил чешских поэтов называть вещи своими именами и раскрывать перед всеми самые тайные уголки собственной души. Он был автором "Манифеста Чешской Модерны" и главным инициатором свежих веяний реальной жизни, ворвавшихся в эстетизированные нормы чешской поэзии. Молодое поколение обожало его, но с течением времени осознало, что он "взвихрил" содержание поэзии, но не нашел новых, адекватных возможностей стиха. Деятельность Й.С. Махара была одним из феноменов, создавших духовный климат Чехии на рубеже веков, так же, как Я. Врхлицкий определял атмосферу 70–80-х годов XIX в. Об этом, однако, не свидетельствовало творчество Махара как таковое, в отрыве от культурного контекста, особенно его избранный язык, к тому же переведенный на чужой язык – оба выдвижения Махара на Нобелевскую премию не достигли цели.

Историк литературы А. Новак уже в феврале 1915 г. писал А. Йенсену: "Если не признавать Махара полноценным наследником Врхлицкого, то мы присуждаем это наследование великому поэту человеческих и космических ценностей Отокару Бржезине" [5. С. 364]. Один из тех, кто подписал "Манифест Чешской Модерны", крупнейший поэт-символист, О. Бржезина серьезно обнадеживал искателей новой

кандидатуры, которыми вновь стали университетские преподаватели. Новизна и совершенство стиха Бржезины были неоспоримы. Универсальный характер мира, выстроенного поэтом, преодолевал не только национальные границы, но и границы человеческого времени. Прошлое в нем протягивало руку будущему, а мир человека стремился к таинственному, но идущему навстречу космосу. В этом поэтическом видении мира заключалась и надежда тех, кто предлагал Бржезину на долгожданный триумф чехов в 1917 г. Проблема "малого народа", на которую в письмах так часто жаловались причастные к прежним предложениям, возникла, однако, и в этом случае. Хотя существовали качественные переводы сборников Бржезины на английский, французский и, прежде всего, немецкий языки (Э. Саудек и Ф. Верфель), исходная инструментация метафоры поэта в этих переложениях потеряла значительную часть своей побуждающей силы. "Новый пафос, в котором звучит европейский идеализм", как стремился убедить А. Йенсена А. Новак, "не долетел" до ушей членов Нобелевского комитета. Безуспешно окончилось и выдвижение украинского драматурга Ивана Франко, который был вторым славянским кандидатом на престижную награду в 1917 г.

Выдвижение О. Бржезины на соискание Нобелевской премии по литературе повторялось еще шесть раз. После образования Чехословацкой республики в 1918 г. предложения сделались особенно настойчивыми. Речь уже шла не только о представлении на премию кандидата из славянского мира, но о самопроявлении малой нации, которая сумела обрести независимость и во многих отношениях успешно включилась в современные научные и культурные поиски Европы. Поскольку в новом государстве постепенно открывались университеты и вне Праги, под отдельными предложениями возрастал ряд имен университетских преподавателей, которые надеялись, что и это обстоятельство способно положительно повлиять на присуждение премии.

Старания духовной элиты Чехословацкого государства, однако, наталкивались на два решающих обстоятельства. Первым из них была замкнутость и относительная "узость" поэтического творчества Бржезины. Свою концепцию мира он изложил всего лишь в пяти сборниках. От всего, что было создано до этого, он позднее отделился, и в XX в. уже не написал ничего равного, кроме эссе. Принято было добавлять к подаваемым вновь предложениям библиографию произведений кандидата. В данном случае это было невозможно, и заключения Нобелевского комитета этот факт соответствующим образом подчеркивали.

Другим обстоятельством стала кончина в 1921 г. Альфреда Йенсена, верного поклонника чешской литературы. Возможно, поэтому во второй половине 1920-х в профессиональных отзывах о творчестве кандидата стали появляться бестактные формулировки: "Поэт в переводах так необычно темен и неудобоварим, что по переводам следует судить о соответственных недостатках оригинала". И вся чешская литература была обвинена в "необразованности", потому что в другой, "более образованной", литературе Бржезина будто бы никогда не обратил на себя внимания [S. 371].

Параллельно с университетским представлением Бржезины в 1918 г. в Стокгольм отправилось и второе предложение от чешской Академии. Оба института оказались в характерном противостоянии благодаря имени, с которым академики на этот раз думали "пробиться" в лауреаты: Алоис Ирасек. Поколение "Модерны" как бы не существовало для Академии. Этот почтенный институт, уютно живущий в возрожденческом ритме, актуальном несколько десятилетий назад, вступил в бой с чисто "национальным" козырем: Алоис Ирасек – "величайший из современных писателей старославянского королевства Чешского", чешский народ чтит его как "славнейшего представителя национального духа и народной души" и видит в нем "душевного вождя нации в прекраснейшем смысле этого слова" [8]. Пафос, по-видимому, самого обширного представления кандидата из всех, которые когда-либо исходили от Чехии, не мог встретить иного отклика, кроме отрицательного. При всем уважении к классику чешского исторического романа, при восхищении его старательной работой с историче-

скими источниками, с одной стороны, и способностью создать на этой основе впечатляющие картины давнего прошлого – с другой, нужно признать это предложение шагом назад. В контексте общих усилий чешских интеллектуалов по завоеванию международного признания представление кандидатуры Ирасека со своей многословностью выглядит как детское пристрастие к любимой игрушке.

Если из-за чрезмерной замкнутости в национальной специфике были отвергнуты Врхлицкий, Махар и Бржезина, то какой непонятной для Нобелевского комитета должна была являться фигура Ирасека, писателя, всецело погруженного в чешскую историю! И все-таки в своем суждении о первом из четырех (!) предложений Академии Йенсен оценивает его во многом с большими симпатиями, чем Бржезину. Он даже сравнивает его с Г. Сенкевичем, хотя предложенное Академией определение "величайший писатель" заменяет на "самый популярный". В итоговом суждении Нобелевского комитета, однако, заметно раздражение по поводу "панегирических формулировок" о "графоманствующем романисте". В том же духе комментируется и новое предложение 1920 г., по поводу которого, кроме возражения против "напыщенных фраз", появились и две точные мысли, с которыми можно безоговорочно согласиться: творчество Алоиса Ирасека – ценное подспорье для постижения развития чешской народности, и всякая аффектация в подаваемых предложениях скорее вредит чешской литературе, чем помогает [5. S. 381].

Последнее предложение кандидатуры А. Ирасека относится к 1930 г. В следующем десятилетии выдвигался только Карел Чапек, которого предлагал опять же Карлов университет. На этот раз все действия были тщательно продуманы и подготовлены. Если предыдущие кандидаты были так или иначе связаны с достопамятными 1890-ми годами, то Чапек был символом века нового, символом самостоятельной республики, символом свободы и демократии. Когда была провозглашена Чехословацкая Республика, ему исполнилось 28 лет. Как и она, Чапек стоял на пороге расцвета творческих сил, как и она, был полон честолюбия и желания оставить положительный след в истории нации и человечества. Чешская литература 20–30-х годов XX в. принесла удивительный урожай идей, художественных тональностей и образов. Как никогда раньше, в этот особенный период рокового межвоенного "сжатия" между двумя мировыми пожарами, энергия народа, находящегося в опасности, прорвалась десятками блестящих литературных произведений. Чапек не был художественной доминантой плеяды межвоенных литераторов. Он стал, однако, главным проводником идей, на основе которых Т.Г. Масарик строил новое государство.

Творчество К. Чапека, проникнутое всеохватным гуманизмом, актуализированным чутким откликом на политическое движение межвоенной Европы, являлось наднациональным, вневременным и конструктивным. В Чехии не было более подходящего кандидата на Нобелевскую премию. Это осознавали все, кто был к тому причастен. За исключением Ф.К. Шальды, который не подписал ни одного из семи предложений, университетские преподаватели литературы и истории были согласны в том, что государство не должно упустить эту уникальную возможность, поскольку она уже не повторится. Индивидуальная оценка художественного вклада Чапека стала второстепенным делом. Помочь его продвижению было почетной обязанностью и, можно сказать, что чешская университетская элита год от года, в течение семи лет, совершенствовала стратегию и тактику фронтальной атаки для завоевания высшей мировой награды в области литературы.

Заинтересованные ученые на основе своих зарубежных контактов расширяли для предложенной кандидатуры некую сеть поддержки. Они были посредниками в пропаганде творчества Чапека, по личной просьбе обеспечивали почти одновременные переводы его новых произведений у авторитетных переводчиков; использовались и дипломатические связи. Романист В. Тилле, например, открыл пьесам Чапека путь в парижские театры, хотя сам не слишком высоко ценил их автора [9]. В частных беседах он называл его "Чапечек", выражая уменьшительной формой противоположность его творчества абсолютным величинам – любовь, боль, трагизм, нежность, которые

чешские аристократы духа исповедовали и в которых видели художественный идеал. Профессор Тилле, однако, как и его коллеги, знал, что при присуждении Нобелевских премий художественное мастерство не является важнейшим аргументом, и что эта премия имеет и политический подтекст. Один Шальда, всегда своеобразный и всегда неуступчивый, не мог смириться с тем, что чешскую литературу будет представлять творчество, в котором он усматривал "разбавленных" Масарика и Честертона.

Впервые в истории чешских выдвижений на Нобелевскую премию по литературе обоснование кандидатуры К. Чапека было поручено историку, причем очень видному. Университетский профессор Йозеф Шуста в начале 1930-х годов был всемирно признанным представителем чешской науки ([10], см. также [11]). Уже одно его имя являлось гарантией серьезности и высокого уровня. Кроме того, он был близким другом Э. Бенеша, который в то время занимал пост министра иностранных дел. В контексте исторической науки Шусту отличало заинтересованное отношение к искусству и прежде всего к литературе. Живой, искрометный стиль характерен для всего его творчества; к сфере искусства, несомненно, относятся книги воспоминаний и роман "Чужбина". Нельзя забывать и того, что Й. Шуста, чарующий собеседник, не был посторонним в кругу чапековских "пятниц".

В целом очевидно, что полномочия Шусты были продуманы, подкреплены всесторонней аргументацией, а сама его фигура в данном случае незаменима. Но, хотя чешская сторона, наученная былыми неудачами, изрядно себя подстраховала, до победы было далеко. Советником Нобелевского комитета и экспертом по славянским литературам после смерти А. Йенсена стал Антон Карлгрен, личность скептическая, критичная и бескомпромиссная. К творчеству Чапека у него было много претензий. Он упрекал писателя прежде всего в "поверхностных эффектах", например "пуфф!" в "Кракатите". С течением времени, однако, его суждения становились более благоприятными. Это, очевидно, не было только заслугой Чапека, здесь сыграла роль искусная дипломатия тех, кто его выдвигал, а также факт, признанный самим Карлгреном: "уже давно премию не получал кто-либо из славянских писателей", а Чапек — "один из самых способных".

Хотя все материалы Нобелевского комитета не подлежали разглашению, в руки министра иностранных дел Бенеша с помощью чехословацкого посольства в Стокгольме поступала достоверная информация о каждом изменении настроений по отношению к кандидатуре Чапека. Посредническую роль играло и чехословацкое посольство в Копенгагене. Всю корреспонденцию Министерство иностранных дел сразу передавало Шусте, чтобы он мог соотносить свою деятельность с новой ситуацией.

В подробном комментарии к первой неудаче, в 1932 г., посольство Чехословацкой Республики в Стокгольме тут же советовало, "чтобы на следующий год писатель Карел Чапек был вновь выдвинут на соискание Нобелевской премии". Далее оно сообщало, что "за день до принятия решения о присуждении Нобелевской премии в Стокгольме ходили слухи, что премия достанется К. Чапеку". (Премию получил Джон Голсуорси.) Посольство также намечало стратегию дальнейших действий: "На пользу дела пойдет, если в печати будут время от времени появляться статьи и сообщения о К. Чапеке". Свою роль в этой кампании оно видело прежде всего в том, чтобы договориться "незаметно с друзьями Чехословакии, на сотрудничество с которыми рассчитывает. С методом венгров, которые в течение года прямо обозначили в шведской печати кандидата на Нобелевскую премию, посольство, конечно, не согласно. Посольство было бы благодарно, если бы в его распоряжение предоставили сочинения К. Чапека в оригинале и переводе, чтобы постепенно можно было ненавязчивым образом завоевывать настроения в пользу этого поэта, если, разумеется, в Чехословакии опять назовут его кандидатуру. Посольство имеет основания предполагать, что среди членов Шведской Академии есть лица, которые поддержали бы предложение" [12].

Необходимость переводов все причастные к делу считали первостепенной. С конца 1932 г. работа над переводами новых произведений Чапека стала более систематической и во многом более интенсивной чем ранее — они выходили почти одновременно

с оригиналами. Предложение Шусты в 1933 г. уже сопровождалось списком иноязычных изданий: "Гордубал" на немецком, "Картинки Голландии" на английском, "Девять сказок" на английском и немецком, "Год садовода" на немецком, датском, голландском и французском и "Рассказы из другого кармана" на английском языках. В дополнении к переводам в следующем году значились "Гордубал" и "Беседы с Т.Г. Масариком" на английском, "Год садовода" и "R.U.R." на шведском и "Гордубал" и "Кракатит" на голландском языках. "Кракатит" вместе с "Дашенькой" одновременно вышли на немецком. Семнадцать переводов, сделанных за два года, – весомое доказательство усилий, приложенных представителями чехословацкой науки и политики. Смысл их действий просматривается и в том, что переводы на скандинавские языки однозначно преобладали ([12]. Черновики предложений 1933–1934 гг. и дополнение к переводам на двух карточках, отосланных И. Томовой).

В письме посольства ЧСР в Стокгольме Министерству иностранных дел в Праге от 1936 г. сообщалось, что благодаря пропаганде в газетах, но прежде всего благодаря переводам, о Чапеке в конце концов создано "некоторое представление". Поэтому его "серьезно принимали в расчет, но еще не завоевано большинство в восемнадцатичленном комитете" ([12]. Описание письма посольства ЧСР Министерству иностранных дел в Праге от 14 ноября 1936 г.)¹. В начале 1937 г. Министерство иностранных дел ЧСР предлагает Шусте вновь выдвинуть Чапека и отмечает, что "уже не нужна мотивация"². В это время поддался и Карлгрен, который применил к "Войне с саламандрами" неожиданные эпитеты "блестящий" и "оригинальный" и начал писать о Чапеке как о писателе мирового значения. Очевидно, что многолетняя целенаправленная кампания должна была принести плоды. Парадокс состоит в том, что ее результатом стала не искомая Нобелевская премия для К. Чапека, но создалась основа для мировой известности его творчества.

Университетские предложения 1932–1937 гг. – не только собрание исторической документации. Как и в параллельно развивавшихся чешской поэзии и прозе, в них заметно упорное нарастание освобожденных творческих сил, которое несло в подтексте пробивающиеся опасения по поводу будущих потрясений. Конец 1930-х годов уже прошел под знаком потерь. Вначале это были потери значимых фигур национальной жизни (Масарик, Пекарж, Тилле, Шальда, Чапек), затем потеря части территории страны, позже – ее независимости и, наконец, на долгие десятилетия была утрачена надежда.

Нобелевская премия по литературе, присужденная в 1984 г. поэту Ярославу Сайферту, предвещала время, когда поднимутся головы и выпрямятся спины. Закулисная сторона этого факта еще будет для нас некоторое время тайной³. Ясно, однако, что это первое большое признание чешской литературы появилось не вдруг. Без проделанной предыдущими кандидатами работы и их поддержки чешская литература, возможно, еще ждала бы своей Нобелевской коронации.

Перевод *Н.В. Шведовой*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Petráš J. Nástin dějin filozofické fakulty Univerzity Karlovy. Praha, 1983.*
2. *Blümlová D. Univerzitní předchůdci Václava Černého // Václav Černý. Život a dílo. Praha, 1996. S. 24–33.*

¹ Определенным тормозом в решении Нобелевским комитетом вопроса о Чапеке мог в то время стать и тот факт, что в 1933 г. премия была присуждена славянскому писателю И.А. Бунину.

² Оригинал предложения 1937 г. находится в архиве Шусты. Если Й.Б. Михл пишет о нахождении предложений этого и следующего года в архиве Шведской Академии, речь идет, видимо, о предложениях, поданных другими лицами.

³ Материалы заседаний Нобелевского комитета не подлежат опубликованию в течение 50 лет. Следующим чешским кандидатом в последние годы, согласно Михлу, является Богумил Грабал.

3. Jaroslav Vrchlický – Eduard Albert. Vzájemná korespondence. Praha, 1954.
4. Archiv Akademie věd České republiky Praha. Fond ČAVU. Karton 269. Inv. č. 700. Koncept návrhu. Sgn. 631.
5. *Michl J.B.* Laureatus laureata. Třebíč, 1995.
6. *Pražák A.* Vrchlickému nablízku. Praha, 1945.
7. *Peroutka F.* Jací jsme, Praha, 1991. S. 33.
8. Archiv AV ČR. Fond ČAVU. Karton 269. Inv. č. 701. Kopie návrhu. Sgn. 632.
9. Literární archiv Památníku národního písemnictví. Praha. Fond V. Tille, korespondence; deníky, poznámky.
10. Státní ústřední archiv. Praha. Fond J. Šusta. Karton 20. Návrh na Nobelovu cenu pro Karla Čapka 1932–1937.
11. *Blümlovi D., a J.* 6x nic? Nobelova cena pro Karla Čapka // Rozeta. České Budějovice, 1991. 1. S. 10–12.
12. Státní ústřední archiv. Praha. Fond J. Šusta. Karton 20. Návrh. Opis dopisu vyslanectví ČSR ve Stockholmu z 24. 11. 1932.

Международная научная конференция "Адам Мицкевич – традиция и новаторство"

19–23 октября 1998 г. в Варшаве (Институт литературных исследований ПАН) и Познани (Университет им. А. Мицкевича) прошла Международная научная конференция "Адам Мицкевич – традиции и новаторство", посвященная 200-летию со дня рождения крупнейшего поэта польского романтизма. Она была организована Комитетом по празднованию 200-й годовщины со дня рождения Адама Мицкевича (председатель – Я. Одровонж-Пененжек), Институтом литературных исследований ПАН, Университетом им. Адама Мицкевича в Познани и Литературным Обществом им. Адама Мицкевича при поддержке Министерства культуры и искусства, Министерства народного образования и Комитета научных исследований Польши. В ней приняли участие представители различных научных центров как Польши, так и Белоруссии, Литвы, России, США, Франции и Швейцарии.

С приветствием к участникам конференции обратился Президент Польши Александр Квасьневский, подчеркнувший в своем письме непреходящее значение идей и искусства поэта для национального самосознания. На открытии конференции выступили почетные гости – министр культуры и искусства И. Внук-Лазарова, министр-председатель Комитета научных исследований проф. А. Вишневский, вице-президент ПАН проф. М. Моссаковский, председатель польского Пен-Клуба Я. Бохеньский.

В выступлении председателя Комитета по празднованию 200-й годовщины со дня рождения А. Мицкевича Я. Одровонж-Пененжека нашли отражение как этапы на-

чавшейся пять лет назад подготовки этого важнейшего для польской и европейской культуры юбилея, так и мероприятия, уже проведенные в рамках его программы (научные форумы в Дамаске, Оренбурге, Томске, Никосии, Минске, Москве; выставка, организованная совместно с музеем А.С. Пушкина в Москве) или планируемые на ближайшее будущее (конференции в Стокгольме, Торонто, Тбилиси, Лионе, Париже).

Директор Института литературных исследований ПАН Э. Сарновска-Темериуш, в частности, обратила внимание собравшихся на оправдавшееся пророчество Мицкевича о непреходящей ценности слова, "песни", которые сохранятся, пройдя сквозь века, пережив все драмы времени своего возникновения, навсегда оставшись в истории и культуре.

Во вступительном слове З. Стефановской были отмечены все еще существующие "белые пятна" в нашем знании о жизни провинциального мальчика из средней шляхетской семьи, ставшего великим поэтом, – они связаны и с местом его рождения, которое продолжает вызывать споры, и с датой (неизвестно, по какому календарю она определяется). Другого рода "белые пятна" обусловлены попытками манипулировать фактами, подправить некоторые невыигрышные моменты биографии поэта (профессиональная этика отца, происхождение матери, масонство, семейная жизнь и др.), приукрасить ее, превратить реально жизнь в романтическую легенду. Вместе с тем современные исследователи имеют возможность ознакомиться с текстами поэта благодаря неутомимому труду

своих предшественников – Гурского, Пигоня, Клейнера, чьи традиции они продолжают.

Особое место на конференции было отведено попыткам нового прочтения последнего крупного произведения Мицкевича – поэмы "Пан Тадеуш". Б. Закшевский (Вроцлав) остановился на уникальном в истории польской литературы явлении – многочисленных продолжениях поэмы, которые в последующие эпохи предпринимались с разными целями и в различных жанрах и могли иметь совершенно отличную от оригинала идейную направленность (сатира, пародия, эротическая литература и др.), о чем свидетельствует обширная антология этого рода текстов. Ю. Бахуж (Гданьск) обратил внимание собравшихся на присутствие смеха в "Пане Тадеуше" в контексте романтических представлений о комическом и его несовместимости с возвышенным, о неуместности смехового начала у национального поэта. Согласно некоторым современными Мицкевичу оценкам, эта поэма свидетельствовала об утрате поэтом харизмы, о предпочтении низкого тона. Смеховые жанры со времен Ренессанса в значительной степени потеряли позитивное начало смеха как выражения веры в жизнь, радости бытия, став к XVIII в. преимущественно сферой негативного осмеяния недостатков, сатирического освещения мира. В свою очередь Мицкевич, не создавший собственной теории смеха, в парижских лекциях отмечал особенности отношения к смеху у славян (отсутствие сатиры, стремление народной поэзии к возвышенности и др.). В "Пане Тадеуше" можно отметить поиски национального облика комизма, позитивного и коллективистского по своей сущности. В дискуссии по докладу отмечалось (М. Дерналович), что во времена Мицкевича освобождаящая роль смеха еще не осознавалась, а его обращение к стихии чистого комизма имело впоследствии в Польше долгую традицию, которая присутствовала, в частности, в юморе знаменитого "Кабаре Пожилых Мужчин" времен социалистической Польши.

Значение восстания под предводительством Тадеуша Костюшко в жизни и творчестве Мицкевича стало темой доклада З. Судольского (Варшава). Детство поэта проходило в атмосфере воспоминаний о героизме и поражении национального восстания. После восстания 1831 г. связанная с именем Костюшко легенда обретает особое значение, его идеалы самоотверженности, героического деяния

во благо отчизны разделяются новыми деятелями национального движения, среди которых виленские филоматы и филареты, позднее – круг последователей А. Товяньского. В понимании Мицкевича, галерея национальных святых вмещает "Ягеллонов, Собеских, Костюшко", а среди идеалов новой эпохи он видит Моисея, Наполеона и Костюшко. Последний, по мнению поэта, так же воплощает польский дух, как Наполеон – французский. В дискуссии по этому докладу М. Дерналович отметила сложность отношения Мицкевича к ноябрьскому восстанию, что проявилось в его публичных высказываниях. В докладе Р. Коропецкого (Лос-Анджелес) «"Человек подлей змеи": ориенталистский дискурс "Крымских сонетов"», вызвавшем оживленную дискуссию, были затронуты вопросы отношения к Востоку – как в системе западных представлений, так и в контексте российских колонизаторских амбиций. А. Липатов (Москва) в докладе "Мицкевич и Пушкин: дружба поэтов или взаимное признание поэтического дара" выступил против "историко-литературной мифологии", в духе которой личные взаимоотношения двух поэтов представляли, в частности в советском литературоведении, в преувеличенном и лакированном виде, а существовавшие между ними разногласия затушевывались. Значение Мицкевича и связанной с ним легенды в духовной жизни Кракова в XIX в. было освещено в докладе Ф. Зейки (Краков). Отдельное заседание было посвящено инациональному контексту и рецепции творчества Мицкевича – были заслушаны выступления З. Митосек (Варшава) "Европа Мицкевича", Ф. Каледы (Вильнюс) "Адам Мицкевич как один из творцов литовского национального возрождения в XIX в.", А. Мальдзиса (Минск) "Адам Мицкевич и белорусское национальное самосознание", В. Мочаловой (Москва) "Свое/чужое: диалог, полемика, заимствование, новаторство".

Особый комплекс докладов был связан со сферой "идеологии", посвящен религиозным представлениям поэта, его мистическим исканиям (К. Рутковский (Париж) "В какого Бога верил Мицкевич"), их отражению в его произведениях (М. Масловский (Нанси) "Реинтерпретация культа Девы Марии в творчестве Мицкевича"), историософским построениям (К. Поклевская (Лодзь) "Антиутопические черты "Истории будущего") и изложенной им в виде университетского курса системе воззрений на "мир славянского духа",

воплощенного в литературе (М. Дерналович (Варшава) "Трудности на кафедре Коллеж де Франс"). Следует отметить, что относящиеся к этому кругу доклады были далеки от попытки представить весьма сложную проблематику в упрощенном виде или избежать многозначности, вопросов, остающихся открытыми.

Неожиданные аспекты исследования были продемонстрированы в докладе А. Витковской (Варшава) "Биография и география в молодости Мицкевича", где было прослежено особое влияние на мальчика из провинциального Новогрудка культурной атмосферы всех тех мест, где проходили его молодые годы – это и любимое Вильно и ненавистное, но побудившее к самопознанию Ковно, и столичный Петербург, научивший сопротивлению деспотии, и манящий восточной таинственностью Крым.

Эволюцию зрелого Мицкевича от "безумства" к "рассудочности" рассмотрела на материале политической публицистики поэта 1832–1833 гг. З. Трояновичова (Познань). Если на более раннем этапе поэт, относивший себя к "безумным" людям, верил в магическую способность слова ускорить ход событий, вызвать революционные изменения европейской ситуации, то позже, разочаровавшись в действенности этой программы, он переживает кризис доверия к собственному публицистическому слову, что стало причиной его позднейшего молчания. Публицистика Мицкевича, сочетание в ней традиции и новаторства стали темой доклада З. Пшиходняка (Познань), отметившего изначальное отсутствие у поэта как особого публицистического темперамента, сравнимого с темпераментом Мохнацкого, так и варшавской школы. Тем не менее после восстания Мицкевич успешно ищет новые формы выразительности, использует диалогичность, дискурс демократических дебатов, однако, публицистическая сторона его творчества остается недооцененной.

Заглавие "Вольный стрелок" для своего доклада М. Пивиньская (Варшава) заимствовала у первой романтической оперы (К. Вебера), на музыку которой написан "Хор стрельцов" Мицкевича. В докладе анализировались тема охоты (и ее связь с эротической темой), тема животных в поэзии Мицкевича в контексте романтического отношения к природе. Оппозиция природа/культура в романтизме выражена исключительно сильно и в этой связи образы поэта-птицы, поэта-рыбы, роман-

тического охотника, который одновременно является дичью (влюбленный подстрелен Амуром), приобретают особую значимость.

Циклическая композиция в поэзии Мицкевича стала предметом рассмотрения в докладе Р. Фигута (Фрайбург), отметившего неоднозначность и нетождественность себе лирического субъекта, который может превратиться в лирического героя, менять идентичность. В цикле сонетов московского периода выступавший обнаружил два лирических "я", в одесском цикле и сонете "Мирза" – расщепление идентичности на уровне субъекта – в отличие от коллективного субъекта, выступающего в "Балладах и романах". Множественность лирического субъекта противоположна принципам народной поэзии. Иная стратегия отмечается в цикле афоризмов "Мнения и наблюдения", где происходит мистическая деиндивидуализация лирического субъекта, который как бы присваивает высказывания других авторов, божественные и мистические истины.

Х. Круковская (Белосток) ("Внесловесные средства выразительности в поэзии Мицкевича") отметила метафизический характер поэзии Мицкевича, его стремление избирать слова, имеющие эпифаническую ценность (Бог, любовь, истина), а после достижения поэтом уровня "трудной простоты" – предпочтение им молчания.

На конференции был также зачитан доклад известного польского поэта Ст. Баранчака (Бостон) "Маэстро или ремесленник", предпринявшего попытку проанализировать, в чем ценность Мицкевича как поэта для современных, количественно весьма отличных друг от друга читательских кругов, среди которых наиболее многочисленный – широкая аудитория любителей поэзии. За этой читательской аудиторией следуют все более сужающиеся круги университетских гуманитариев-полонистов, профессиональных поэтов, а также тех из них, кто, подобно Милошу и самому докладчику, много лет преподающему в американском университете, стремятся дать представление о творчестве Мицкевича иностранной аудитории. Баранчак склонен видеть в Мицкевиче медиума, реже – творца, сознательно использующего свой метод, владеющего вдохновением, знающего цену ремесла. Заглавная оппозиция доклада предстает в его итоге как синтез – маэстро, сотрудничающий с ремесленником, который "подбирает рифмы", маэстро, который хочет,

чтобы труд ремесленника был оценен по заслугам.

3. Стефановская (Варшава) осветила амбивалентность взглядов Мицкевича на события польской истории, непосредственно предшествовавшие утрате Польшей национальной независимости (Барская конфедерация, Конституция 3 мая, Тарговицкая конфедерация). Если романтизм формировал канон национальной истории, то в "Пане Тадеуше" этот канон отражен Мицкевичем как политическое завещание Речи Посполитой.

В заключительном слове, подведшем итог работы конференции, Я. Одровонж-Пененжек отметил, что это главное научное мероприятие в Польше, посвященное юбилею Адама Мицкевича, продемонстрировало многообразие исследовательских методов и подходов к его богатому наследию, что бесспорно послужит более глубокому осмыслению национальной традиции.

К конференции было приурочено открытие в Музее литературы имени А. Мицкевича в Варшаве постоянной экспозиции, посвященной жизни и творче-

ству поэта (авторы – Я. Хромы, Л. Косовский, Э. Банко-Щитек), а Институт литературных исследований ПАН подготовил выставку соответствующих материалов, документов и редких изданий произведений поэта из своих библиотечных собраний.

Поэту, воспевшему в "Пане Тадеуше" весь космос ушедшей польской старины, былой уклад и колоритный быт шляхетской усадьбы, неожиданно и изобретательно воздали должное научные сотрудники Курницкой библиотеки ПАН – В. Каркучиньская, М. Лучак и М. Словиньский: выделив в тексте этой поэмы все кулинарные описания, упоминания рецептов старинных блюд, они воссоздали изобильное и изысканное пиршественное меню старопольской шляхты и предложили его благодарному вниманию участников конференции на "историческом" банкете, достойно завершившем празднование 200-летия великого польского поэта.

© 1999 г. *В.В. Мочалова*

Новые издания Института славяноведения РАН

В 1996–1998 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

- * Болгария и Россия. Сб. трудов Б.Н. Билунова. М., 1996.
- * Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996.
- * *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.
- * *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996.
- * *Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. I: Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М., 1996.
- * Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996.
- * Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
- Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. Вып. 28–29. М., 1996.
- * *Николаева Т.М.* Просодия Балкан. Слово – высказывание – текст. М., 1996.
- * Обзоры Научного центра славяно-германских исследований. I. М., 1996.
- * Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- Поэзия западных и южных славян и их соседей. Развитие поэтических жанров и образов. М., 1996.
- * "Путь романтический совершил..." Сб. статей памяти Б.Ф. Стахеева. М., 1996.
- * Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
- * Славянские матицы XIX в. М., 1996. Ч. 1–2.
- * Славянские языки в зеркале неславянского окружения. Тезисы международной конференции. 20–22 февраля 1996 г. М., 1996.
- * *Титова Л.Н.* Образы и знаки в чешской культуре XVIII–XIX вв. М., 1996.
- * *Улуян А.А.* Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII–XIX вв. Библиографический словарь. М., 1996. Т. I–II.
- * Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.
- * Балканские исследования. Вып. 17: Церковь в истории славянских народов. М., 1997.
- * *Венелин Ю.И.* Грамматика нынешнего болгарского языка. М., 1997.
- Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. I: 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997.
- * История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.
- * Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.
- * Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997.
- * Материалы "Особой папки" Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997.
- * *Натура и культура.* М., 1997.
- Николаева Т.М.* "Слово о полку Игореве". Поэтика и лингвистика текста. "Слово о полку Игореве" и пушкинские тексты. М., 1997.
- * *Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997.
- * Политический ландшафт стран Восточной Европы. М., 1997.
- * Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997.
- * Славянские соединительные союзы. М., 1997.
- * *Фрейдзон В.И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.
- Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х–80-х гг. XVII в. Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого. М., 1998.
- * *Волокитина Т.В.* "Холодная война" и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1998.
- * *Мургулия М.П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.

* Славянская идея: история и современность. М., 1998.

* Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. М., 1998.

* Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. II.

* Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998.

* Февраль 1948 г. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998.

* Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998.

* *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.

* XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.

* Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

Т.И. ВЕНДИНА. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998. 240 С.

Книга посвящена исследованию ономазиологической и деривационной структуры русской языковой модели мира. Анализируя богатый материал русских диалектов, автор попытался выявить логику словотворческих актов и представить структурную организацию русского макрокосма.

Для лингвистов широкого профиля, историков языка и культуры.

К 120-ЛЕТИЮ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

Предстоит издание "Походных писем" графа Н.П. Игнатьева.

К 120-летию русско-турецкой войны и освобождения Болгарии от османского ига, отмечаемому в 1998 г., отечественные исследователи и архивисты подготовили публикацию писем выдающегося российского дипломата графа Н.П. Игнатьева к жене. Написанные летом–осенью 1877 г. эти письма представляют собой своеобразный дневник, ярко и образно рассказывающий о событиях на Балканском театре военных действий. Находясь в составе императорской свиты, Игнатьев был в курсе всех военных событий и дипломатической жизни. В письмах приведено много новых фактов о ходе боев, воинских подвигах русских солдат, о их взаимоотношениях с болгарским населением, о деятельности императорской ставки. Автор писем показывает просчеты командования, приведшие к большим людским потерям, недостатки в снабжении армии, ее военно-санитарном обеспечении и пр. Большой интерес представляют сведения об иностранных дипломатах и корреспондентах в русской армии, взаимоотношениях ставки и командующих армейскими частями, настроениях и действиях Александра II.

Подготовка данной публикации осуществлена по инициативе российской части Комиссии историков России и Болгарии и стала возможной благодаря конструктивной позиции руководства Государственного архива Российской Федерации. Автор предисловия и научных комментариев – д-р ист. наук В.М. Хевролина (Ин-т российской истории РАН), ответственный редактор – канд. ист. наук А.А. Улуния (Ин-т славяноведения РАН).

✦ М.А. ВАСИЛЬЕВ. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Этюды (в печати).

Монография представляет собой комплексное исследование по проблемам, связанным с функциями, обликом, временем и путями проникновения в восточнославянское язычество иранских (сарматоаланских) по происхождению богов Хорса и Семаргла, а также с "первой религиозной реформой" (980–988) великого князя Владимира Святославича. В Приложениях рассматриваются вопросы о соотношении *словен* и *антов* письменных памятников и о новгородской Перыни как гипотетическом месторасположении капища Перуна в годы языческого реформирования Владимира. Книга написана на основе широкого круга разнообразных и разновременных источников (письменных, лингвистических, этнографических, изобразительных и иных), принадлежащих к различным лингво-культурным и религиозным традициям (славянской, иранской, индийской и др.).

МАКЕДОНИЯ: Путь к самостоятельности. Документы / Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1997. 528 С.

В сборник вошли документы, характеризующие политическое и экономическое становление Македонского государства, его внешнеполитическое развитие, борьбу за международное признание. Сборник рассчитан на специалистов по Балканам, работников МИД, представителей законодательных органов, учащихся, студентов, преподавателей вузов.

CONTENTS

ARTICLES

275 Years of the Russian Academy of Sciences

<i>Arapov D.Yu.</i> (Moscow). Researchers of the "Notes" by Ibn Fadlan in Russia (60 Years of the "Ibn Fadlan's Trip to Volga" Publishing)	3
--	---

Ten Years of the East European Revolutions

<i>Novopashin Yu.S.</i> (Moscow). New Regional Identity of the Central European Countries as a Scholarly Problem.....	15
<i>Mayorova O.N.</i> (Moscow). Role and Place of Poland in the Contemporary Europe (Discussions in the Polish Society)	30
<i>Zudinov Yu.F.</i> (Moscow). Bulgaria: the Difficult Way to the "Big Europe".....	44

200th Anniversary of A.S. Pushkin

<i>Budagova L.N.</i> (Moscow). Reception of Pushkin's Work in Czech Poetic Avantgarde.....	58
<i>Kishkin L.S.</i> (Moscow). A.S. Pushkin and the Slovak Literature.....	68
<i>Strykalin A.S.</i> (Moscow). A.S. Pushkin's Creative Work in the Context of Russian Literary Classic Reception in Hungary (XIX – first half XX Century).....	74

* * *

<i>Mochalova V.V.</i> (Moscow). The Category of "Foreign" in the Romantism Culture	84
<i>Lapteva L.P.</i> (Moscow). The XIXth Century Czech Scholar Frantisek Palacky and his Contacts with Russian Scholarship.....	92

COMMUNICATIONS

<i>Shostakovich B.S.</i> (Irkutsk). A Case of Unknown "Moskovskye Vedomosti" Correspondent.....	103
<i>Murtuzaliev S.I.</i> (Makhachkala). Konstantin Irecek and Bulgaria.....	108
<i>Blumova D., Blumov J.</i> (Ceske Budejovice). The Czech "Cross Procession" for the Nobel Prize in Literature.....	112

SCIENTIFIC LIFE

<i>Mochalova V.V.</i> The International Conference "Adam Mickiewicz – Tradition and Innovation"	120
New Publications of the Institute for Slavic Studies, RAS	124

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 10.02.99.	Подписано в печать 12.03.99	Формат бумаги 70 × 100 ^{1/16}		
Офсетная печать	Усл.печ.л. 10,4	Усл.кр.-отт. 6,5 тыс.	Уч.изд.л. 12,0	Бум.л. 4,0
	Тираж 618 экз.	Зак. 2431		

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О Б Ъ Е Д И Н Е Н Н Ы Й КАТАЛОГ '99

российские и зарубежные
газеты, журналы, книги, учебники

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи ("ФУПС"). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АПР"

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить и непосредственно в редакции журнала с любого очередного номера. Это избавит Вас от значительной части расходов: цены редакционной подписки существенно ниже! К тому же вышедший номер Вы сможете получить в редакции сразу после выхода его из печати.

Пользуйтесь предоставленной Вам возможностью льготной подписки!

АПР

Агентство по абонементной подписке

АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ

АРПИ

Агентство по абонементной подписке издательств и изданий

УГОДИЕ

